

Геннадий Груненко

ДРУГАЯ
ПЛАНЕТА

Рассказы

Львів
КАМЕНЯР
2014

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4РОС)

Г90

В своей новой книжке современный автор, проживающий в славном шахтерском городе Червоноград, что на Львовщине, углубляется в невидимый мир других цивилизаций, которые в своем развитии значительно превзошли нас, землян, стремится глубже раскрыть такие понятия, как левитация, прана, астрал., акцентируя на победе добра над злом.

На обложке – картина автора.

ISBN 978-966-607-274-5

© Геннадий Груненко, 2014

Базар-вокзал, или Исповедь больного человека

Шёл мокрый снег. В начале декабря погода сменилась как по расписанию. Всевышний не скупился – подсыпал и подсыпал порции мороженого. Хочешь языком лови, а хочешь подставляй ладони. Всем хватит. В другое – более благодатное – время я любил побродить по Львову, понаблюдать за городской сутолокой, но ощутив, как за шиворот потекло, без сожаления направился на железнодорожный вокзал, хотя до отхода электрички оставалось ещё добрых полтора часа. Оказалось, не я один такой мерзляк. Зал ожидания был под завязку, зато тепло приятно дохнуло прямо в мокрое от снега лицо. Пройдясь по рядам, я обнаружил свободное место. С удовольствием уселся и даже закрыл глаза от наслаждения. Слева от меня заезжил сосед. Старичёнка, вероятно, был из числа излишне любознательных людей. Правда, его любопытство, как оказалось, не простиралось дальше – куда, откуда и, главное, зачем? Как в том анекдоте: «Девушка, а вы не подскажите, где тут ближайший туалет? А вам

зачем?» Вот и я на вопрос дедуся: «Куда...», лаконично ответил: «А вам зачем?» Сосед справа усмехнулся и прокомментировал:

– Это местный приживало. С утра тут сидит. Боится насест потерять. Мы с ним, можно сказать, уже породнились. Ничто так не сближает как обоюдное безделье. Я взял билет из Венеции до Донецка, но Донецк из-за непогоды не принял. Самолет высадил пассажиров во Львове, а мне дальше ехать железкой, но поезд только вечером.

– Интересное кино. Вы, что же на гидроплане прилетели?

– Отнюдь. Венецию таки да затопило. Аэропорт Марко Поло временно закрыт, но за городом – в часе езды от автовокзала – есть ещё один. Сразу видно, что Венецию только на картинке видели.

– Да вот, как-то не сподобился с вотчиной гондольеров вживую соприкоснуться, понюхать амбре...

– Так уж и амбре. Летом, конечно, иногда бывает душок. Попахивает, но не в такой степени, чтобы заморочиваться.

– Защищаете родину Тициана? Похвально. Туристом галопировали по Европам?

– Я там работаю. Только не в самой Венеции, а поблизости в небольшом городке. Занят компьютерным моделированием.

– Нет пророка в своём отечестве?

– Нужда погнала.

– Тоже интересно, хоть ответ и стандартный.

Вот только заробитчане не въезжают в нюанс – забывая за бугром не хилое бабло, украинцев в целом нагибают. Нагнали на недвижимость в Украине европейские цены, а украинец у себя дома бьётся, как рыба об лёд, размахивая деревянной валютой. Да и с товарами то же самое. Обидно, как говорит Виктор Коклюшкин – известный российский сатирик. Я не прав?

Мой собеседник, вместо ответа, как-то странно повёл себя.

– Вы не посмотрите за моей сумкой? Я в туалет...

– Легко.

Опять интересно. Пять минут знает человека и доверяет ему сумку, в которой явно не пара банок с соленьями. С «Европов» такой скарб не возят. Что-то день у меня сегодня насыщен интересными моментами. Как бы чего не вышло... Минут через пять «итальянец» «пришвартовался» к своему креслу. Выражение лица его заметно поменялось. Никак ширево принял.

– Уф, хорошо. Много ли человеку надо. Справил нужду и дальше жить можно.

На мое недоуменное лицо отреагировал своеобразно. Расстегнув верхнюю пуговицу

куртки, стал с нервической торопливостью вытаскивать из кармана некий довольно объёмистый предмет. Тот никак не хотел вылезать. Послышался даже треск подкладки. В конце концов на свет появился – нет не бумажник, а целый лопатник в образе бумажника. Порывшись по отделениям, он протянул мне пластиковую карточку. Заполнена она была на итальянском и английском языках. У рутюнов Моисей, – значилось там. Идентификейшен код и номер идентификационного кода. Дальше шли на-звания каких-то учреждений и среди них – США, Техас.

– Интер... – хотел было я вставить заезженное словцо, но передумал. Пора и честь знать.

– Это моя лечебная карточка, имеющая легитимность в Евроне и даже в Америке.

– А в Украине, – спростодушничал я.

– Вы, что совсем плохой... Ах, извините за бестактность. Когда вы пошутили насчёт Украины, во мне всколыхнулась волна неприязни. Не беспочвенная.

Он торопливо забрал свою карточку и спрятал в карман.

– В Донецке – продолжил он, – меня сделали инвалидом за 43 000 гривен, а в Италии восстанавливали долгое время и всё удивлялись – как я остался жив. Если у вас есть время и желание послушать, я с удовольствием

расскажу историю своих злоключений. Недавно я был выписан из одного итальянского медучреждения, и вот добираюсь домой для реабилитации. Итальянский язык я знаю скорее плохо, чем сносно, так что излить душу было некому.

– А тут подвернулся я. Всё, шучу, шучу, – поднял я ладони вверх, увидев реакцию Моисея.

– Да ладно. Всё нормально, только я ещё разок сбегая...

– С чего начать? – пожевал губами Моисей, возвратясь на место. – Вы уже заметили мою «привязанность» к туалету. Ну, об этом потом. Года три назад, я начал замечать ухудшение зрения в правом глазу. Пошёл к окулисту, затем к другому, пятому-десятому. Ответ один – у вас слишком сложный случай, ничем помочь не можем. Я как-то скис, ощутив внезапно, что мир хрупкий и в один непрекрасный день он может рухнуть для меня. Значение присловья – беда не приходит одна, – не обошло стороной и меня. Простата попросила обратить на себя внимание. Как же, лучшая подруга мужчин. Дальше – больше. Принцип домино никто не отменял. Сужение уретры не лучшим образом сказалось на почке. Итак, цепная реакция стала закономерно набирать обороты. Я начал знакомиться с другими носителями белых халатов. Кстати, вы обращали внимание на

карманы спецодежды наших эскулапов? Нет? Вот и я тоже вначале думал, что в них кладут так себе – всякую мелочевку. Мало ли чего там можно носить. Микстуры какие-нибудь или шоколадку, на худой конец, для поддержания тонуса. Ан нет. Мелочевку, конечно, тоже туда кладут, но только другого порядка – ну, скажем, стольник баксов или полтонны деревянных. Чем не тара. Лишь бы прорехи не было. А вот за этим они следят строго. Пуговицы иной раз не досчитаешься, а вот с карманами всё в порядке. Ладно, проехали. Начал меня обследовать один светило от медицины. Со спецодеждой у него было всё в порядке. Халат отглаженный, ну и пуговицы все на месте, а главное – проглядывалась в нем присущая всем значимым персонам этакая отвлечённость от мирской суеты. Живёт себе человек, как бы и в обществе, но вниз не смотрит. Мало ли кто там внизу копошится. Пусть их. Взгляд всегда устремлен вдаль – ведь там, вдали, всегда присутствуют зовущие к себе горизонты, о каких копошащемся люду знать не обязательно, даже вредно. Помешаются ещё от избытка перспектив. Консервативное лечение он отмёл сразу. Заметив при этом – опухоль штука спрятная и соревноваться с ней в резвости – дело опасное. Ещё он добавил: «Лечение должно быть адекватным». Что этим хотел сказать «Эзоп» в белом халате, я сразу не

понял. Смысл дошёл позже, после операции. Оказывается речь шла всего лишь о тарифе за проделанную работу. Проблемы начались сразу. Дело в том, что в клинике во время операции не нашлось для меня подходящего катетера – впихнули большего, чем нужно было, диаметра, нарушив тем самым слизистую уретры. Дальше больше. По недосмотру задели сосуды почки, и она стала «зависать», отчего уже после операции я испытывал постоянно ноющую боль. На мои жалобы чудо-доктор выписал мне кучу болеутоляющих снадобий, приговаривая, что всё пройдет. Не прошло. Произошло загнивание органа. Об этом я узнал уже при повторной операции в Италии.

– Вы сразу после одной операции поспешили на вторую?

– Где там. Полгода вообще был живым трупом. Питался таблетками. Мне повезло. Хорошие люди устроили на работу. Я уже говорил – кем и где. Платили гроши. Опять же через друзей я смог оформить вид на жительство и мне стали платить 2 700 евро. Уже стало легче, хотя итальянцам за такую работу платят 7–8 тысяч. Налицо дискриминация, но, имея вид на жительство, я уже мог претендовать на бесплатное медицинское обслуживание. Местные жители платят подходящий налог государству в размере 45 % от своего дохода и

поэтому лечатся бесплатно. С меня, малоимущего, но все же неитальянца, за обследование и две операции взяли около 3 000 евро. Для человека с улицы такое обслуживание обошлось бы около 70 000 евро. Вникаете?

– Да-а, цена на уровне выхода на орбиту.

– То-то. Для меня халява сумасшедшая. Остановлюсь на деталях – как проводили обследование перед операциями и, собственно, операции. Сказка. Скажи кому, не поверит.

– Ну я-то верю.

– Вот и я про белое. Вижу хорошего человека, потому и рассказываю. Фишка в отношении к пациентам. Персонал в высшей степени доброжелателен. Ответственность на грани самоотверженности. Вы слышали о случае с медсестрой, что наблюдала за роженицей – герцогиней Кейт Миддлтон? Итальянские специалисты такие же. Честь и долг для них превыше всего. Без пафоса. Глаз мой, который в Донецке стали лечить, после тщательного обследования привели в норму. Ввели в хрусталик жидкий полимер, где он перешёл в гелеобразное состояние. Разрез ткани сделали всего полтора миллиметра. Меньше уже некуда. С простатой было сложнее. После двухмесячного обследования начали устранять последствия «адекватного» вмешательства. Почка к тому времени превратилась в лишний

орган и её пришлось буквально спасать. Отток мочи из нее вывели наружу. В таком состоянии я находился длительное время, пока она снова не заработала должным образом. Во время операции на мне было одиннадцать катетеров различного назначения. Спайки и рубцы на месте аденомы пришлось убирать. Уретра тоже давала знать о себе после повреждения её неправильно подобранным катетером. На мониторе я наблюдал, как мне удаляли отмерший участок кишки не менее тридцати сантиметров. В моей «требухе» было нарушено столько каналов вегетососудистой системы, что врачи только головой качали. Пока я находился в клинике, у меня не было ни одного пролежня. Я кайфовал на воздушном матрасе, который поддувается волнообразно с помощью компрессора, не давая омертветь тканям. И вот я жив. Почти здоров. А это важно. Мыслишка только вибрирует постоянно: когда в Украине люди повернутся друг к другу лицом, а не местом его замещающем?

– Когда поймут, что место замещающее не лучше, но и не хуже самого лица. Ведь все части тела представляют собой единое целое всего организма.

2012

Собачьи зарисовки

Клеть заполнялась. Быстро, без суеты. Десять секунд и... готово. Звонок. Под завязку набитая горняками, она с гулом устремляется в тартарары. Минута стремительного падения, затем не менее стремительное торможение, и вот на полукилометровой отметке ниже уровня моря горохом сыпятся из неё подземные пассажиры. А в это время наверху, – в другой лифт, – затаривается очередная партия. Норма двадцать два человека, но это норма...

– Микола, что-то ты сегодня не вписываешься в габариты. Никак дерьмо боишься расплескать?

Бугай Микола, громыхая амуницией, пытается закрыть за собой створку клетки. Безуспешно. Особенно не раздумывая, отступив назад, он с уханьем ломится в толпу. Шахтёры народ крепкий, с понятием. Ломизм Миколы воспринимают стоически. Да и что сказать, на кого обижаться? Свои все в доску. Вместе бурят, вместе пыль глотают, вместе... пиво пьют.

– Эк тебя распёрло за ночь. Вчера мухой влетел и ещё место осталось.

– Г-гав, г-гав! – это пёс Цезарь подтверждает справедливость замечания. Он является всеобщим любимцем шахтёров и на правах члена бригады вместе с ними стремительно опускается в забой.

... Десять, двадцать, тридцать секунд. Лучи конононок скользят по шершавой поверхности ствола. Остановка. Вагонетки, вагонетки, вагонетки... Целый сонм. Наполненные доверху, они опрокидываются в СКИП, с тем, чтобы вновь занять место в арьергарде. Вентиляционный ветер настойчиво подталкивает шумливо шагающих мужчин в их коробящиеся брезентовые робы. Доски, выложенные вдоль стены конвейерного штрека, прогибаются под тяжелой поступью резиновых сапог. Хлюпают по воде. Цезарь деловито бежит впереди звена, вынюхивает старые отметки, для порядка делает новые. Путь от ствола до рабочего места бригады не близкий, но каждый раз он проделывает его с удовольствием, чувствуя себя сопричастным к нуждам людей, идущим позади него. Он слышит, как они перекидываются репликами, обмениваются разного рода соображениями, но пока лишь слышит – не вникая в детали разговора, который может вестись и в таком русле:

– Мужики, а что мне ворковал начальник? Что-то память не моей стала.

Носатый горлопан, по прозвищу Мачмала, привычно разводит руками. На наряде он с умным лицом слушает начальника участка и с пониманием кивает головой, с жаром соглашаясь (да-а, да, да, да-а), но не успев до ламповой, напрочь забывает суть предстоящей работы. Получив информацию в более выразительном контексте, настолько проникается пониманием, что тирада признательности расцветивается всеми цветами радуги. При том любимое выражение – «загребаная мачмала» – звучит рефреном, как белый стих, ибо именно с неё у него всегда начинается рабочая смена. Понаблюдав его поединок с гофрированной трубой водоотливного насоса, вечно забивающимся угольным илом, невольно задашь себе вопрос: «Где больше скопилось тромбов – в резиновой трубе или в кровеносных сосудах трясуна». Посылая проклятья извечному врагу – мачмале, он таким образом расслабляется и уж тут соперничать с ним по части сочных не в меру напыщенных выражений, по меньшей мере, бестактно.

...Лента. Живая, бесконечная. На ней тускло поблескивая, ворошится уголёк. Назвать чёрный, мелкий камень просто углём, значит утрировать результат труда шахтёра. Для него он всегда уголёк – хлеб и соль, кормилец. Всякий шагающий рядом с лентой непременно,

нет-нет да кинет любовный взгляд на живую, отливающую черным блеском, плоть. Если уголёк горбится – так, что с краев осыпается, – на душе светло. Пусть осыпается, подобрать есть кому, но стоит лишь на минуту ей опустеть – как в душу начинает закрадываться тревога. Возможно остановка комбайна вызвана чисто технологической причиной, но ведь тебя сейчас ТАМ нет, а потому, глядя, как впустую беснуется осиротевшая лента, в голову лезут всякие мысли. Но вот вдалеке послышался нарастающий, характерный для шахты шум. Лента напряглась всем своим осмысленным существом, приготовилась взять на упругие плечи тяжелый груз. Секунда, другая. Мимо понеслась привычная россыпь – черное золото. Цезарь тоже, как бывалый шахтер, испытал облегчение, когда ленточный конвейер застонал под нагрузкой. Он, неплохо для собаки, улавливает перемену настроений членов бригады и, если бы умел говорить, непременно присоединял бы свой голос в общую вязь рассуждений подземного коллектива. Но и тех качеств, чем он с избытком наделён природой и тесным общением с бригадой, вполне хватает для понимания, хоть и на утилитарном уровне, языки близких ему людей. Пример?

– У меня ремень поясной в два раза шире ленты, а на неё, бедную, две лавы качают... –

Это Сомич, рябой на вид, невзрачный мужичок, всю жизнь пропахавший в шахте и не отделим от нее, впрочем, как и она от него. Если лопату он называет безкнопочным агрегатом, значит так оно и есть, ибо, включив в работу совковую лопату (унифицированный комбайн), он порой забывает выключить его, пока на пропотевших плечах не почувствует тяжёлую дружескую руку. Опустившись на затылку, безадресно изречет: – У некоторых на том месте, где по всем признакам должна болтаться голова, сидит ж...

К кому конкретно относится замечание, не важно. Главное – суть мысли выпущена на волю, – пусть гуляет. Если брюзжание Сомича находит отклик, его могут и поддержать:

– Что притомился? А ты подавайся в малообеспеченные, и жить будешь не хуже, и шахте ручкой помашешь...

– Ты о чем?

– Да все о том, что скоро всех лодырей переведут в разряд малообеспеченных, а льгот у них окажется не меньше, чем у собаки блох.

Цезарь, уловив чутким ухом небезынтересную для него мысль, не мешкая, пустился в длительный променад за своим хвостом. К собственным малообеспеченным у него давние счёты.

– А знаешь пухлорылого? Он ведь в щенки мне годится, а туда же, с натаской.

– Я и говорю ему: «Ты – зюзик – автографы писой еще на полу выводил, когда я каску примерил». Он этак гонорово посмотрел на меня и уже собрался вякнуть, а я ему навстречу: «А ведь ты и до сих пор не плохо сохранил ум годовалого щенка». Он так и сел, где стоял. Да, видать, неудачно. Бронированный кабель не совсем аккуратно лег ему на крышу. Аж пыль из ушей посыпалась. Ничего, пошло на пользу. Ощутил справедливость моих слов. Поумнел.

Гороподобный, с непомерным для шахтёра животом, парняга – с аппетитной фамилией Пирожков, – переводит витийство коллег в гастрономическое русло:

– Моя знакомая воспитательница из детского сада решила однажды переквалифицировать меня в змеи-горынычи. «Дети, – говорит она, – если вы откажетесь от каши, этот вот дядя вас съест». – Пирожков для наглядности откусил от бутерброда. – Они, конечно, дружно убегают. Я без нервозности подчищаю столы и тянусь за компотом... Дети, поглядев, что каша им больше не грозит, не менее дружно влетают назад в столовую, и компот в мгновение ока перестает грозить и мне.

Цезарь, закончив безуспешный рейд, с видимым удовольствием вытягивает передние лапы и удобно располагает на них лохматую голову. Поднимает её лишь затем,

чтобы деликатно взять кусочек шахтерского угощения. Что заставило его, в общем-то, независимого по своей собачьей породе, в первый раз спуститься в шахту, он уже и сам смутно вспоминает. Помнит лишь, как весёлый толстый человек, потрепав его загривок, позвал с собой. Любое проявление доброты, от кого бы она не исходила, вызывает ответную реакцию. Цезарь, не жеманясь, пошел за ним. Вначале от непривычного, почти свободного падения, неприятно заурчало в требухе, но по выходу из клетки, семеня по длинному освещённому тоннелю, неприятность исчезла. Зато появилось удивление – ни одной паршивенькой собачонки. Кошкой, тьфу ты, облезлой, и то не смердело. Что за жизнь для собаки, если даже рывкнуть не на кого. Подвернулась мышь серая, но она не в счёт. Такая мелочь уважающего себя пса заинтересовать не могла. Другой бы на его месте заскулил, но Цезарь полностью отвечал своему громкому имени и в короткий срок породнился исключительно с человеческой стаей. Ему не составило большого труда понимать их брехание. Одно только смущало его, – он не мог постичь причину их довольно частых разнопрений. И было бы из-за чего грызться. Кость, скажем, козлячья была тому виной, так нет, обыкновенный ломик, спёртый кем-то когда-то, мог послужить причиной возни. Даже ненароком

сверзившаяся с рельсов вагонетка – собачья будка без крыши – вызывала порой у них непонятную свару. Они непременно желали поставить её колесами на рельсы. Если собачья будка была порожняя, то не проходило и пяти минут, как она снова брэнчала, увлекаемая канатом лебёдки, но если груженная, что тут начиналось... В такие моменты Цезарь старался не вертеться у людей под ногами. Лишние хвосты делу не подмога. Он, понимая серьёзность положения, нырял в первую попавшуюся щель и, высунув язык, дожидался окончания неразберихи. Таким образом, постигая правила общения с человеком в неординарных – хуже собачьих – условиях, он совершенствовал познание жизни не только в элементарных её аспектах, но и в нюансах. И все-таки, – у-ва-ах! Сон – лучшее в мире занятие. Не собачье это дело пристально вникать в человеческие отношения. Собачья жизнь проще. У-ва-ах...

Вечные горы

Очень часто мы, повзрослев, вспоминаем дни нашего детства. Иногда проходит довольно много времени, но события давно минувших дней предстают перед глазами так ярко, что приходится только удивляться.

Мне было шесть лет, когда паровоз, проделав не близкий путь, тяжело отдуваясь, остановился на какой-то маленькой станции. Когда вещи из вагона перекачевали на платформу, моя мама сказала:

– Ну вот мы и в Средней Азии.

Я, признаться, никакой Средней Азии не увидел и был несколько этим озадачен. На мой вопрос: «Где же она – эта Средняя Азия?», услышал: «Сейчас увидишь». И мы втроем – я, старший брат Слава и мама – направились вдоль железнодорожного полотна, неся каждый посильную поклажу. Пройдя совсем немного, мы вышли за пределы лесопосадки. Повернув голову, я увидел нечто такое, что заставило меня остановиться. То, что я увидел, было несравненным с моими прежними представлениями о земле, на которой я родился и прожил первые годы своей жизни. То были горы. Они

были столь величавы и так взволновали меня, что я вмиг забыл и о Средней Азии, и о том, что ещё минуту назад вышел из вагона, и о том, что пора закрыть рот от изумления.

– Вот это да! – Изрек я наконец и, не отрывая восхищенного взгляда от чуда открывшегося мне, спотыкаясь и чуть не падая, поспешил вслед за мамой и братом. Они в это время входили во двор какого-то небольшого строения. Строение представляло собой довольно низкое жилище, состряпанное из саманных кирпичей. Такие постройки были видны повсюду, насколько хватало глаз. Вероятно, причиной этого было то, что деревьев, годных для постройки домов, в этом районе было или слишком мало, или не было совсем.

Когда мы переступили порог нашего нового дома, меня прежде всего удивило отсутствие деревянного пола. Он был глинобитный. Единственной примечательностью помещения были широкие окна, выходящие в сторону гор, чем я немедленно воспользовался. Белоснежные, подбитые васильковым «мехом» шапки, небрежно и в тоже время лихо были надвинуты на темные конусообразные «головы» серых вершин. До них, казалось, рукой подать. Они манили к себе своей непохожестью ни на что другое, и я, не раздумывая, был готов побежать сейчас туда, к ним, где, по моим представлениям, кончалась наша земля и начиналось

что-то такое, чему и названия нет. На вопрос «Куда ты?», я, остановившись, твердо ответил: «В горы».

Моей маме стоило немало труда объяснить мне, что до них и за три дня не дойдёшь. А то, что они кажутся рядом, так это из-за их огромного роста.

Обескураженный, я достал альбом для рисования и принялся за дело. Я не жалел красок. Чудо, покоровшее меня, стоило того.

Первые дни нашего пребывания на новом месте были исключительно ознакомительными. Вдвоем с братом мы обследовали все, что только представляло хоть малейший интерес. Но, где бы я не был и чем ни занимался, горы постоянно манили меня к себе, точно магнит. Однажды я подал мысль брату:

– А что, если?..

Слава понял меня с полуслова, и его решение – выступить в поход тот час же, – было встречено мною с восторгом. Через наш огород бежал ручей, который на языке местных жителей – казахов – назывался арык. Мой брат перешел уже во второй класс и считал себя довольно сведущим по части географии и вообще по любой научной части. Он сделал предположение, что арык берет начало в горах. Я, со своей стороны, был просто убежден в правильности его вывода. Все красивое, так

или иначе, связано с горами. Так я думал. Научный прогноз требовал практического подтверждения, чем мы и занялись.

– Ты пойдешь по левой стороне ручья, а я – по правой.

Таким образом, Слава очень просто решил довольно сложный вопрос нашего путешествия. Сложность вопроса заключалась в следующем: природы наши – как моя, так и Славина – были не совсем уживчивыми, вследствие чего наши отношения иногда оставляли желать лучшего. Это могло помешать осуществлению задуманного нами плана. Итак, существенные помехи на нашем пути были устранены, и мы, взяв по палке, в качестве посохов, поспешили к долгожданной цели.

– Смотри, Слава, – сказал я, когда первая сотня метров осталась позади, – горы стали как будто ближе. Вон та верхушка, похожая на медведя, совсем уже рядом. А вон тот горбатый верблюд даже шагает нам навстречу.

– Это обман зрения, – авторитетно заявил Слава. – Чем ближе подходишь к ним, тем дальше они должны казаться. Мы к ним, они от нас, но все равно, в конце концов, мы догоним их, но это будет внезапно.

– Как так внезапно?

– Ну, примерно, так, если бы я неожиданно дал тебе тумака. – Слава вознамерился на

практике объяснить феномен природного явления, но арык разделявший нас, не позволил ему это сделать. В результате теория осталась голословной.

– Тогда давай побежим, – предложил я. – Так быстрее придет это самое... – внезапно.

– Эх, кленовая твоя голова, – сокрушенно вздохнул Слава.

– К горам нужно идти спокойно, экономить силы. Иначе и половины пути не осилишь.

– Это почему же?

– Почему же, почему же, – недовольно передразнил меня брат.

– Потому что, чем ближе к горам, тем дышится труднее. А на самой вершине и вообще почти не дышится. Вот если бы на коне, – мечтательно произнес Слава.

– А что, конь может дышать на вершине?

– Еще как. Хлестнешь его плеткой, он птицей взлетит на самую высоченную макушку.

– Вот было бы здорово, – мысль, полная мечтательного восторга, захватила меня. – Тогда бы мы смогли полизать во-он ту шапку. Смотри, какая она красивая и вкусная, наверное.

Брат моего восторга по поводу вкусовых качеств снежной вершины не разделил. Вместо этого он таинственно прошептал, показывая на кустарник:

– Смотри – вот и конь.

Я посмотрел в направлении его руки и увидел среди зарослей карагача мирно пасущегося ослика. Его большие уши время от времени нервно вздрагивали, отгоняя, видимо, надоедливых мух, метелка хвоста тоже была в постоянном движении. Мы переглянулись. Добрый волшебник и тот не догадался бы, наверное, даровать нам такую удачу.

– Давай сюда, – скомандовал Слава. Вторично повторять команду ему не пришлось. По камням, торчавшим из воды, я мигом пересек арык, и мы, окрыленные заманчивой идеей, осторожно стали приближаться к животному – одетому в серенькую шубку. Наша осторожность, видимо, удивила ослика, больше того, он не выказал и тени недоверчивости, напротив, даже поприветствовал нас. В его голосе прозвучали столь дружелюбные ноты, что все сомнения относительно доброты четвероногого симпатяги сразу отпали.

Когда же я протянул ему кусочек пшеничного хлеба, предусмотрительно захваченного с собой, он с готовностью, без малейшего жеманства, принял угощение. Славик, пока ослик зажмурил глаза от удовольствия, жевал краюху, обследовал посадочную часть средства передвижения.

– Эх, уздечку бы, – мечтательно вздохнул я.

Мой брат, поглаживая ослика по спине, что-то невнятно приборматывал при этом. Он явно что-то соображал. Когда его лоб прорезали три морщины, он достал из кармана перочинный нож и стал озираться по сторонам. Я с интересом наблюдал за ним.

– Чего нет – то есть! – Многозначительно изрек он и, подойдя к тонкому деревцу, осторожно начал сдирать со ствола кору. Получилось что-то наподобие бечевки.

– Ну, вот и уздечка. – Славик, от избытка гордости за свою смекалку, сиял, как начищенный самовар. Я тоже был горд за своего брата и тут же простил ему все тумаки – как бывшие, так и будущие. Идея, захватившая нас, была гораздо выше мелких стычек, неизбежно сопутствующих нашему возрасту. Теперь я, Слава и ослик были нерушимым монолитом, способным штурмовать неприступные вершины Тянь-Шаня (название гор мы узнали от местных жителей).

Для того, чтобы содружество наше было наиболее полным и каждый его член был на равных, мы со Славой решили ослику дать имя.

– Ушастик, – предложил я, имея в виду его длинные уши. Брат посмотрел на меня, на ослика, потом снова на меня, но так ничего и не сказал. Он сосредоточенно хмурил лоб. Я знал, что он обязательно придумает самое

красивое и подходящее имя, но мне самому хотелось сделать приятное ослику, и потому я лихорадочно перебирал в уме всевозможные варианты.

... – Мышастик, мордастик, гривастик, – шевелил я губами.

– Пони!

– Чего? – Не понял я.

– Пони – это маленькая лошадка. Ослик тоже маленький. Значит быть ему – Пони.

Я не возражал. Слава, как всегда, был на высоте. При упоминании этого имени, ослик повернул к нам голову и, вероятно, в избытке лазурных чувств, выразил полное одобрение.

Его голос был похож и на звуки рожка и на звуки флейты. Когда Пони подражал музыкальным инструментам, Слава, не теряя времени, просунул ему в рот «уздечку». Ослик в начале немного пожевал ее, но, не найдя в ней ничего вкусного, оставил в покое. Он был сыт. При помощи развилки деревца мы взобрались на спину Пони. Мое место оказалось на галёрке, то есть – сзади.

– Отдать швартовы, – командирским тоном приказал Слава.

Мы разом отпустили ветки карагача, и наш «корабль поплыл». Пони сначала шел неохотно, да и направление движения его было более чем странным. Он то шел направо, то налево,

а то вовсе назад. Как в известной сказке – шаг вперед, два назад. Мы, впервые в жизни оседлавшие «коня», тоже чувствовали себя не совсем уверенно. Когда же Пони в своём танце, сделав очередной пируэт, приблизился к арыку, разум его заметно прояснился. Ручей как бы выравнил его путь с одной стороны, Слава, при помощи «уздечки», с другой. Теперь, когда мы почувствовали себя седоками, горы для нас уже были не за горами. Пони, хоть и не спешно, но в одном направлении, перебирал маленькими ногами. Его копытца деловито постукивали по каменистой почве.

...Тук-тук-перетук, – стучали они по камешкам.

...Тук-перетук-тук, – вторило им мое замирающее от волнения сердце.

Надо признаться, место моё на галёрке было не из лучших, но я не роптал. Если обзор спереди мне закрывала Славина спина, то по сторонам я мог глазеть сколько угодно. Местность не отличалась разнообразием. Одинокие пустынные странники – кривоногий карагач да их ближайшие родственники – криволапые саксаулы. Вот основная растительность здешних мест. Редко встретится на пути дикая яблоня, но встреча с ней приносит лишь разочарование. Их плоды мы уже успели вкусить, и оскома, набитая ранее, заставляла теперь всякий раз

отворачиваться при виде этого дерева. Вскоре я обратил внимание на круглые отверстия, уходящие в глубь земли. Рядом были горки мелко измельченной почвы. Их диаметр был не более пятикопеечной монеты. Слава тоже заметил их. Чем дальше мы двигались, тем больше появлялось холмиков и тем осторожнее переступал ногами ослик.

Наконец мы подъехали к месту, сплошь усеянному этими непонятными нам сооружениями.

– Наверное, это мышиные норы, – предположил Слава.

– А может быть, здесь живут горные духи?

– Духи не могут рыть норы.

– А духам и не надо их рыть. Они выходят из-под земли, и на этом месте остаётся дырка.

Так мы спорили до тех пор, пока не увидели нечто такое, что заставило нас вздрогнуть, а Пони как бы споткнуться. Из отверстия, прямо перед носом ослика, показалась тонкая извивающаяся палочка. Она была покрыта желтой чешуей и сверкала злыми коричневыми глазками-бусинками.

– Змея! – вскричал Слава.

Это было единственное, что мы успели сделать по своей воле. Все остальное доделал за нас Пони. Он круто повернулся в обратную сторону и показал на что способен. Его прыти мог позавидовать застоявшийся в стойле рысак.

Пока он «гарцевал» вдоль ручья, мы еще чудом удерживались на нем, но когда ему по какой-то причуде вздумалось перемахнуть через арык, наше кавалерийское мастерство оказалось явно не на высоте. Если Пони после своего прыжка оказался по другую сторону арыка, то мы, в отличие от него, не долетели до берега всего каких-нибудь полметра. Оглушительный шлепок, сопровождаемый водяными брызгами, нарушил тихое очарование раннего утра. Это мы, еще минуту назад считавшие себя покровителями горных вершин, – так неожиданно прервали свое путешествие. Пони, в свою очередь, посмотрев на незадачливых седоков и осуждающе, как нам показалось, покачав головой, не спеша направился по своим – только ему известным – делам. Горы, которые мы так и не покорили, стояли твердо, непоколебимо и, как бы любуясь своей осанкой, говорили: «...Мы вечные, и притяжение наше тоже вечное».

Чужая боль

Когда началось переселение народов? Точно никто не знает, но с уверенностью можно сказать: повальное увлечение переменой места жительства началось с изобретением колеса. Простейшая тачка на единственном ломовом колесе послужила тем толчком, от которого пришел в движение весь механизм, а вернее, хаос передвижения. Примерно в такое завихрение угораздило и нашего героя. Сидел он на любезно предложенном стуле и мямлил относительно обмена жилплощади, и ни куда-нибудь, а за тридевять земель, чуть-ли ни в другое царство-государство. Кроме ряда вопросов, им был задан и такой:

– Что побудило Вас на смену места жительства?

Вопрос, прямо сказать, оригинальностью не отличался. Деликатностью тем более. Он взглянул на женщину, при этом отметил ее возраст, – лет тридцать пять, не больше, затем уже на себя, как бы со стороны. И что же он увидел? Не будем живописать плоть утвердившегося на стуле, примерно, такого

же возраста мужчины, лучше прислушаемся, какими дифирамбами он потчует себя:

«Дурень... Когда привыкнешь вначале думать, а потом говорить?»

Впрочем, оставим нашего героя при своих мыслях, и обратимся к женщине. Её реакция на поставленный вопрос вполне дополняла – насколько точным было выражение самобичевателя – дурень и т. д.

– А разве это важно? – Через минуту, все-таки смилостивившись, ответила, скорее на свой вопрос, – я приехала к мужу.

– Прошу прощения. Бестактность – единственная отличительная черта в моем воспитании. – Наш герой сделал неуклюжую попытку улыбнуться. Ему показалось, что таким реверансом он несколько поправил свою оплошность. Как говорится: блажен – кто верует. Антон Михайлович, – так звали нашего героя, в Бога не верил, но кое-какими прегрешениями был не обделен. Излишняя эксцентричность заводила его иногда в такие дебри, что он сам терялся в догадках, – куда же идти? Назад или вперед. Нередко, заплутав окончательно, он лез на пролом, успокаивая себя сакраментальной фразой: если бить в одну точку... Вот и сейчас, не зная, как выйти из затруднения, он внутренне набычился, напрягся, сконцентрировал всю интеллектуальную потенцию и как можно непринуждённое сказал:

– Заочное знакомство с квартирой почти всегда заканчивается недоразумением. Предлагаю смотрины, и не откладывая в ящик, который почему-то называют долгим.

При последнем слове лицо говорившего вновь обрело выше описанное выражение. Антон Михайлович никак не мог настроиться на волну непринужденности. Что-то сковывало его.

– Посмотреть можно, только...

– Мы же не дикие.

Женщина с нескрываемым интересом посмотрела на собеседника.

Кофе, приготовленный хозяином квартиры, был скверным, но зато щедро сдобрен уверениями о восточной технологии приготовления, где он недавно пил точно такой же. Софья Андреевна (так звали нашу героиню) с пониманием отдавала должное своеобразию напитка. Разговор казенно-канцелярский, касающийся данной квартиры, в частности, и квартир вообще, постепенно перешел на другое, несколько отвлеченное направление. Когда чашки, осчастливленные восточным напитком, были пусты, Антон Михайлович знал о госте немного больше, чем о простой знакомой. Незаметно для себя, он стал отмечать черты лица собеседницы.

– Когда моя подруга была при смерти, я обещала позаботиться о ее детях. – В голосе

женщины чеканилась неколебимая уверенность избранной позиции. – Я никогда не была матерью. Мне не знакомо материнское чувство и, тем не менее, люблю детей, – продолжала она. – Наверное, сказывается женское начало.

Софья Андреевна вертела в руках пустую чашку и с увлечением говорила о детях, никак ее не называющих. С каждой минутой она все больше воодушевлялась. Лицо, с первого взгляда, ничем особенно не отличавшееся, постепенно высвечивалось изнутри. Источник внутреннего света имел изрядную энергию. Желание стать матерью чужим детям свидетельствовало об этом. Черты лица обрели милovidность, соединенную с неуловимым оттенком, который принято называть шармом. Антон Михайлович смотрел на нее и ловил себя на мысли, что не вникает в суть слов. Если бы его вдруг попросили повторить только что сказанное, он вряд ли справился бы с заданием. Он просто стоял, прислонясь к стене, и слушал ее голос. Вернее наблюдал, как шевелятся губы, как меняется выражение лица, отмечал мелочи и совсем забыл, с какой целью она – эта далекая от него женщина – находится здесь, в его квартире. В душе поднималась теплая волна, она уносила его в далекую и, казалось, уже забытую юность. Видимо, состояние мужчины как-то передалось Софье Андреевне. Оглянувшись, она спохватилась:

– Однако, я разговорилась. Без зазрения совести злоупотребляю вашим терпением.

– Уверяю вас, я не заметил, как пролетело время. Пассажиры дальнего следования ведут себя также.

– Похоже. Итак, до завтра. Осведомитесь о порядке бумажной карусели и за дела.

Попрощавшись, женщина исчезла, но не исчезло ощущение новизны. Как будто воздух квартиры пропитался особым духом, свойственным только красивым женщинам. Антон Михайлович долго стоял ещё у стены, не решаясь нарушить новое или давно забытое состояние.

На другой день, ближе к вечеру, он был у знакомой двери. Ему открыла Софья Андреевна. На ней был длинный, до пят, атласный халат, напоминающий кимоно. Пригласив войти, осведомилась:

– Как наши дела? А вот и муж. Познакомьтесь.

Ему подал руку мужчина средних лет, аскетического сложения, с тонкими чертами лица. Впечатление он производил приятное, но что-то в нем было отталкивающее. Неприязнь к нему была скорее всего надуманной, предвзятой. Ибо перед Антоном Михайловичем стоял муж (хотя брак и не был еще зарегистрирован) женщины, затронувшей струны, забытые с годами, но вызывающие томительную ностальгию по молодости.

– А вот и кофе. – Софья Андреевна поставила на столик дымящиеся чудным ароматом чашки. – К сожалению, сахар кончился. Так что... – Она не договорила.

– Вы заметили, Антон Михайлович, как затаскали расхожее словцо «к сожалению»? Николай Петрович (так звали аскета), сделав глоток из чашки, продолжал: – Им пользуются направо и налево. А все потому, что оно очень удобно. Удобное тем, что им можно, как лопухом укрыться в случае нужды и нуждишки. Хотите пример? Решается важная экономическая, социальная или бог весть какая задача. Уже готовят фанфары, чистят медь на трубах, и вдруг срыв. Вот тут-то и вступает в силу удобная формулировочка. Вы согласны со мной?

Вопрос был задан в таком контексте, что не обязывал отвечать. Николай Петрович развлекал гостя светской беседой. Но Антон Михайлович не был бы самим собой, если бы, ах если бы...

– К счастью, – делая ударение, начал Антон Михайлович, – разного рода срывы есть нормальная жизнь любого общества. И фанфары нужны не меньше, чем ответственность за те же срывы.

Он понимал, что передергивает суть затеянного хозяином квартиры разговора, но что-то мешало ему быть хотя бы учтивым. Краем глаза, не без удовольствия, отметил, как губы

женщины дрогнули в улыбке. Вероятно, ее позабавила пикировка двух мужичков, претендующих на почетную роль боевых, раскрашенных в пух и прах петухов. Не желая дальше обострять ситуацию, гость, условившись о деловой встрече, попрощался.

На другой день, за полчаса до встречи, он был в условленном месте. Ему не терпелось поскорее увидеть женщину, так стремительно перевернувшую его устоявшуюся до болотной одури жизнь.

А тем временем женщина, виновница нечаянного интереса, отмечала странную несобранность своего поведения. Она вот уже в который раз подкрашенные губы вытирает носовым платком. Разноцветные тюбики с помадой стреляными гильзами сыплются назад в несессер. Платок напоминает ветошь незадачливого маляра. Рассеянность незримым крылом опахивает её голову. Это обстоятельство сыграло небольшую драматическую роль. Она слегка заблудилась. Антон Михайлович, проявляя также несвойственную ранее нервозность, выискивал в толпе прохожих знакомое лицо, пока, наконец, не увидел ту, которую, а впрочем...

– Однако... – женщина выразительно посмотрела на часы, затем на подошедшего с приветствием мужчину.

– Однако, – в тон ей изрек он, – мы ждем автобуса на противоположной стороне.

– Вот как. Значит, я виновница опоздания?

– Позвольте с вами не согласиться. – Антон Михайлович машинально перешел на игривый тон. Мне нужно было назначить встречу в более подходящем месте. Вы ведь не знаете города.

Так, обмениваясь замечаниями, они перешли на другую сторону улицы и сели в подошедший автобус. В автобусе игривость не покидала его. Салон внутри недавно ополоснули из шланга, отчего поручни были мокрыми. Антон Михайлович, заметив опасение женщины прикоснуться к ним, вытер их носовым платком. Получив в награду взгляд, шаловливо продолжил:

– То ли поручни стали чище, то ли платок. Во всяком случае, платку моему хуже не стало.

– Поручням, будем надеяться, тоже.

Если разобрать маршрут их петляния по городу, то получился бы весьма запутанный лабиринт. Их каблуки стучали не только в направлении бюрократических учреждений, но и в стороне от скучных их приемных. Антон Михайлович выбирал маршруты таким образом, чтобы показать город с наилучшей стороны. Так, желая пообедать, они в ущерб времени, направились по бульвару. Клумбы с тюльпанами приветствовали прохожих благоуханием. Сидя в

затененном зале ресторана, они с трудом пытались разглядеть содержимое тарелок.

– Это крокеты из грибов, – пробовал внести ясность Антон Михайлович.

– Да, вы правы, это действительно баранья отбивная. А что касается грибов, то достаточно представить себе симпатичную шляпку подосиновика и вкусовая модель готова. Остается только осторожно разрезать ножом – вот так, чтобы сок не брызнул, и отправить в рот. Ну как, вкусно?

– Еще бы! Под вашим соусом брюква окажется слаще марципан.

– Вам что – марципаны предпочтительнее брюквы?

Вопрос был задан походя, скорее с целью сокращения паузы, и тем не менее скрытый смысл в нем прослеживался.

– Для меня всякий овощ товарищ, если без червотчины.

– Максимализм в принципе приемлем мною, только вот где набрать овощей – здоровых да ядреных? Без всяких там...

Голос женщины чуть дрогнул.

– Извините, Софья Андреевна. Брюквенный вопрос с повестки дня снимаем.

– И повестку дня тоже снимаем. Не люблю запланированное, запрограммированное и прочее декларированное. Во всех этих «ированных»

кроется покушение на свободу. Утомила я вас? Экая сухая ходячая тригонометрия. Не правда ли?

– Добавьте – и неповторимая.

– О-о...

Была вторая половина дня, когда они вышли из ресторана. Требовалось посетить ещё нотариальную контору, но адрес её Антон Михайлович знал лишь понаслышке. Результат не заставил себя ждать. Повернув за угол дома, они наткнулись на угрюмо гундящую, сипло орущую, временами взрывающуюся в диком всплеске ругательств, толпу. Из темного проема двери винного магазина с уханьем выдирались помятые и задерганные счастливики с заветными посудинами. Лапы, вцепившиеся мёртвой хваткой в предметы обожания, от напряжения тряслись, в оловянных глазах скудно проблёскивал намек на человеческую мысль, вернее, рудиментарные остатки чего-то человеческого. Антон Михайлович инстинктивно подхватил Софью Андреевну под руку и поспешил прочь от этого гадюшника.

«Подлецы, ах подлецы... – повторял он мысленно. – И я тоже хорош...»

– Антон Михайлович, возьмите пожалуйста платок. (Что это? Кто обращается к нему? Платок? Какой платок?) Пришла моя очередь вытирать грязь. – Софья Андреевна с загадочной улыбкой протягивала надушенный лоскут

материи. – У вас такой вид, словно все плевки почтенной публики пришлись на вашу голову.

Загадочная улыбка не сходила с её лица. Антон Михайлович силился вспомнить, где он уже такую видел? Мона Лиза? Да где там. То лишь плод гениальной подрисовки. Здесь же само женское обаяние. И странное дело. Ещё минуту назад настроение было вконец испорченным, и вот уже он свеж, точно в лицо плеснули пригоршню чистой родниковой воды.

Антон Михайлович, не разбирая дороги, шагал к дому. Воспользоваться транспортом он и не помышлял. Что ему дом? Что ему всё на свете, если образ чудной женщины столь отчетливо стоял перед глазами. Он с мельчайшими подробностями перебирал в памяти её жесты, слова сказанные ею, даже интонации. Внешне, казалось, их деловая прогулка выглядела вполне заурядно. Тогда почему каждое движение, мимика ее лица так прочно отпечатались в памяти? Не от того ли, что сам воздух был особенным, в избытке насыщенный кислородом, отчего слегка кружилась голова?.. И даже удручающая картина у винного магазина выглядела лишь потускневшим досадным недоразумением. Не больше. Он пребывал в таком состоянии, когда все вокруг имеет особый – только ему понятный – смысл. Когда каждому

прохожему хочется пожать руку. О том, что женщина, завладевшая мыслями, была не свободной, думать не хотелось.

Софья Андреевна, в отличие от него, думала иначе. Ее жизнь шла бок о бок с фактическим мужем, и потому она не могла этого забывать. Дети, – девочка и мальчик, из-за которых она и пошла на сожительство с мужчиной, в общем-то, чуждым ее мировоззрению, – были стержнем их отношений. Николай Петрович это чувствовал, мужское самолюбие страдало. Он утешал себя тем, что время нормализует их связь. Наблюдая, как Софья Андреевна завязывает бантик дочери, отметил ее неловкость. Вот и опять неудача. Лента расплетается и вновь струится в гибких, нервных пальцах мачехи.

В последующие дни необходимость деловых встреч отпала, но Антон Михайлович находил все новые предлоги. Софья Андреевна не противилась. Каждая встреча всё больше сближала их. Антон Михайлович при общении с женщиной, наделенной умом и тактом, замечал в себе процесс очищения от всего ненужного, наносного, приобретенного в далекой от высокой духовности среде. Процесс этот можно было сравнить с фильтрацией духа, где своеобразную роль фильтра играла спутница по прогулкам. Софья Андреевна, вначале

воспринимавшая их сближение, как чисто дружеское, вскоре стала ловить себя на мыслях, приводивших ее в крайнее смущение. В то утро, собрав и отправив детей в школу, она долго стояла перед зеркалом, в задумчивости разглядывая начинающее блекнуть лицо. Затем открыла тюбики с румянами и принялась за привычный макияж. Движения пальцев, массирующих кожу лица, были, как всегда, уверенными и энергичными. С каждой минутой изображение в зеркале заметно менялось. Оно становилось несравненно привлекательнее и моложе. Софье Андреевне было этого мало. Она с особым тщанием выискивала изъяны и, к немалому удовольствию, не находила их. Зато сделала вдруг загадочное открытие. Зеркало мистифицировало. В нем отражалось еще одно – до боли знакомое лицо. Не успела она до конца осознать суть происходящего, как то, другое лицо, приблизилось вплотную, а невидимые руки обвили ее вздрагивающие, податливые плечи. Бесстрастное стекло еще с минуту подглядывало за влюбленной парой, потом, словно застыдившись, отвернулось и тот час затуманилось, хороня тайну увиденного.

Когда перрон медленно двинулся, женщина, стоявшая на нем, сделала шаг, затем другой, третий. Из вагона казалось, что она идет по движущемуся эскалатору. Чем быстрее

раскручивалась лента эскалатора, тем быстрее мелькали ее ноги. Взгляд ее был устремлен в одну точку. Там, за толстыми вагонными стеклами, он тонул в глубине колодца, доверху наполненном неистребимой болью.

Поезд набирал ход. Равнодушные колеса суетливо отстукивали на стыках рельс: чужая боль, чу-жа-я боль, чу-жа-я боль...

1987

Долгий поцелуй

– Мама, хорошо, что у нас Слава ничего не делает, а только все книжки читает и читает.

Катя старательно обходит очередную лужу, стараясь, однако, хоть немножко, да замочить кончик ботинка. Ведь так неинтересно, дождь еще недавно лил как из лейки, а на тебе все сухое-пресухое. До детского сада пять минут ходьбы. За это время надо и за собакой пробежаться, и цветок потрогать, да мало ли чего хочется сделать, а у тебя времени-то чих-пчих да и только.

Веру Ивановну, в отличие от дочери, собаки не интересовали. Цветы? Да, цветы... Тогда он принес букет гладиолусов. Когда же это было? В передней сразу стало тесно и суетно, несмотря на то, что в ней и находились-то всего – он и она. Но вот цветы, казалось, заняли очень много места, хотя букет и был небольшой. Зато значение для Веры Ивановны имел большое, а потому, казалось, войди сейчас третий, и пришлось бы держать его у двери до тех пор, пока гладиолусы не утвердятся прочно на середине стола. Первый брак Веры Ивановны расстроился, и вот сейчас.

– Почемучка, почемучка милый мой... – Песенку Катя обычно напевает когда до ворот (почемучки) остается – рукой подать. Вера Ивановна торопливо, – она все делает торопливо, – целует дочь в щеку, одергивает на ней платье и, попрощавшись, спешит домой. Аллея в ранний час запружена людским потоком. Он движется в основном в одном направлении – к автобусной остановке. Час пик. В такой колготне обычно плохо думается. Скорее приготовить завтрак, скорее доделать прическу, скорее, скорее... Вот и все думы. Слава – вечный читатель, – еще спит. У него сегодня выходной, и утренние хлопоты его не касаются. Вера Ивановна старается не шуметь, дабы не разбудить спящего, но тщетно. Мутными со сна глазами, проснувшийся с минуту наблюдает за «окосмечивающейся», потом с красноречивым призывом протягивает к ней руки.

– Доброе утро!

Вера Ивановна подходит к кровати и поцелуем отвечает на приветствие. Слава бережно держит жену в объятиях (они уже два месяца муж и жена), а в памяти калейдоскопом мелькают одно событие за другим, происшедшие за короткий срок. Особенно ярко высвечивается одно из них... Однажды, еще до свадьбы, они поссорились, и Слава не давал о себе знать целых два дня, точнее – двое суток и пять

часов. О причине ссоры вспоминать не хочется. Лучше уж выбросить за ненадобностью этот факт. Зато до мельчайших подробностей прослеживается угасающий день, когда время перестало двигаться, а до окончания рабочего дня Верочки оставался еще целый час. Слава готов был отдать несколько лет жизни, только бы нескончаемые шестьдесят минут пролетели быстрее. Он бродил между двумя улицами и непрерывно смотрел на часы. Когда остались считанные минуты до выхода Верочки из учреждения, где она работала, он вообще прекратил отсчет времени. Жил в другом измерении, вернее, и не жил вовсе, а старался удержать себя от неконтролируемого поступка. Многолюдье охлаждало, отвлекало несколько, но желание видеть ее лицо, походку, всю сразу, было сильнее сдерживающих тормозов. Реальность уличной суеты отодвинулась, затуманилась и не мудрено, что выход Веры Ивановны из учреждения не был им замечен. Разноликая толпа обтекала его, но до боли знакомого лица не было видно. Безысходность подмяла, придавила. Он как-то сразу обмяк, посунулся и, плохо ориентируясь в пространстве, сомнамбулой отправился неведь куда, лишь бы не стоять на одном месте. Когда в голове чуть прояснилось, вдруг обнаружил, что идет через пустырь к дому Верочки и вдобавок, бывает же

так, увидел и ее. Она шла с противоположной стороны. Слава, сам того не замечая, чуть ли не бегом бросился навстречу. У подъезда они встретились. Верочка улыбнулась только ей свойственной улыбкой и полувопросительно сказала:

– Пошли?

Войдя в комнату, они в едином порыве обнялись и, так же, как сейчас, их губы слились в поцелуе...

Слава вдыхал аромат духов жены и ему казалось, что тот поцелуй продолжается до сих пор.

Фонаряя

Был тот час, когда вечер еще не наступил, но день уже устало отвешивал поклон. И, как бы в подтверждение очевидности факта, одна из уличных реклам после робких попыток расцветилась, наконец, неоновыми огнями. Случайный прохожий рассеянным взглядом уткнулся в нее: «Росинка». Информация наводила на размышления: «Там что – заливные луга? Или пастбище иного толка..?»

Ребус ему был не под силу, о чем свидетельствовала единственная морщина, и то в углу рта. Мыслительный аппарат отозвался на решение проблемы лишь ржавым скрипом полушарий, затерявшихся под шапкой, надвинутой на самый нос. Кто знает, к чему привело бы шевеление мысли прохожего, если бы не замелькали, не запрыгали в свете рекламы тени.

– Ну, ты что, мужик, фонарем здесь работаешь?

Шумливое кодро гуськом обходя «Фонарь», скрылось за дверью. Любопытство вперемежку со стадным чувством подхватили прохожего и толкнули в утробу – «Росинки». «Росинка» оказалась третьеразрядным пивным баром, где

мерзкие на вид кружки пенились на грязных, непротертых, столах. Если и существовала какая-то связь между заведением и его названием, то чисто символическая. Склонность к идеализации всего и вся неизменно сопутствовала советскому образу жизни: «Если уж жизнь – так обязательно хороша, ну а если жить – то непременно хорошо». Фонарь, или как там его, прохожий, поначалу стоял, словно прихлопнутый – то ли дверью, то ли подпоркой от двери. Да и не мудрено. В нос ударил букет невыразимых запахов – начиная от прошлогоднего пива и кончая – ах лучше не надо, иначе туалет к вашим услугам. Помещение респектабельностью не отличалось. Столы и еще раз столы. Много столов и еще больше толпы. И все что-то ели, пили, чвякали, обменивались репликами, а, иногда, и зуботычинами. Мимо шли с полными подносами хваткие мужики, тошнотные мужиченки. Среди них с мокрыми губами сновала мелюзга. Редкими вкраплениями в сермяжной массе «искрились» дамы. Ища свободное место, они слегка тупили взор, напускали на себя тень озабоченности и, как правило, находили уютный уголок подальше от двери – ведь дует...

– Ты последний? Двигай! Чего раскорячился?

Очередное кодро с мать-перемать увлекло прохожего к пивной стойке, где из крана

непрерывной струёй наполнялись бесконечные кружки. Бармен несуетливо и в тоже время споро успевал взять деньги, подставить под струю очередную посудину, незлобиво ругнуться, если приспело, и даже, прикрыв рот ладонью, скучаяще зевнуть. Конвейер работал без заминки. Единственной причиной его сбоя могла послужить лишь драчка – иначе ее не назовешь. Двое-трое, еще минуту назад мирно обсасывая рыбы хвосты и умиротворенно причмокивая из кружки, вдруг выясняли, что мир вокруг них тесен. Его необходимо раздвинуть. Поскольку идея возникала вдруг, без лишних проволочек, то и реализация её не задерживалась. Хрясь, и вот уже вместо носа шнобель, еще разок, ах незадача – мимо, зато в сморкалке неприятно засвербело.

Прохожий, вернее – в данный момент уже полноправный посетитель, пребывая в бестолково-столбнячном состоянии, но все же успевший проникнуться душевной атмосферой пивного братства, подал деньги, и в это время... ах как не вовремя... в углу что-то зашуршало, затюкало, замордобоило. Бармен невозмутимо закрыл кран, желтая струя прекратила своё существование, и сразу же нарушился налаженный механизм пенного производства. Очередники заволновались, но как-то особенно. Их волнение вызвало не бурю негодования

и угроз в адрес нарушителей спокойствия, а наоборот, преувеличенное – таящее в себе вирус опасности – молчание. Те двое-трое мгновенно оценили ситуацию, и рыбы хвосты вновь заняли подобающее значение в пенном застолье. Струя за стойкой зажурчала, забулькала, зачвыкала. Рука бармена, оторвавшись от лица, где только что прикрывала позевок, привычно обрела функцию длани. Прохожий, а, впрочем, посетитель, смотрел на нее и силился что-то сообразить а, возможно, и разглядеть в ней свой незадачливый рублишко, но, видно, сбой сделал черное дело – рублишко серым воробышком безымянно затерялся в картонной коробке среди собратьев. Разыщи его теперь там. Не решаясь нарушить хрупкий мир, он торопливо достал другой. Примостившись у стола, уткнул нос в пену. Чем-то забытым, далеким повеяло от горьковатого напитка. Воспоминания о днях наивной молодости оживали с каждым прихлебом. Столбняк проходил. Из ушей словно вынули вату. Теперь – уже не фонарь и прохожий – а полноправный член хмельного содружества стоял и мусолил провонявшую сельдью пивную кружку. Его взор упирался в окно, где без усталости металась снежная круговерть. Природа совершала свой извечный ритуал. Стелила и стелила белоснежные простыни на загаженный двор. Некто, походя окрещенный фонарем,

с углубленным вниманием старался вникнуть в суть извечного круговорота, совершаемого во вселенной. Но что-то мешало ему. Поднеся ко рту кружку и в очередной раз ощутив отвратный ее запах, – он понял, что именно мешает постичь, а также ощутить себя сопричастным с вечно обновляющимся миром. Это было мутное дно несуразной посуды, заполненной пойлом. Брезгливо передернув плечами, он вышел на улицу. Свежий ветер вихрем ворвался в грудь, выметая из нее сивушный дурман и прочую нечисть. Мягкий свет разливался от уличных фонарей. Ветер слегка раскачивал их, и они, казалось, покачивали скрипучими головами. Прохожий бросил на них неприязненный взгляд, потом оборотившись к рекламе пивного бара, сквозь зубы процедил:

– «Фонаря».

1987

Пустынное кораблекрушение

Дорогу в условиях среднеазиатской пустыни можно считать не плохой, если, конечно, не брать в расчет кочки и ухабы, норотившие вывернуть колеса автомобиля или, на худой конец, опрокинуть его. Пассажирам остается лишь мириться с ней и считать тряские километры, да еще вздыхать, мечтая о конце испытаний на вибропрочность. К счастью, по закону логики – где есть начало, там есть и... остановка.

– Картина Репина, – невесело вздохнул Николай Букетов, выключая мотор грузовика. Из под крышки капота клубами вырвался пар. Надо заметить, пассажиры, а их было двое, не то, чтобы огорчились неожиданной остановкой, а даже напротив – обрадовались, не выходя из рамок приличия, но, буквально, выпрыгивая из кабины с тем, чтобы поразмяться.

– Коля, а может, это Божье провидение? Я словно с вибратора соскочил, а ведь не гомик.

Техника-топографа Виталия Коробова распирало игривое настроение. Он пока еще не предполагал последствий вынужденной остановки и потому беззаботно юродствовал.

Николаю же было не до веселья. Обследовав нутро капота, он обнаружил течь в ребристом теле радиатора. Требовалась пайка, что в условиях дорожных было невыполнимо.

– Все приехали, – по тону объявления было понятно – хорошего мало.

– Что-нибудь серьезное?

– Нет, Галина Ивановна, не очень. Просто шибкий водило решил предписать нам приятную прогулку. До Чулак-Кургана сто пятьдесят километров и назад до базы экспедиции тоже около этого.

Николай сумрачно слушал витийство техника перед Чекмаревой – инженером геодезистом. Вслух же сказал:

– Садитесь в машину. Я вылил в радиатор остатки болотной воды.

– И сколько же на твоих остатках мы еще прогарцуем?

Николай с трудом проглотил пилюлю.

– Пока вновь не запарит, а там...

– А там, – подхватил Коробов, – будут думать, что мы там и наоборот. Рации у нас нет. Сообщить о ЧП не можем. Развеселая картина.

Рывок автомобиля остановил прения техника. Николай спешил. Он хотел одного – как можно больше «прогарцевать», пока двигатель снова не запарит. Через десять километров это все же произошло. Он, во избежание поломки двигателя, выключил зажигание.

– Остановка – пески Муюнкум, следующая...
– Следующая будет – привал, пески Муюнкум, затем снова – привал и так до самой базы все с тем же милым названием.

Галина Ивановна решительно выпрыгнула из кабины.

– Какими припасами располагаем? – Всем своим видом она давала понять – ничего страшного не случилось, и то, что придется преодолевать более ста километров под палящим июльским солнцем, ее как будто мало беспокоило. Во всяком случае она своим поведением подчеркивала – с ней у мужиков проблем не будет.

– Три литра воды, четыре банки консервов и булка хлеба. – Коробов, неприязненно поглядывая на водителя, отчитывался перед начальством. – Рацион для кошки, да вот еще пятьсот граммов бензина. Бензин, как я понял, пойдет вместо воды, когда та закончится.

Николай, не обращая внимания на гаерство техника, наполнял бензином поллитровую бутылку.

– Для костра, – лаконично объяснил он, отвечая на вопросительный взгляд Чекмаревой.

До захода солнца прошли километров сорок. Если учесть изнуряющую жару, расстояние более чем почтительное. Для отдыха устраивались под тенью большого куста или дерева, предварительно осмотрев ветви. Предосторожность была не лишней.

Тень в условиях пустыни ценится не меньше, чем глоток воды, и поэтому прохладу приходилось буквально отвоевывать. Змеи, фаланги, скорпионы и прочая не менее экзотическая фауна тоже не прочь устраивать сиесту под раскидыстыми ветвями немногочисленной растительности. Захват одного из таких шатров оказался безуспешным. Наметив очередной оазис для отдыха, путники уже предвкушали удовольствие, но, приблизившись к кустарнику, были обращены в бегство. Варан – степной крокодил, размером не менее полутора метров – неожиданно выскочил навстречу. Пасть его при этом была угрожающе раскрытой. Отдышавшись после отступления, они понуро пошли дальше, оскорбленные до глубины души варварским «гостеприимством» рептилии.

– Борьба за выживание не терпит суеты, – насмешливо заметил Виталий. Он не мог успокоиться от позорного бегства.

– Для него это вопрос чести. – Галина Ивановна чисто по-женски оценила поведение млекопитающего.

– Мы, как инопланетяне, вломились в чужой дом, и вот результат, нас не поняли. Не пожелали смириться с фактом существования двуногих беделог.

– Николаша, не пройдет и двух суток, как мы породнимся с тушканами. «Изобилие»

продуктов и воды прочно поставит нас на все четыре колеса. Тогда мы еще посмотрим, кто здесь хозяин. Будь мы в позе далеких предков, неизвестно еще, как повел бы себя этот бандюга, столкнувшись с нами ноздрей к ноздре.

Так, обмениваясь репликами, стараясь меньше думать о ситуации, приближенной к экстремальной, небольшая группа потерпевших «пустынное кораблекрушение» преодолела Муюнкумские пески. Ночь провели сравнительно спокойно. До утра по очереди дежурили у костра. Неподалеку таякали корсаки. С ними перекликались шакалы. С рассветом, в две минуты покончив с немудреным завтраком, зашагали дальше. Начался второй день пустынной одиссеи. Солнце величаво и не спеша, словно сбрасывая с себя остатки сна, поднималось над степью. С его появлением просыпалось и все живое – то, что ползает, летает и прыгает.

У непосвященного человека слово пустыня ассоциируется с понятием пустынности, мертвости, но внимательный взгляд здесь обнаружит вокруг себя целое царство зверья и зверушек. Наряду с такими гигантами степной фауны, как варан, встречаются и меньшие по размеру, но не менее редкостные животные. Это прежде всего родственники степного крокодила – многочисленные по своим видам ящерицы, а

также несколько видов змей, включая грозных кобру, эфу и гюрзу. Не менее грозными представителями, хотя размерами и не вышли, являются насекомые – фаланги и скорпионы. И уж совсем не вплетающиеся ни в какой биологический венок – черепахи, или – как еще их называют – степные курицы. Разумеется, сравнение с курицей взято из гастрономических соображений. Замыкают иерархическую лестницу разнообразного населения пустыни волки. Давать на них характеристику, значит, напрасно тратить время. Достаточно того, что незадачливым путникам пришлось войти с ними в соприкосновение. Как и при ночёвке в первую ночь, они насобирали сушняку с тем, чтобы костёр можно было поддерживать до утра. За день прошли всего километров тридцать. Сказалась усталость и ограниченное питание. Особенно нехватка воды. В полночь их разбудил волчий вой. Вначале завыл один, ему ответил другой, и вот уже в кромешной тьме зазвучал целый хор под названием волчья какофония. Вскоре в отблесках костра засверкали зелёные фонарики, и вот уже «артисты» уселись полукругом перед партером невольных слушателей. Костер, по своему назначению долженствующий играть роль охранителя, пока лишь послужил маяком для привлечения врагов. Их было четыре. Один, самый крупный, уселся ближе всех к

костру и, рыча, скалил зубы. Клыки неприятной желтизной обозначали контуры полураскрытой пасти. Он, вероятно, был вожаком стаи.

Галина Ивановна смотрела на него с двойственным чувством – страха и почтения.

«Вот он – уполномоченный от царства зверей. Призванный решать «быть или не быть», а точнее, в данной ситуации – жить или не жить тебе – да, да, тебе, Галина Ивановна. И ничего тут не поделаешь, с таким неподкупным судьей не сыграешь в компромиссы. Все четко и ясно. Он – это он. Ты – это ты. Позиция силы – вот главный аргумент взаимоотношений».

Она вытащила из костра палку поувесистей. От нее посыпались искры и потянуло горьковатым дымком. Отныне ее жизнь зависит от нее самой и двоих мужчин – спутников по несчастью. Увлечшись созерцанием скалящейся «братии» серых разбойников, Чекмарева не заметила, чем занимались в это время мужчины.

Коробову, в отличие от Галины Ивановны, подобная чепуха в голову не приходила. Когда волки поставили его перед фактом неизбежного столкновения, он лихорадочно стал соображать, чем взять над ними верх. Взгляд его упал на початую бутылку с бензином.

Внезапная мысль мелькнула тоненьким лучом и пробила брешь в темной безысходности, близкой к отчаянию. Он прекрасно осознавал,

какую опасность представляет серая компания, и решил действовать без промедления. Отколов ножом горло поллитровки, Виталий тут же плеснул содержимое на переднего волка, сидевшего от них в метрах пяти. Не теряя времени, выхватил горящую головешку из костра и швырнул ее по тому же адресу. Пламя вспыхнуло молниеносно, охватив с ног до головы лидера стаи. Раздался душераздирающий вой, чем-то напоминающий человеческий, и живой факел, сорвавшись с места, – неведь куда, кометой полетел, разрезая бездну темноты. Его собратья, ошалело глядя вслед удаляющемуся вожаку, в ужасе отпрянули от костра, и вскоре лишь далекое завывание, похожее на плач, напоминало о случившейся трагедии. Затем все смолкло. И тут на смену трагедии пришла драма. Звонкая пощечина, как бы завершающим штрихом, поставила точку в спектакле необузданных страстей. Это Галина Ивановна от размышлений о суете бытия перешла к завершающей фазе осмысления сущего и к переложению теории в практику.

– Негодяй, – слово было произнесено очень тихо, но отчетливо. Настолько отчетливо, что казалось его слышала вся вселенная.

Коробов явственно ощущал, как неровно пульсировала кровь у виска. Он еще не полностью осознал, что произошло. Но одно он точно знал.

Случилось что-то нехорошее, гадкое, и повинен в этом он, Виталий Коробов. Дело даже не в том, что женская экспансивность своеобразным способом высветила оборотную сторону медали его поступка. Он и сам, спустя некоторое время, начал бы презирать себя за недозволенный прием в отношении противника. Ведь два ножа, явно не сувенирных, вполне обеспечивали им защиту от хищников. Загвоздка была в другом. Он позорно растерялся, отсюда и нелепость поведения. Использование обстоятельств для достижения цели он считал нечистоплотной сделкой с совестью, и вот сам оказывается...

– Ты куда? – В голосе Чекмаревой появилась неподдельная тревога.

– Просить прощение у волка. Из-за меня он лишился роскошной шевелюры. Посоветую ему одно хорошее средство, чтобы новая выросла.

Это была уже комедия, вернее жалкий фарс, и все это понимали. Нужна была какая-то разрядка, иначе недоразумение грозило затянуться. Последствия в условиях неординарных могли быть непредсказуемыми. Чекмарева посмотрела на Николая, тот понял значение ее взгляда и выступил вперед.

– Мы с тобой. Замаливать грехи будем вместе. Авось Всевышний и выдаст нам индульгенцию.

– Ссылка на Всевышнего весьма кстати, тем более, что заповедь его гласит – если тебя ударят

по одной щеке... Так что я вновь готов ощутить прохладу вашей ладони, Галина Ивановна.

Улыбка на его лице была натянутой, но все же мир хоть и со скрипом был восстановлен.

Николай лежал прямо на песке. Он еще таил в себе уют дневного тепла. Перед глазами простиралось необъятное полотно, усеянное звездами. Он отыскивал глазами Сириус. Бездна километров разделяет планеты, – думал он, – но что-то же связывает ее с землей? С землей, где так удобно и интересно жить. Сокровения планетарного масштаба успокаивали, убаюкивали. Звездный калейдоскоп увлекал его в мир грез и сновидений. Ночь предъявляла свои права всему живому.

В плену у Кобры

...Их было четыре. Четыре змееныша грозной и опасной кобры. Они бестолково извивались и разевали еще не опасные шипящие рты.

Змеиное гнездо было устроено так, что можно было десять раз пройти мимо и не заметить. За полуразрушенным дувалом* – глинобитной стеной, среди кусков глины и камней, чернело отверстие. Максим, осматривая кишлак, оказавшийся покинутым, услышал слабый шорох и шипенье, напоминающее кошачье. Вскоре он увидел, как из отверстия показался странный предмет – живой желто-серый жгутик. У жгутика оказалась не большая головка с глазками-бусинками и голодно разевающийся рот. Вскоре показался еще один жгутик, затем еще и еще. Первым побуждением Максима было – бежать. Бежать от опасного места. В том, что снующие жгутики были детенышами Кобры, он не сомневался, ибо уже видел их раньше. Видел, как афганские мальчишки играли с ними. Сами змеята не представляли никакой опасности, но ведь у них есть родители.

---

*К и ш л а к – жилище в Средней Азии.

Эта мысль беспокоила, но всё же исподволь приходила уверенность – гнездо, как и кишлак, покинуто. Максим, отойдя на несколько метров от гнезда, оглянулся, прислушиваясь. Прошла минута, вторая, пять, десять. Ничто не нарушало покоя. Лишь копошились «щенки», как он успел их окрестить. Максим стал размышлять о судьбе в общемто симпатичных и беспомощных существ. Пробежавшая мышь повлияла на ход размышлений. Потребовалось не менее получаса, прежде чем одна из них была поймана. Разрезав тушку перочинным ножом и нанизав на остриё палки небольшой кусочек, Максим поднес его к беспокойным обитателям гнезда. Угощение тут же было проглочено. Вскоре от мыши осталось лишь воспоминание. Суетливое оживление «щенков» наводило на мысль – отсутствием аппетита они не страдают. На территории кишлака оказался неглубокий колодец. Нашлась и черепушка, пригодная к черпанию воды из колодца. Максим приходил теперь ежедневно к своим подопечным. Водой выуживал из норок несколько мышей и скармливал их кобрятам. Они уже настолько привыкли к распорядку дня, что при его появлении чуть ли не выпрыгивали из гнезда и, казалось, приветствовали своего кормильца.

В тот день Максим, как обычно, по установившейся привычке подошел к гнезду, но

кобрыта его не встречали. Это было что-то новое. И вообще, казалось, в самом воздухе таилось что-то гнетущее, вызывающее предчувствие надвигающейся опасности. Такая атмосфера неопределённости и явилась своего рода амортизатором для хрупкой нервной системы. Когда его тело с ног до головы обвил какой-то жесткий, толстый канат, он скорее удивился, чем испугался. Но вот перед самым носом возникло нечто ужасное, шипящее, раздувающееся.

Чудовище имело такой, не укладывающийся в привычные рамки, вид, что никакие амортизаторы не в силах были затормозить рефлекторную реакцию организма. Максим потерял сознание. Очнулся от неприятного ощущения. Его будто-бы гладили шершавой ладонью по щеке. Реальность медленно возвращалась. Первое, что он увидел, – качающуюся из стороны в сторону перед самым лицом голову Кобры. «Так вот она какая ладонь, – с тупым безразличием подумал Максим. – Ее морда терла мою морду. Почему не жалит? Хочет сполна насладиться жертвой? Какая ужасная голова. Знай себе качается, как китайский болванчик. А глаза...» Никогда в жизни он не видел таких глаз. Максим полулежал на развалинах разрушенного дувала. От неудобной позы ноги и руки онемели. Он не мог ими пошевелить,

поскольку был связан толстым живым канатом. Острота восприятия происходящего настолько притупилась, что он с полным безразличием смотрел в самые зрачки змеи. Это были холодные, немигающие глаза грозного хозяина полупустыни, и, если бы не качающаяся голова, их можно было бы принять за самостоятельный, обособленно живущий, зловещий организм. Чего она медлит? Ах, да. Змея. Все гнусное связано именно с ней – со змеей. Сколько же прошло времени? Час? Два? Солнце как будто сместилось к горизонту. Посмотреть бы на часы, но где там. Об этом даже и думать нечего. Живой труп. Еще не зарыт, но уже умер.

– Послушай, тварь, – неожиданно сорвалось с губ Максима. Голос был глухой, как из подземелья. – Может ты подглядывала, как я фаршировал твоих щенков, и радовалась: нашелся мол дурень – кормилец? А всё это, – Максим попытался пошевелиться, – изъявление благодарности? Мерси, мадам. – Последние слова он произнес, скорее, про себя, чем вслух. Силы оставили его.

Между тем в намерениях Кобры что-то изменилось, и она также внезапно отпустила свою жертву, как несколько часов назад пленила. Максим почувствовал некоторое облегчение. Никто его теперь не держал под прицелом оцепеняющих глаз, не связывал руки и ноги.

Прошло еще немало времени, прежде чем он начал понемногу приходить в себя. Двигать руками, ногами, шевелиться. Приподнявшись на корточки – раскорячился. В трех метрах от него неподвижным клубком серебрилась Кобра – еще недавно сжимавшая его в объятиях. Ее шея уже не раздувалась парусом и глаза не сверкали враждебно, более того они – эти глаза выражали дружелюбие – насколько позволяла природа змеи.

Биологически активная среда

Иван Подонин, из села Подонино, впервые летел на отдых в Сочи. При взлете у него перехватило дыхание. Он опасался, как бы от жуткой вибрации шасси, у самолёта не отвалились крылья. Он не то, чтобы за жизнь свою опасался, или – еще чего, за сохранность казенного имущества – какая гиль, он боялся проволоочки, – случись авария. При воспоминании, – ух, лучше и не вспоминать, каких трудов стоил ему билет, – у него пропадала всякая охота оказаться вне салона лайнера. Уж лучше погибнуть, чем вновь ощутить безысходную неизвестность: полечу, не полечу. Напряжённка с нервами не замедлила улетучиться, как только прекратилась бешеная тряска, а уши заложило толстым слоем ваты.

«Ну вот и все, – с облегчением вздохнул он. – Теперь, летуны, – на вас вся надежда. Домчите до синего-черного моря, честь и хвала вам. Не домчите – ну что ж...»

Сам он не раз кувыркнулся вместе со своим «белорусом» с косогоров, но одно дело косогор, а другое – высь поднебесная. Правда, после кубертов, морда машины, как правило, всегда помята была изряднее, чем собственная, но

Иван, мужик хваткий, – наклеив очередной пластырь на безшабашный крестьянский лоб, – тут же принимался вправлять скособочившуюся челюсть своего «горбунка».

Когда набор высоты закончился и самолет лёг в горизонталь, ощущение покоя и умиротворенности разлилось по чугунному телу крестьянского парня. Всё-таки – на всякий случай – для порядка – он глянул в иллюминатор, убедился в наличии крыла и, сделав несложный расчет, повеселел, – другое тоже должно быть на месте.

Безбилетная муха – вечный спутник человека – беззаботно уселась на нос и, как ни в чем не бывало, деловито стала скрести одну лапку о другую. Тоже, наверное, от удовольствия, что всё идет по плану. Так в паре с безбилетным «пассажиром» Иван Подонин, не заметив, как промелькнуло время, долетел до райского уголка, где море плещется, русалки кокетливо поводят хвостами, а у кого таковые отсутствуют, в живописных купальниках томно греются на пляжных, до блеска отполированных, камнях.

Не без труда заняв «жизненное пространство» и для себя, он с независимым видом, как будто всю жизнь только этим и занимался, отдался беззаботному времяпровождению. Поджарив один бок на солнце, он увальнем поворачивался на другой. Поджарив другой,

окунался в набежавшую волну, отринув с себя морскую пену, снова устраивался на раскаленных камнях, как грешник на угольях, и так зациклился на немудрѐном занятии, что вскоре почувствовал подступающую тошноту. То ли от перегрева, то ли от одуряющего однообразия. Его деятельной натуре излишняя пассивность была противопоказана. Он поднялся, щелчком сбил с тела прилипшие камешки и, перешагивая через тела загорающих, направился на волнолом. Там жизнь, как ему показалось, протекала более осмысленно. На торце волнолома, вероятно, вследствие работы волн образовалась своеобразная ванна. Она периодически то стремительно заполнялась, то не менее стремительно опорожнялась, обнажая мохнатое от зелёных водорослей дно. В ней, фыркая и отдуваясь, блаженствовали сразу три человека.

– Ну и купель, – восторженно восклицал один.

– Да-а... – многозначительно соглашался с ним другой. – А самое примечательное, ребята, – здесь биологически активная среда. Мзымта гонит сюда чистейшую горную воду. Эликсир да и только.

Не возражая особенно против эликсира, Иван индифферентно плюхнулся в лохань, и, как назло, именно в тот момент, когда она с шумом опорожнялась. Не дожидаясь, когда

сын полей наклеит привычный пластырь, каскад воды выплеснул его назад – на поверхность волнолома. Только тут Иван обратил внимание, что более сообразительные купальщики держатся за скобы, торчащие по краям бетонных глыб. Вторая его попытка пришлось на пик водоворота, отчего любители ванн процедур, не ожидая добавочного подъема воды, оторвались от скоб и неуклюже затрепыхались вне зоны биологически активной среды. Иван же, намертво ухватившись за скобу, сосредоточенно противоборствовал стихии. Такое занятие доставляло ему гораздо большее удовольствие, чем береговая лёжка. Колыхаясь, как поплавок, он то опускался на дно ванны, то вновь взмывал на гребень волны, успевая за короткое время удовлетворить свое любопытство. В очередной раз, оказавшись наверху, он заметил, как молодой удильщик, забавлявшийся на волноломе с удочкой, вытянул из воды небольшую рыбешку. Это его заинтересовало, поскольку сам он был не безгрешен по части рыбной ловли.

– Опять морская собака, – с брезгливой grimасой констатировал рыбак.

Его сверстники с не меньшим отвращением вторили ему. Не долго размышляя, они раздавили незадачливую живность и выбросили назад в море.

Такое поведение варваров озадачило Ивана, но не надолго. Сам он – хоть и не ахти какой рачитель природы – так никогда не поступал. Уж если попался пескарь – сразу его кошке, изловился карась – шлеп его на сковороду, а тут...

Проплыв немного вдоль бетонного тела волнолома, он нырнул с открытыми глазами. Леса удочки отчетливо выделялась в светлой воде. Памятуя о неудачливости деда Щукаря, Иван руками порвал ее и вынырнул далеко от места совершения акта возмездия за морскую фауну. Выбираясь на берег, он обратил внимание на возбужденность отдыхающих.

«Никак утонул кто-то», – подумалось ему. Его предположения оправдались. По берегу металась женщина лет сорока и в отчаяньи твердила одно и то же: «Нырнул и больше я его не видела». Иван обозрел кишевшую от сонма голов темно-зеленую акваторию моря и тяжело вздохнул: «Экая прорва. Где же его увидишь?» С этими мыслями он поднялся на набережную с желанием перекусить. Благо – общепит по всему побережью предлагал свою продукцию, только что не на гребне волны. Пройдя минут через десять к полюбившемуся пяточку на волноломе, Иван с интересом отметил некоторые перемены на воде. Купальщиков заметно поубавилось, зато появилась спасательная лодка с аквалангистами.

– Он скорее всего где-нибудь в очереди за мороженым стоит, а его в воде шарят, – услышал Иван за спиной. И еще: – Прошлым летом одного выудили минут через сорок и ничего – откачали.

Последняя информация показалась ему занимательной. Иван, как и большинство из пляжной братии, следил за действиями аквалангистов. Очередной спасатель в ядовито желтом гидрокостюме неуклюже бухнулся через борт лодки и исчез в пучине. Лишь взбулькивания, идущие от акваланга, показывали, где в данный момент находится водолаз. Иван видел, как методически широкими мольтами прочерчивают воздушные пузыри водную поверхность. Вместе с тем он прислушивался к разговорам, касающимся ситуации. По предположениям зевак выходило так, что тело рано или поздно непременно должно прибить к волнолому. Поразмыслив, он нырнул. Бетонная стена была сплошь усеяна мидиями, имеющими в толще воды светло-желтую окраску, хотя на самом деле были исключительно темно-серого цвета. До дна было слишком далеко. Иван с целью быстрейшего погружения цеплялся за колонии ракушечника и расщелины в теле бетонных блоков. Многочисленное и разнообразное население подводного царства при его появлении бросилось врассыпную. Вот

и дно. Однако, достичь его еще не означало победы. Нужно было еще удержаться на глубине, что само по себе было задачей не из лёгких. К этой трудности примешивалась еще и слишком скудная видимость. Солнце сюда почти не проникало. Приходилось больше полагаться на собственные руки да на удачу. Запас кислорода в легких истощался. Иван, насколько можно было, прошарил руками дно, цепляясь за валуны, затем, с силой оттолкнувшись ногами, пробкой вылетел на поверхность. В ушах ломило, глаза слезились. Спасатели избрали другую тактику. Если раньше фронт их поиска шел от одного волнолома к другому, то теперь – от глубины к берегу. Отдышавшись и немного сместившись, Иван повторил попытку.

Раз за разом он нырял, но безрезультатно. Каждое новое погружение доставалось ему всё труднее, но это обстоятельство лишь подстёгивало одержимость. Метр за метром он обследовал дно, продвигаясь к берегу. Теперь глубина была уже не столь большая – метра четыре, не больше, но и силы уже были не те. На этот раз Иван нырнул уже без прежней надежды на успех. Скорее для завершения начатого дела. В очередной раз собираясь выплывать на поверхность, он затылком коснулся чего-то мягкого на расстоянии около метра от самого дна. У него мелькнула мысль о купальщике,

задевшим его пяткой, но все-таки на всякий случай Иван ухватил его за ногу. Вынырнув с добычей, он рассмотрел свою находку. Ликование вперемежку с ужасом охватило его. Однако не таков был Иван Подонин, чтобы долго раздумывать и тем более размышлять – а что теперь, а что теперь... Как держал он свою находку за ногу – так и поплыл с ней к берегу. Встав на твердую почву, он прежде всего встряхнул мальчика лет двенадцати – так делают хозяйки, вытряхивая половик, затем уложил его на чью-то подстилку и приступил к врачеванию, не забыв при этом разжать потерпевшему рот и, насколько возможно, вытащить язык. Пену, выступившую изо рта, осторожно удалял подвернувшимся под руку полотенцем. То, что происходило вокруг, его мало заботило. А вокруг не только яблоку не где было упасть, но даже его семени. На призывы и слезные мольбы матери мальчонка – дайте воздуху, одни, устыдившись своей дикости, отходили, но их место тут же занимали другие, еще не видевшие. «...А что там, а что там?» Утопленник? Ах утопленник, и толпа еще кучнее обступала трагедийное место, усугубляя тем самым и без того критическое состояние пострадавшего. Сколько времени прошло с тех пор, как Иван приступил к оживлению мальчика, он не замечал, точно также, как не замечал и того, что пот

катился с него ручейками, застилая глаза. Но несмотря на, казалось бы, бесполезное занятие, он ни на минуту не прекращал начатого дела. И вот забрезжила надежда. Губы, еще недавно пускавшие лишь пузыри и отдающие синевой, постепенно начали пунцовать, одно веко дрогнуло. Дрогнуло и сердце Ивана, и тут же он услышал над собой:

– Разрешите, разрешите, – это уже эскулап, пробившись сквозь толпу, брал инициативу в свои руки.

Иван нехотя поднялся, посмотрел еще раз на незадачливого ныряльщика и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Будет жить щенок.

Затем не спеша зашел по пояс в воду и погрузился в соленую глубь, смывая с себя не менее соленый пот. Возможно, вода в этом месте от избытка соли стала совершенно горькая, но это его интересовало уже меньше всего.

Сон Пигмалиона

Пассажир продирающегося сквозь ночную мглу экспресса задремал. Монотонный стук колес на стыках рельс убаюкивал не хуже колыбельной песни. Сон с невероятной быстротой и легкостью перенес его на многие сотни лет назад, используя эффект плотности времени. И вот он уже не песчинка, растворившаяся в людском муравейнике, а персонаж, и довольно известный. И соединились во сне две эпохи – эпоха железного века и та, что оставила в памяти людской мифы о былом, а может быть, и не былом... Впрочем на то он и сон, чтобы путать реалии с вымыслом. И то, что пассажир громыхающего поезда вдруг превратился в... а, впрочем, сны – они и в древности были сны.

...Пигмалион, утомленный дальней дорогой, устроившись поудобней на скрипучей арбе, задремал. Большие колёса, купаясь ободьями в мягкой пыли, уносили его в мир сновиденческих иллюзий. Ещё краешком сознания он оставался на клочке сена, ворошившемся на дне арбы, но с каждым новым толчком, с каждым новым всхрапыванием лошадей, все дальше удалялся

в царство сна. И снился ему город, который он еще не видел, и вот привелось...

Очутившись на незнакомой улице, прилегающей к базару, он был несколько озадачен. Что-то неуловимо знакомое и в то же время чужеродное почувствовал он в атмосфере людской сутолоки. Он не улавливал духа времени. На первый взгляд, люди были как люди, так же толкались на рынке, как и всюду, где бывал Пигмалион, так же суетились, и все же некая загадочная патина покрывала их лица. Проголодавшись, он подошел к булочнику. Его товар благоухал ванилью, вызывая сладкую слюну. Посмотрев на деньги, протягиваемые Пигмалионом, продавец вежливо улыбнулся и пояснил: «Никто не знает истинную цену товара, и потому он не может быть продан». Только теперь Пигмалион обратил внимание на то, что и другие покупатели отходили от продавцов без покупок. Все они деловито ходили по рядам, торговались и отходили в сторону. Ему посоветовали сходить в трапезную. Там здоровенный детина волосатой ручищей зачерпывал половником из котла похлебку и разливал её в чёрные, залоснившиеся, глиняные миски. Иногда в половник попадал кусок мяса, наполовину с шерстью. Шерсть, без сомнения, принадлежала собаке. Немногочисленные посетители «обжираловки», взяв бесплатное

пойло, торопливо расправлялись с ним и, не поблагодарив за обед, тут же растворялись в толпе. Пигмалион, брезгливо передернув плечами, покинул трапезную. Ему претили и обед, и способ насыщения. Побродив еще какое-то время по рынку, он так ничего и не купил. Не купил потому, что не продавали. Мифическая купля-продажа напоминала детскую игру, где песочные пирожки имели умозрительное значение.

Не солоно хлебавши, он покинул «несытный рынок» и бесцельно побрел по городу. Вскоре ноги его вынесли на набережную. Широкая река делила город на две части. Там – за рекой – ландшафт был несколько иным. Дома повыше и улицы пошире. Зелень не броско вносила уют в архитектуру строений. Потеряв надежду пообедать в одной части города, Пигмалион решил попытать удачи в другой, но не тут-то было. Моста не было. Парадокс. Город был, река была, а вот переправы никакой. Отчаявшись перебраться в другую часть города, он разделся и, держа над водой одежду в левой руке, правой погреб на другой берег. Не доплыв и до середины реки, он с удивлением вдруг обнаружил перед самым носом мужчину и женщину. Они равнодушно взирали на спешившего пловца. Когда молчание затянулось до неприличия, мужчина, наконец, подал голос:

- Далеко собрались?
- На-на-на ту сторону, – оробел Пигмалион.
- Нельзя.

Запрет обескуражил Пигмалиона, да и голод давал о себе знать.

– Но, почему? – взмолился он.

– Мутаночка, – вместо ответа равнодушно сказал мужчина, обращаясь к спутнице, – отбуксируй нарушителя в мутандатуру. И приведи его в чувство, – добавил он и многозначительно посмотрел на женщину.

Та без слов взяла Пигмалиона за руку, в которой он держал одежду, и отбуксировала незадачливого пловца назад к берегу.

– Сегодня прибыли? – спросила она, когда Пигмалион оделся.

– Да, а что?

– Пойдемте со мной.

– Но-о куда?

Женщина, отряхнув купальный костюм, невозмутимо взяла Пигмалиона за руку и повела вдоль набережной к дому, напоминающему ротонду. Прежде, чем попасть внутрь, они преодолели террасу, увитую плющем и виноградником. Прямо над головой свисали тяжелые сочные гроздья иссиня-чёрных плодов. Пигмалион хотел сорвать одну, призывно качающуюся гроздь, но, посмотрев на непреклонно шагающую спутницу, передумал.

– Вот, новенький, – сказала она, когда они переступили порог дома. Им навстречу поднялась девушка необычайной красоты.

– Галатея, – восторгнулся Пигмалион. – Моя Галатея. Ты здесь, ты здесь. Ты нашлась...

– Что с вами? – подняла руку красавица. – О какой Галатее вы говорите? Уж не о той ли, что изваяли?

– О, да! Ты исчезла три месяца назад, и вот здесь, в этом странном городе, я тебя отыскал.

– Успокойтесь. Ваша Галатея найдется. Мутаночка, – сказала она затем, – проведите с ваятелем беседу.

Мутаночка, облачившись в хитон, повела Пигмалиона через анфиладу комнат, остановившись наконец, в одной из них. Она была полностью заставлена цветами. Цветы были везде – на подоконнике, на столах и даже на полу. Цветочный рынок, да и только. Монолог Мутаночки начался с довольно странной прелюдии:

– Волею обстоятельств вы, молодой человек, соприкоснулись с иной цивилизацией. По роду занятий, а также физиологическими и духовными данными вы подходите нашему сообществу. Сообществу Космолитов. Чтобы развеять ваше недоумение нашей осведомленностью о всех и каждом живущих на земле, сразу вас уведомляю – мы сообщество ясновидящих.

Вы еще подумать не успеете, а нам уже ясны ваши мысли и намерения. Ну, а теперь к делу. Река, которую вы пытались переплыть, является своего рода демаркационной линией, проще – границей между городом, где живут Космолиты, и фильтрационным лагерем, где проходят своеобразный карантин кандидаты в Космолиты. Отбор ведется тщательно. Достаточно небольших отклонений от нормы, скажем, в области генной структуры организма, и все. Он не пригоден. Нам нужна элита. Сгусток сублимированного материала, с тем, чтобы по городу не расползлась зараза неполноценных людей. И вы, надеюсь, поможете нам. Ваша Галатея – само совершенство, и та девушка, что встретила нас... впрочем, об этом потом.

Мутаночка потупилась, затем, обратив уже свое внимание на цветы, продолжала.

– Скотское воспроизводство отвратительно. Оно несет с собой массу мусора, но пока мы не в состоянии полностью перейти на трансформацию неживой клетки в живую, и нам нужны художники.

Мутаночка помедлила. Ее взгляд блуждал по красочной цветочной панораме. Вытянув из вазы хризантему, она с наслаждением понюхала ее, затем осторожно водрузила на место.

– И так, – продолжала она, – когда отпадёт необходимость в совокуплении всего лишь ради

продолжения рода человеческого, наступит новая эра. Эра новой формации, где человек будет создаваться по эскизам художников, мыслящих вселенскими категориями, а не кошачьими инстинктами.

Она, откинувшись на спинку дивана, продолжала:

– Космолит не зависит от пищи и воды. Достаточно обыкновенного воздуха, чтобы энзимы осуществляли должную химическую реакцию в организме. Этим мы радикально отличаемся от простых смертных, ведущих свою родословную от примитивного деления клетки. Вы уже были на рынке и убедились, что продукты питания имеют чисто умозрительное значение, как наглядное пособие о никчемности их производства.

Пигмалион хотел было вставить слово, но Мутаночка опередила его:

– Да, да. Я знаю, что вы хотите сказать. В наш лагерь иногда просачиваются случайные люди, и им, как вы убедились, не препятствуют продолжать непотребное существование. Что же, это их дело, но они так и останутся на своем низменном уровне, и мечтать о переходе в другое состояние души и тела им не дано. Мутационный период длится около двух месяцев, – без паузы продолжала она. – Кандидатам в Космолиты вводится препарат,

отвечающий за трансформацию организма. По инерции они захаживают в лавочки, прицениваются к продуктам, трогают их, но дальше умозрительного отношения к ним дело не заходит. Итак... – Мутаночка выжидающе посмотрела на Пигмалиона.

– Но-о... – Пигмалион хотел было снова замолвить слово о Галатее, но непреклонная в своем поведении женщина не дала ему и рта раскрыть.

– Всему свое время. В случае вашего согласия на переход в наше сообщество, вас ожидает приятное путешествие, где ваши проблемы разрешаться надлежащим образом.

Пигмалиону давали понять – кроме туманных фраз, он больше ничего не услышит, а судьба Галатеей как-то пересекается в плоскости его поведения. И он дал согласие на трансформацию. С этого момента жизнь его пошла уже по заранее спланированному сценарию. Его ввели в кабину, напоминающую огромную бочку, и оставили одного, плотно задраив входную дверь. По прошествии одной-двух минут он почувствовал все признаки иглоукалывания. Тысячи, десятки тысяч иголок начали терзать его тело. Одни из них втыкались молниеносно, другие медленно, словно наслаждаясь мучениями своей жертвы, а третьи, тут же отскакивали назад с тем, чтобы вновь ужалить.

Игольная экзекуция продолжалась пять минут – не больше, затем сознание его стало заметно тускнеть, но зато пришло ощущение полета. Мощная сила выносила легкое, как перышко, тело Пигмалиона в простор вселенной. Млечный путь стремительно приближал его к огромной, до сего времени незнакомой, планете. Над ее поверхностью маревом брезжила радуга. На ней, как на транспаранте, переливалось различными цветами одно слово – «Кассиопея». Пигмалион, не успев удивиться, уже совершил мягкую посадку. Воздушная струя, исходящая от планеты, выполняла роль амортизатора. Мягкая зелёная трава приняла «астронавта» в свое лоно. Неподалеку за пригорком он увидел скопление инопланетян. Подходя к парку, где они прогуливались, он пришел в изумление. Ни на одном из них он не увидел одежды. Лишь легкая аура разноцветной кисеей окутывала нагие тела. Символическая одежда, сотканная из энергетического поля, постоянно меняла цвета. Вскоре он пришел к выводу – жители «Кассиопеи» лишены речевого общения. Они обмениваются информацией методом индукционной логики. «Теперь понятно, – подумал Пигмалион, – почему аура их довольно часто меняет цветовую гамму. Достаточно подумать о чем-либо, и мысль, смодулированная биополем, красочно оформляется в виде вопроса или

ответа. Любой инопланетянин способен общаться с кем угодно, не встречая проблем. Он поискал глазами объект для проверки своей гипотезы. Мимо фланировала разноцветная публика, не вызывавшая в нем сколь-нибудь заметных эмоций. Но вот в поле зрения попала одинокая молодая женщина. Кисея ее «одежды» имела ровный, без оттенков, голубой цвет. Она шла неторопливой походкой. Стройные ноги мягко ступали по травяному ковру, не оставляя следов. Выражение лица было отрешённым. Казалось, ничто не радовало ее – ни цветы, в изобилии благоухающие повсюду, ни люди, ее окружающие. «Странная женщина, – подумал Пигмалион, – как-то она не вписывается в орбиту круженья лиц. Такие встречаются и на земле, и, как правило, с ярлыком белой Вороны». Не успел он закончить сопоставление, как женщина внезапно остановилась и, изменившись в лице, буквально впиалась взглядом в Пигмалиона. Её аура из ровного голубого цвета молниеносно превратилась в ярко-оранжевую с малиновыми просверками.

– Ты с планеты Земля? – заволновалась она, и цвет ее ауры снова изменился.

Пигмалион не слышал голоса «говорившей», но информационный модуль, посланный головным мозгом женщины, был принят «безголовым» мозгом Пигмалиона. Только сейчас

он обнаружил, что представляет собой лишь астральную оболочку своего физического тела. Само же тело осталось на земле. Вот почему вихревой поток с такой легкостью перенес его с одной планеты на другую. Оставшись без «тела», Пигмалион особенных неудобств не ощущал, если не считать ветра в голове. Он натурально гулял в ней, не встречая препоны. Вот и вопрос, посланный ему, в одно ухо влетел, в другое вылетел, но все же ему удалось ухватить суть индукционного посыла. Он с готовностью подтвердил догадку инопланетянки. Более того, рассказал о происках Мутаночки, заслывшей его на другую планету и лишившей тем самым возможности заниматься пропавшей возлюбленной, которую он сам изваял и оживил благодаря чудесному дару Афродиты. Еще он упомянул о сюрпризе – как только он даст согласие на сотрудничество с Космолитами. Женщина внимательно выслушала рассказ о приключениях Пигмалиона, переменяя при этом несколько раз окраску своего кисейно-энергетического одеяния. При упоминании о сюрпризе она загадочно улыбнулась. Пигмалион посмотрел на нее, но мыслеформу индуцировать не рискнул, рассчитывая на то, что женщина сама разрешит интересующий его вопрос. И не ошибся.

– Сюрприз перед тобой.

– Как?

– Ты разве не узнаешь меня, Пигмалион? Да-да, я не ошиблась. Ты именно тот Пигмалион, который меня изваял. Я это сразу поняла, как только приняла посыл, а упоминание о Мутаночке развеяло сомнение.

– Галатея! Но...

– Ты, Пигмалион, хочешь спросить – как я оказалась здесь и почему не похожа на твое творение?

– Еще бы, а, впрочем, нет сомнений, твое тело, то есть мое... да, черт побери, – смешался Пигмалион, – именно твоё тело, Галатея, я видел там в мутандатуре. Его похитила хамоватая регистраторша. Не успел я заикнуться о тебе, Галатея, как она тут же меня одернула и попросту закрыла рот.

– И послала сюда, – закончила Галатея сумбурную речь Пигмалиона. – Ко мне, – затем добавила она.

– Значит мы оба их заложники, Галатея? И они – эти самые Космолиты – вольны поступать с нами...

– По нашему желанию, Пигмалион.

– Как?

– Скажи, мой милый ваятель, разве ты не мечтал, ну хотя бы в детстве, улететь на другую планету? Нет?

– Ну-у, вроде бы, что-то было... Однако...

– Вот и я, как только «оживилась» благодаря Афродите, так сразу же загорелась желанием побывать далеко, далеко...

– Галатея, – взмолился Пигмалион, – но ведь твое желание оплачено слишком дорого. Ты лишилась такого прекрасного тела...

– А разве теперешнее мое тело хуже?
– Поспешно, с обидой в голосе парировала женщина.

– Нет, но-о...

– Вот видишь? Тем более, твое творение не выбросили, как хлам, на свалку. Им пользуется достойный человек. Те люди из мутандатуры призваны облагородить землю, Пигмалион, людьми новой формации, а для этого они и сами должны иметь достойный вид. И ты, Пигмалион, помог им, – закончила Галатея пространную защитительную речь в пользу Космолитов.

– Но, что теперь будет с нами? Со мной и с тобой?

– Ничего страшного, милый мой Пигмалион,
– Галатея хотела взять ваятеля за руку, но оболочка и есть оболочка, движение ее руки закончилось неопределенным жестом. – Любое наше желание будет исполнено. На то и рассчитана работа Космолитов. Ты, как и я, примешь участие в жизни кассиопян, где главное занятие – развлечения. Ведь, как ты уже наверное заметил, здесь единственная

индустрия – индустрия отдыха. Мутаночка оказалась права. Космолиты, засылаемые сюда в своеобразную командировку для адаптации, не нуждаются ни в пище, ни в одежде. Все упрощено настолько, что мысли не отвлекаются на посторонние предметы. Отдых и развлечения – вот суть жизни благородного населения планеты. Здесь нет почвы для злобы и ненависти, хамства и грубостей, так широко распространённых на земле. Любое желание кассиопянина есть непреложный космический закон, обсуждению не подлежащий. Все просто и осуществимо. Вот только...

– Что-нибудь не так?

– Для полноты жизни тебе, Пигмалион, следует материализоваться. Пойдем со мной.

Пигмалион, придерживаясь за руку Галатеи, тенью пошел рядом с ней. Он с любопытством оглядывал встречающиеся строения. Они значительно отличались от земных. Здания не имели окон в том смысле, что принято на земле. Был фундамент, была крыша и в лучшем случае одна стена. Остальное – несущие колонны и... все. К одному из таких строений они и подошли. В проеме между колоннами он увидел несколько десятков разнополых манекенов. Все они имели застывшее выражение лица, ствойственное своему полу и возрасту. Они вошли в «Паноптикум», и Галатея с воодушевлением принялась

примерять к астралу Пигмалиона претендентов на роль материальной оболочки его духовной сути. В зависимости от желания можно было один орган заменять другим – была бы фантазия. Чем Галатея и занялась. Как всякая женщина, она была привередлива. Вскоре довольно внушительная гора непригодных органов возвышалась на столе примерки. Наконец задача была выполнена.

– Вот такой, пожалуй, не плох. Правда, у него чрезмерно вздернут нос, но не беда, компьютер его так отнивелирует, что из недостатка превратит в достоинство. Возьми его за руку и он ответит тебе полным повиновением. – Галатея, довольная своим произведением, не переставала улыбаться. – Видишь? А что я тебе говорила? Теперь пройдем в отдел компьютеризации, где тебе помогут стать кассиопянином, и... все! – При последнем слове в улыбку Галатеи вкралась нотка застенчивости, но она тут же погасила ее.

Материализация – дело ответственное, и лишние эмоции в сторону. Когда, после воплощения астрала в новое физическое тело, Пигмалион вышел в зал, Галатея не удержалась и, подскочив к нему, страстно поцеловала. Теперь это было ее творение – ее, ее... Она прижималась к этому доселе бездушному муляжу и, счастливая, гладила лицо, одухотворенное всего-то минуту назад. Что с того?

Теперь душа Пигмалиона – ее Пигмалиона – воплощена в красивое, статное тело. Как некогда Пигмалион изваял ее – Галатею, так теперь Галатея сотворила Пигмалиона.

Новорожденный кассиопянин плохо соотносил поведение женщины и самого себя в роли возлюбленного. Он чувствовал ее нежные руки на своем лице, ее жаркое дыхание, видел светящиеся любовью глаза, но считал, что всё это адресуется не ему, а кому-то постороннему, стоящему за его спиной. Он двигал руками, ногами, вертел головой, но ощущение того, что движения контролируются его разумом, не приходило. Не было синхронной связи души с только что приобретенным телом. Галатея же, раскованная до неприличия по земным меркам, как кошка ласкалась к Пигмалиону и только не мурлыкала. Иная планета, с другими принципами бытия – все это изменило ее сознание и нравственность до неузнаваемости. Она задыхалась от счастья и не скрывала этого. Красивый, статный мужчина был слеплен по ее замыслу – как дань благодарности за своё рождение, а ещё... А ещё Галатея задыхалась от накатившего на неё желанья... Судорожно обхватив руками шею Пигмалиона, она повисла на нем – томная, жаждущая любви.

Тело Пигмалиона, ещё минуту назад бесчувственное как бревно, от женского обаяния

начало постепенно приходить в согласие с его духовной сутью. Манекен со скоростью таяния льда в кипящей воде исчезал – исчезал с тем, чтобы неотвратно претвориться в чувственную молодую плоть, способную ответить на ласки любящей женщины. Трепет её губ окончательно растворил остатки льда в бурлящей воде.

Его новое тело наливалось мужской силой. Пигмалион легко подхватил изнемогающую от страсти Галатею на руки и, до онемения мышц, прижал ее к груди. Опьянённый запахом её волос, он нетвёрдой походкой пошел неизвестно куда и не разбирая дорог. Бархатная женская кожа горячила его кровь, и, когда она буквально закипела и повалила его с ног, мягкая трава с готовностью расстелилась под ним. А потом влюбленные, убаюканные шелестом ветра над головой, уснули. И не всё ли равно, где сон властвует над человеком – будь-то планета Кассиопея, скрипучая арба, пылящая по земным дорогам, или заурядная вагонная полка несущегося во тьме экспресса.

Горное болото

Три дня Прохор горбатился на складе – загружая и разгружая автофургоны с мандаринами. В конце дня, прислонясь к стене, выпрямлял хребет. Наблюдал за ухватистыми коллегами, прятавшими неучтённые кошёлки от глаз начальства, поскольку, пять килограммов мандарин в качестве натуроплаты не компенсировали затраченного труда. Сам он, вымотавшись за день, не находил сил, ни желания следовать примеру расторопных мужиков. Тупое безразличие одолевало его. Забрав свою порцию цитрусовых, он освобожденно светлел лицом и покидал мрачный полуподвал, провонявший сладкой гнилью. Жил Прохор, как и большинство сезонников, на квартире у самого геотермального источника. Одна радость – после потогонной работы плюхнуться в ванну, образованную самой природой. Площадь ее составляла не менее пятнадцати метров, глубина около метра. С каменного трехметрового утеса горячая вода с шумом низвергалась в купель, обдавая паром и брызгами купальщиков. Был ноябрь месяц, но для Абхазии календарная осень не указ. Днем

по-летнему светило солнце и было тепло, а вечером, когда оно неспешно тонуло в море, – незаметно накатывала прохлада. Только и всего. Субтропики! Зарядившись энергией земных недр, Прохор в одних плавках шел к себе на квартиру, где поджидал его Наполеон – хозяин дома. Любитель пряностей – он страдал гастритом. Прохор усаживал его напротив и биоэнергетическим методом избавлял от болей в желудке. Носитель громкого имени был всего лишь рабочим на маленьком хлебозаводе, обеспечивающим сельское население Приморского вкусным ароматным хлебом.

– У меня есть знакомый – тоже Наполеон. Хочешь у него поработать? – спросил хозяин дома после очередного сеанса.

– Что там?

– Сад у него. Большой, деревьев на двести. Тоже натуроплата.

– Заметано.

Так Прохор оказался в полном окружении Наполеонов. Лазил обезьяной по мандариновым деревьям у одного, возвращался после работы с полным ведром оранжевых плодов от другого. Через полмесяца урожай был убран, и после окончательного расчета Прохор был свободен. Впервые за три недели пребывания в Абхазии он оказался в роли отдыхающего. На квартиру идти не хотелось и, чтобы заполнить свободное

время, Прохор, пройдя через село, вышел к морю. Волны упруго накатывали к ногам и с шумом, шурша галькой, откатывали назад. Казалось, такое однообразие может лишь утомить, но неохватная глазом ширь морского организма очаровывала, возбуждала. Хотелось смотреть и смотреть в неоглядное безбрежье, на беспрерывно бегущие буруны волн. Восхищение было вознаграждено. Море расщедрилось на сюрприз – на демонстрирующих свое искусство громадных черных дельфинов. Вначале появился один исполин. Он «выпорхнул» из воды и коромыслом, прочертив дугу, плотно вошел в толщу пучины. Затем другой, третий... Всего восемнадцать особей насчитал Прохор. Триста метров отделяло его от резвящихся «артистов». Они, как бы по заказу, исполняли акробатическую программу. Обозрев пустынный берег, Прохор самонадеянно отнёс концерт на свой счет. Он даже поплодировал обитателям темных глубин, когда те, удаляясь от берега, не скрылись совсем. Только ради такого представления можно было прикатить за тысячу километров, – подвёл итог Прохор и, повернувшись к горам, обнаружил: они наполнены новыми красками – более сочными, яркими. Природа не поскупилась, расщечивая горные вершины. У основания их обрамляла изумрудная зелень. «Завтра в горы» – исполнился вдохновением Прохор.

На другой день он покинул свой ночлежник и двинулся в путь. Вышел на околицу и, не разбирая дорог, запылил стоптанными сапогами. Время от времени оглядывался назад, как бы желая убедиться – на месте ли море, и, всякий раз, ободренный аквамаринным «приветствием», шел дальше. Селение давно осталось позади – внизу, и корбочки домов с высоты предгорья напоминали маленькие брусочки, по неосторожности рассыпанные в долине. Возле самого моря гусеницей растянулся пассажирский поезд. Его игрушечные вагоны вспыхивали маленькими блёстками оконцев. Почва заметно менялась. Из твердой, каменистой превращалась в податливую влажную зыбь, пока наконец болотные кочки не запрыгали под ногами. «Конфуз, да и только», – опешил Прохор. Горное болото. Где это видано? Огибая непроходимую чащу кустарника, свернул в сторону и вскоре вышел на более или менее сухую поляну. А еще через несколько шагов перед ним возник котлован, заполненный зеленоватой водой. «Вот уж действительно болото», – второй раз утвердился путешественник в собственном мнении. Расстроенный, уселся на валун. Душевный разлад непокоем вползал в сознание, причина быстро обнаружилась. Изношенная шина от заднего колеса «Беларуса» чужеродным предметом несуразно чернела в водоеме. «И тут

уже ступила нога человека», – обескуражился он и, поднявшись, в сердцах саданул ногой по грязной резине, торчавшей у берега. Колесо нырнуло и оказалось в прежнем положении. Мало того, из чрева колеса запузырилось, забулькало и рядом всплыли рыжеватые космы неведомого существа. Прохор оторопел. «Действительно, в тихом омуте...» На всякий случай ретировался, но поплавок из вида не выпускал. Присмотревшись внимательнее – совсем «прикололся». Из просвета – между внутренним диаметром шины и поверхностью воды – на Прохора взирали жёлто-зелёные глаза. Шина качнулась и видение исчезло, но волосы, без сомнения принадлежащие «наяде», остались на плаву. Кровь «молодца» разыграла.

– А вот я тебя...

Прохор, подойдя к берегу, не без опаски ухватился за них. Уж не русалку ли прячет чёртов омут? Курьез, да и только.

Не легко далась «добыча», и все же недра горного болота выдали загадочное существо – оно рядилось в обычный тренировочный спортивный костюм. «Пассаж», – недоумевал добытчик, обсасывая укушенный палец. Девчонке было лет восемнадцать-двадцать.

– Ты кто?

Лязгнула она от испуга зубами, пытаясь руками загородиться от молодого человека, потом обмякла – вся съёжилась. Мокрый

костюм не согревал, она отвернулась и с трудом разделась. Выжатую одежду повесила на куст. Прохор поспешно снял куртку. Молча поблагодарив, девчонка виновато посмотрела на пораненный ею палец незнакомца, извинилась:

– Простите, я думала...

Что она думала, осталось у нее внутри. Прохор и не лез с вопросами. Дикая ситуация не располагала к банальному разговору. «Вот тебе и горные выси, вот тебе и лазурь во всю ивановскую, – грустно размышлял он, выкинув из головы благоглупости с восхождением на утесы. – Удивительное рядом. Драма. Акт первый, продолжение следует... Ведь не из шалости девчонка пряталась в воде, используя тракторную шину в качестве воздушного пузыря». «Аквополистка» зябко ёжилась под курткой. «Купание дорого может ей обойтись», – поймал себя на мысли Прохор. Насобирав сухих веток, с трудом развел костерок. Девчонка, обжигаясь, грела руки, лицо, шею. Купалась в терпком, теплом дыму, искоса благодарно поглядывая на доброхота. На болтовню ее не тянуло. Ситуация действительно была аховая, и главным действующим лицом была она.

...В тот день они – четверо обкурившихся психов – затащили ее (под предлогом – подвезти) к черту на кулички и после скотского шабаша решили изучать анатомию человека.

– Ленка, – промычал Тенгиз, бывший одноклассник, изображая рубаху парня, – ходы на мой сторона. Буду дэлать тэбэ вэчный кайф. Вывысэкция называется. Со смэху помреш. Так я баю Фарук?

– Валяй конкретнее, – скалился Фарук. Рассечение материи с целью познания момента истины, так-то.

Ее, сопротивлявшуюся, «распяли» – чтобы не брыкалась. «Это конец, – вяло подумала Ленка, – вчера еще студентка... С глупым каламбуром и уйдешь в мир иной. Кто мог предположить о наличии в родном селе грязного «зверинца». Ее знакомые давно уже не люди, и только она с беспечным инфантилизмом не верила в это».

– Наркоз, – командовал Фарук.

– Есть наркоз, – с готовностью подвывал подельник.

Ее начали «оперировать». Шприц больно вонзился в тело.

– Скальпель, – продолжал куражиться «хирург», и услужливые руки снабдили его перочинным ножом. А потом... Потом они по очереди пили ее кровь, до тех пор пока...

Очнулась она от того, что упиралась головой во что-то твердое. Не понимая – где она, попыталась закричать, но из груди слабо исторгся лишь стон. Тьма – как в закупоренной бочке. Пошевелив пальцами рук, уяснила – стоит в воде, и лишь голова в воздушном пространстве.

Обследовав «крышу» укрытия, пришла к выводу – долго не продержаться. Удушливый запах резины не оставлял сомнения. Уйдя с головой в воду, она забарахталась – прочь от «батисферы», затем судорожно оттолкнулась от вязкого дна. Яркое солнце ударило в глаза. Вынырнула она рядом с берегом и первое, на что обратила внимание, – был сегмент тракторного колеса. В этой шине она и боролась за жизнь на уровне подсознания. До вечера обсыхала, приходила в себя, мучаясь элементарным вопросом – что делать? Но мысли были вязкими – как ил на дне водоема. От потери крови кружилась голова. От жутких воспоминаний подступала тошнота. На ночь кое-как, насобирав листьев и веток, устроила лежанку. На ней забылась тревожным сном. Так прошло несколько суток. Днем она отогревалась на солнце, обрывала дикие мандарины, собирала ягоды, а ночью мёрзла на своей постели. Пуститься в путь к селению не было ни сил, ни желания. Люди все, как один, представлялись ей не иначе, как в обличии вурдалаков – страшных, омерзительных. В один из таких дней, сидя на камне, отшельница рассеянно скользила взглядом по террасе, расстилавшейся перед ней, и вдруг заметила фигуру человека. Он поднимался в её направлении. От умосозерцания не осталось и следа. Она легла на траву и затравленным зверьком стала следить за ним. Вскоре человек

приблизился на столько, что можно было различить черты лица. «Фарук, – резанула мысль. Для нее теперь все бородатые были Фаруками. – Идет проверять – не всплыл ли труп». Всплеск воды развёл небольшую волну, и горный котлован вобрал в себя тайну человеческой безысходности.

Проход, ковыряя костерок, подсушивал одежду «русалки». Он давно заметил резаную рану у неё на бедре. Порывшись в рюкзаке, достал аптечку. Не задавая вопросов, предложил помощь. Получив согласие, приступил к лечению. Обтерев рану одеколоном, пассами руки обработал её, затем наложил повязку.

– Теперь моя очередь.

Проход посмотрел на укушенный палец и коротко парировал:

– После обеда.

Лишь одевшись в просушенную одежду, девчонка окончательно согрелась и, пообедав, заснула. Впервые за несколько суток она по настоящему насытилась, и сон сморил ее тут же у костерка, возле незнакомого мужчины. В доброжелательность его она уверовала сразу же, как только он, словно улитку, вытащил её из «укрытия». Проход смотрел в даль, где море смыкалось с горизонтом, и думал о том, что обязательно покажет миловидной незнакомке тех «артистов», что видел вчера.

Остров Презрения

Запорожец петлял по просёлочной дороге. Трясаясь по ухабам, он жалобно постанывал, покрывал. Его водитель задумчиво глядел вперед, не заботясь особенно о вздохах сермяжной рухляди на четырёх колесах. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась тайга. Вековая, дремучая. Она угрюмо пошумлиwała – когда шалый ветерок теребил её косматую бороду, потрескивала – когда налетал удалой сиверко, и ожесточенно скорготала при разбойном нападении невесть откуда взявшегося завихрения. Натужно подвывая мотором, сермяжка выбежала на пригорок. Впереди, километрах в трех, должна была показаться вскоре небольшая деревушка, а еще ближе, буквально через полкилометра, – неприметная с первого взгляда тропа, извиваясь змеей, убежала в зелёное царство теней. Туда и направлялась рухлядь. Уже собираясь сворачивать на тропу, водитель заметил человека, сидевшего на краю дороги. Вот он поднялся и проголосовал. Если бы машина была живым существом, она воспротивилась бы нести на плечах лишний груз, но ее хозяин был далёк от интересов железного

монстра и потому нажал на тормоза. Человек оказался subtilным существом в джинсовом костюме и кроссовках фирмы «Адидас». Подведенные брови и подкрашенные ресницы указывали на принадлежность к женскому полу.

– Подвезете? – Лучезарная улыбка осветилась ровными рядами ядреных, полновесных, без единой щербинки зубов. От девичьей фигуры веяло здоровым молодым задором. Зная наперед, что отказа не будет, она с удовольствием устроилась на переднем сиденье. – А я вас что-то ни разу не видела в Тебеньках. Хотя, впрочем, о чем я говорю. Сама раз в год выбираюсь за город. У вас вероятно там дача, сейчас модно иметь деревенскую хату в довесок к коммунальной пещере. Ой, а вы куда?

Машина резко свернула с дороги на тропу и углубилась в лес. Ветви деревьев нещадно хлестали по стеклам, визгливо терлись о кузов. Она подпрыгивала, подрагивала, напоминая галопирующую лягушку, охваченную охотничьим азартом, благо, что и сама была выкрашена в зелёный – лягушачий – цвет.

– Остановите! Сейчас же остановите! – Лицо девушки, беззаботное еще минуту назад, исказилось гримасой отчаяния. Она, держась одной рукой за сиденье, другой пыталась открыть дверцу, но безуспешно. Рухлядь была из той категории машин, у которых дверцы

за ненадобностью открываются сами, зато в нужный момент их напрочь заклинивает. Вольтижировка продолжалась не менее получаса. За это время водитель не проронил ни слова. Молчала и пассажирка. Она, осознав тщету своих усилий, казалось, смирилась с участью пленницы, и только побелевшие от напряжения пальцы, вцепившиеся в дверную ручку, выдавали весь ужас ее положения. Машина, продравшись сквозь кусты, остановилась. Мотор замолк, и сразу птичья разногласица атаковала слух. Каждая пичуга отстаивала свое право на сольный номер – от этого лес звенел, свистел, ухал. Пленница не шевелилась. Ей не хотелось верить, что сейчас, сию минуту, в ее жизни сместятся понятия добра и зла, а виной тому ее собственная беспечность в сочетании со зловещими замыслами ушкуйника, уткнувшегося лицом в баранку. В зловещих замыслах водителя она не сомневалась. Вот он поднял голову и посмотрел на девушку. И тут только выяснилось – как мало он похож на замшелого лесовика. Какой там ушкуйник, да еще замшелый. Усы только-только пробивались над верхней губой. Лет восемнадцать, не больше, можно было дать похитителю... И все-таки похитителю, – чего или кого? «Взбалмошной девчонки с гипертрофированным мнением о собственной неотразимости?» – Такие мысли

мгновенно пронеслись в легкомысленной головке незадачливой пассажирки. Она ждала. Ждала действий со стороны молодого «вампира». Гнев и отчаяние первых минут прошли, но не настолько, чтобы чувствовать себя уверенной.

– Пойдемте! – Голос парня был хриплым, надтреснутым. Диктат продолжал оставаться главенствующим фактором его поведения. Так отметила про себя молодая особа, захлопывая дверцу мерзкой ловушки. Видимо, в целях предупреждения бегства девушки, молодой человек крепко ухватил ее за руку и повел за собой. Какие мысли одолевали пленницу, она и сама не могла разобраться, но одно усвоила – затевается гнусность, а раз так – ни шагу дальше. Она уперлась, как строптивый козленок, и тут же ощутила властный рывок. Сопротивление оказалось бессмысленным. Рука пленителя была тверда. «Это конец», – жалко колыхнулась безвольная мыслишка. Одолеваемая неприязнью к широкой мужской спине с противно шевелящимися от ходьбы лопатками, она тихо заплакала. Парень оглянулся, с недоумением посмотрел на нее, но шага не убавил. Вскоре под ногами запрыгали болотные кочки. Почва становилась мягкой, податливой. Лес редел. На смену ему пришло болото.

Только ненормальный или злоумышленник мог завлекать жертву в трясины. Леденящая кровь картина надвигалась на глаза пленницы и с каждым новым ее шагом высвечивалась и окрашивалась в тот единственный несносный цвет, от которого мутнеет сознание, а земля уплывает из-под ног. Что руководило действиями молодого человека, так настойчиво пробиравшегося по зыбкому, непрочному пути с ношей в руках, пока оставалось загадкой. Загадкой оставался и то, как точно он ориентируется в тряской местности, ни разу не оступившись и не провалившись в дурно смердящую пучину. Девушку он держал, как держат ребенка детсадовского возраста. Голова ее беспомощно покачивалась в такт шагов.

...Очнулась она от холодной воды, просачивающейся сквозь зубы. Еще плохо соображая, медленно переводила взгляд с одного предмета на другой. Скамья под ней была сработана из половинок толстых бревен. Ветхие строения также состояли из грубых лесин. И вообще «архитектура» построек напоминала жилища древних скифов.

– Вам лучше? – Голос такой странный – низкий, с хрипотцой, словно рожденный в глубоком подземелье. – Когда вам ...ло пло... и вы... потом... выбрались... скит я приезжаю на вых...ной. – Лицо говорившего то пряталось

за туманное облако, то вновь выплывало из-за него, – и тогда... шайте через шестьдесят лет... как ...яснилось через ...го лет.

Холодная вода обожгла шею, полилась на грудь. Зубы заломило. Девушка с усилием глотнула содержимое берестяной кружки. Лицо бубнившего прояснилось. Кому будет хорошо, она не стала выяснять, а постаралась напрячь память и решить несложную задачу – сон это или явь? Второй глоток оказался кстати. Он помог разгадать загадку. Происхождение скита связано с драматическими событиями послереволюционного периода, когда белочехи веригами повисли...

– К черту! Все к черту! Впрягайте в свои вериги хоть сатану или самого себя, но я то тут при чем?

– Я рад, что вы пришли в себя. – Чичероне от историографии протянул руку: – Артем.

Поведение парня было настолько неожиданным, непривычным, что девушка импульсивно протянула свою. С её уст уже готово было сорваться её имя, но в последний момент она поспешно отдернула руку, точно прикоснулась к огню.

– Вы не смеете... слышите, не смеете. Не имеете права прикасаться ко мне. Если у вас гадкие планы, вас накажет Бог, вы не смеете, не смеете... Девушка, не dokonчив фразы,

уткнулась головой в колени и безутешно зарыдала. Выплакавшись, она подняла голову. В пяти метрах от нее на траве лежал Артем. Лицо его было бледным, сосредоточенным. Убедившись, что истерика закончилась, он решительно поднялся и без слов взяв девушку за руку, направился в обратный путь. Пробираясь вслед за парнем по болоту, Наташа поймала себя на мысли совсем уж несуральной. Все, что с ней только что произошло, показалось фантастичным, нереальным. Горечь твердым комком подступила к горлу. Обида была направлена теперь уже на себя... Надо же, потеряла сознание и, как кукла, болталась на руках незнакомого человека. Комплекс вины перед кем-то или чем-то безотчётно преследовал её.

У «Запорожца» был норовистый характер. Автомобиль мог завестись с полоборота, а мог преподнести такой сюрприз хозяину, что спина его покрывалась испариной.

– Подержите, пожалуйста, вот здесь... – Артем дал девушке медную монету с тем, чтобы она замкнула клеммы катушки зажигания. Она безропотно выполнила просьбу, отметив про себя разительную перемену своего состояния. Теперь уже похититель не казался ей вурдалаком и даже, глядя на его мытарства с машиной, вызывал сочувствие. Мотор, будто бы соглашаясь с ней, трусливо захныкал, заурчал

и наконец огласил лес неприличным кашлем. Наташа (так звали девушку) с испугу выронила монету, но в ней уже не было надобности.

Выруливая на тропу, Артём впервые пристально, с интересом, – какой может проявить лишь мужчина к женщине, – взглянул на спутницу. И только сейчас разглядел – какая она красивая. Зардевшись, он поспешно отвернулся и мгновенно осознал всю дикость своего поступка. По существу, он совершил акт насилия над личностью. И ради чего? Ради вздорной идеи. Не даром ему прилепили кличку комплексующего комика. Атлантиду местного разлива отыскал он, видите ли, среди болот, в силу чего правдами и неправдами пытался заманить знакомых на свой остров. А они только снисходительно похлопывали его по плечу и бежали дергаться на опостылевшую дискотеку. Подспудно он понимал, – нельзя всех подряд подтягивать под свой уровень восприятия реалий. Понимал и в то же время терял надежду, что когда-нибудь остров Презрения, как окрестил он его, станет прибежищем не только для него, но и для преданных ему друзей и знакомых. Чем же привлекал его крохотный клочок суши, затерянной в болотной глухомани? Прежде всего тем, что люди, некогда жившие там, представляли собой частичку истории. Что их заставляло там селиться – Божий ли промы-

сел или иные мотивы, не имело значения. Сам факт оторванности от мира и существования, благодаря лишь умению жить в экстремальных условиях, вызывал здоровую зависть и безграничное уважение к отшельникам. Артем нутром своим, генами, каждой клеткой старался проникнуться принципом их бытия. Иначе, как ему казалось, нарушится его собственное равновесие в современном мире и он повиснет между небом и землёй, так и не утвердившись прочно на земле. Потому он почти каждый выходной день проделывал немалый путь, прежде чем вновь окунуться в реликтовую атмосферу открытого им необитаемого острова. Острова, где, презрев все удобства и суету городскую, утверждался дух индивидуальности, – как высшей субстанции сильного и здорового человека. Так воспринималась им идея и значение клочка земли. Когда перед поворотом в лес, на дороге, возникла девушка, Артем ещё не знал последующего хода своих действий, но, уловив приятный запах духов, он словно лишился разума, и вот результат...

В отличие от парня, Наташу покинул здравый смысл еще до появления машины. Ей не хотелось поднимать пыль до самой деревни, белого коня в яблоках поблизости не оказалось: сгодится и «Запорожец». Она украдкой бросала взгляды на сумрачное лицо водителя. Временами оно прояснялось, разглаживалось, но

большей частью, – вот как сейчас, например, – скулы резко обозначились, подбородок заострился. Высокий чистый лоб бороздили морщины.

...Так уж устроен человек. Как ты его не оскорби, – словом ли, поступком, но стоит оскорбителю сделать малейший знак внимания – и он прощен. Тем более, в молодости вообще не свойственно усугублять болячки. Тем она и прекрасна. Чем же Артем заслужил прощение? Да вот, поди-ка ж ты, – парадоксальным фактом. – Он вообще его не просил, даже не заикался на эту тему. Являл собой банальнейший вариант буки. И всё таки... Ведь был момент, когда образ ушкуйника навсегда сошел с него. Одного этого уже оказалось достаточным для смягчения девичьего сердца. Наташа видела – Артем болезненно осуждает свой поступок, казнится. А взгляд, искренне-удивленный, разве не красноречивое свидетельство непорочности его намерения? Повинуясь женской логике, она дружески положила руку ему на плечо, тем самым открывая новую страницу их отношений. Артём повернул к девушке голову. Глаза их встретились. То, что нельзя передать словами, без затруднений передается флюидами... Куст, на который наехала машина, жалобно заскрипел, но это уже были его проблемы.

Кооператив «Тури»

Митяй трясся в дизель-поезде, воняющим солярой, между Брестом и Ковелем. Чтобы не слушать надоедливый трёп пассажиров, он заткнул уши ватой и безучастно смотрел в окно на пробегающую мимо незатейливую поросль кустарников – таких же одиноких и неприютных, как и он сам. В Бресте, уже закордонном городе, он пытался найти шабашку, но там, как и в Украине, безработица обрела статус официального явления. Тоска.

– Запиши адресу, Василь. Може буты, и сгодится на черный день, – услышал он сквозь вату и сразу насторожился, а попросту избавился от берушей. Любая информация об адресе, заставляла его делать «стойку». Ведь речь могла идти о работе. Обострившееся в последний год чутье его не подвело.

– «Ныне уси дни черные. Давай свою свитлу даль». Василь аккуратно вписывал данные на денежной купюре достоинством в один карбованец. «Так, мисто Микунь, Коми АССР, кооператив «Тури».

– Мисто там так себе, шукаты довго не придется, и российские бабки тебе гарантованы.

«А что, Север не вреден для меня?» – повеселел Митяй, и адреса благополучно переключалась на его купонокарбованец.

Председателем строительного кооператива «Тури» был... нет с наскоку не опишешь. Нужно прийти в себя, а впрочем, ростом мужичек не выделялся, а вот... тут-то и разинешь хлебало – персонаж Сальвадора Дали. Голова такой величины, что если гипотетически подвести под нее тело, из соображений привычной для глаза соразмерности, то потолок кабинета оказался бы не на должной высоте. Руки тоже заслужили не меньшего пиетета. Пятёрная венчалась – ну этими... – баллончиками от дезодоранта. Митяй старался не выказывать изумления, но «последний из могикан», вероятно, давно привыкший к впечатлениям новичков о своей внешности, небрежно писал на заявлении резолюцию. Строителем Митяй не был, но упорного желания поработать оказалось достаточным для положительного результата. Двадцать минут назад он был никем в лесном, завьюженном краю и вот уже застилал кровать в общежитии на шестом этаже. Двадцать минут потребовалось на устройство, Бог ты мой, потирал он руки. Где это видано? Ни тебе медкомиссии, ни тебе направления... Постельные принадлежности выдали тут же в кабинете, как только заявление

о приеме на работу было передано инспектору отдела кадров, стол которого соприкасался со столом председателя. Сразу же после обеда он приступил к работе – не сложной, тяжелой, но дающей удовлетворение застоявшимся – или залежавшимся – мышцам.

Под общежитие была определена трехкомнатная квартира, и Митяй оказался единственным обитателем одной из комнат. Правда, как выяснилось позже, иногда кровать напротив арендовал для амурных отправлений некий «Ромео-Казанова» местного разлива. Его «Джульетта», появившаяся как-то с ним ближе к ночи, оправдывала укрепившуюся в народе байку: «на такой гонорею не ухватишь, а вот блох это да-а». По мнению «аборигенов», каждый кобелишко запселей не прочь был спихнуть распустехе-гетере парочку резвых... Не очень-то стесняя себя присутствием постороннего, они «распряглись» и вскоре, по суетливой возне с «атрибутами страсти», можно было уявить – спарка имеет место быть. Гормональный баланс «Джульетте» обеспечивался адекватно застоявшейся крови. Любой Трезорка был бы посрамлен. Уж слишком долго тот, как правило, принюхивается к вожденному месту, прежде чем приступить к гармонии слияния с подругой. С мыслями о несовершенстве природы на уровне макромира Митяй отошел ко сну. И

снился ему Трезорка, вот привязался проклятый. Будто он лает, а голоса не слышно. Он воет, а как будто бы и нет. Восстанавливая справедливость в кружение мира, Митяй, что называется, его пнул, приводя к жизни, и – о чудо – пёс взвизгнул, нарушив тем самым безмятежность сонного состояния. Проснувшийся, сквозь ресницы, еще не совсем открыв глаза, с минуту рассматривал гиперболическую вязь потолка, где причудливые наслоения табачного дыма создали, как на полотне, иллюзию ирреального мира. Трезорка опять взвизгнул и вдобавок как-то даже упал.

– Вовка паразит, опять я на полу, – послышалось затем его урчание.

Скосив глаза, Митяй увидел Трезорку, но тот почему-то был голый, без шерсти. Изобразив морщину на лбу, поразмыслил: «раз без шерсти, значит не Трезорка». Пассия «Казановы» разрешила разгадку. Обнаружив соглядатая, она игриво фыркнула:

– Я пошла к соседу.

Окончательно проснувшийся Митяй обрел чувство реальности и с трудом отпихнул требушистую тушу килограммов на семьдесят. Потерпев афронт, та, ничуть не смутившись, плюхнулась назад к любимому, рискуя раскатать его в блин. «Казанова», в свою очередь, собрав остатки сил, снова низвергнул

«желанную» на пол. Шлепок толстомясой плоти гулко отозвался на верхнем этаже «Микуньского небоскреба», грозя разбудить весь дом. И впрямь, в соседней комнате рывнуло:

– Мымра, где моя заначка? Ты выпила?

На что с пола ответствовало:

– Я только раз в туалет ходила и заначку твою под кроватью не видела. Сам, наверное, и высосал.

Вялый диалог, не набрав оборотов, затух. Полусонное забытье обитателей жилища не давало заключения – день начался, как и открыто заявить – ночь кончилась. Этаким затишок, нарушаемый лишь звуковыми руладами известного происхождения. Но вот дверь входная бухнула и впустила в духмяное нутро невидимого пока посетителя.

– Эк вас растащило на сон, – вместо приветствия начал он, заглянув в спальню, и не мешкая, потопал сапожищами на кухню. Там, погремев стульями, известил:

– Эх, грузочки, вы, мои грузочки. Чем не закусь? Тундра, да и только.

Суетня посетителя открывала страницу грядущего дня. Бутылка стук, грузочки бряк, и по жилищу соблазнительно поплыл пряный просол. Первой засуетилась на правах справной хозяйки «Джульетта», но поскольку имя приклеилось к ней спонтанно, то «Мымру» она носила вполне заслуженно. А что, тоже не из последних.

– Где мое платье? – Возопила она, впрочем, не с целью одеться, а скорее подчеркнуть свою принадлежность к женскому полу. Однако призывный запах из кухни брал верх.

– А вот и я.

Заурядная фраза, сдобренная доброй порцией лести, не осталась без последствий. Пришелец, возившийся с посудой, отвлекся, и с ленцой похлопал по мшистому треугольнику, оттеняющим белизну тела.

– Мымра, не мешай, а то в...

– Ой, да меня только этим и страшат, так и страшат, так и соблазняют. Ты налеп мензурочку, Лука, и будешь самым теплым моим кавалером. Чем не вышла, смотри, все при мне, – и она жеманно исполнила перед ним фуэте.

Лука оценивающе покачал пудовую сиську и с придыхом опрокинул стакашок в щербатый рот. Прелести обнаженной «балерины» его интересовали не больше, чем глухаря гусли.

– Борода, вставай, – призывно крикнул он и беспрепятственно отправил груздок в святая-святых – утробу.

– Лука, поспать не дашь. Который час?

Борода больше из куража зевает, почесывается, а сам уже там – за столом, где стакашок мутится зельем и закусь пряно шибает.

– Мымра, чего растележилась на моих штанах, кыш.

Мымре, ох, как не хочется поднимать толстую задницу, и потому штаны шершаво выслозивают из-под нее, не без приятности, и она томно строит куры Луке:

– Лукашок, а мне-е.

– Вначале людей похмелить надо.

– Вот найду платье, сама сковырнусь до лавки, где его только искать. Спрятали, наверное, бродяги. Ты не видел, Леха? Леха-Леха-Лех, – поскуливает она и включает телевизор, а там Алена Апина вторит:

– Как без тебя мне плохо-о-охо.

– Во, и концерт вам для равновесия.

– Ладно, причастись, – Борода, подобрев от водки, булькает на доньшко. Мымра, кривляясь, мостится у него на коленях. Борода и это сносит. Чего не простишь, когда горло так приятно обожгло, и не то стерпеть можно. Вскоре вся бригада оказалась за столом. Отдавали должное закуске, чавкали и вели привычные разговоры, навязшие в зубах. О работе, заработках, о жизни, ну, и, конечно, о политике. Куда уж без нее? Всяк на свой лад колбасил правителей, считая их бездарями. Загоняли отдельным господам кость в глотку по самую сурепицу, наглядно демонстрируя в деталях «технологию процесса». Воскресный день неторопливо рассвечивался. Было уже выпито изрядно, но под столом гоношились еще несколько бутылок,

вселяя выпивохам уверенность в собственном превосходстве всех и вся. Уже Жора Армян тянул забубенно: «пое-е-дем, подружка, поката-аться»... На что Леха терпеливо поправлял: «не покататься, а кататься, понял?» Получив утвердительный ответ, тянулся к бутылке, отмечая признательность английскому столу – самообслуживания. Мымра, заручившись поддержкой принципа английского стола, неустанно следила за его воплощением в жизнь.

– Пей до дна, – вдохновенно призывала она всякий раз, как только в стакан удавалось плеснуть. Платье она так и не нашла, да и искать не собиралась. Елозила она по коленям любимого и мокрыми губами мусолила небритую его щеку. – Володя, ты только не роняй меня, и я вся буду твоя, – сопливилась Мымра в полотенце, предварительно стряхнув с него тараканов, – брысь жулики.

Володя задумчиво оглаживал ей брюхо, мурчал проникновенно:

– Куда тебя денешь? Сиди уж, Мымра.

Мымра возвышалась над столом, вроде экзотической птицы без оперенья, куражилась:

– Мужики, вы почто меня не любите? – Не получив понимания, пускала слюну: – А почто я вас люблю?

– Долюбились.

Слово было сказано спокойно, отчетливо. Интригующий контекст неприкрыто таился в

нем. Всяк по-своему отнесся к укоризне, но ощущение пустоты в желудке от неосознанной до конца тревоги почувствовали все и переглянулись.

– Ну, удружил. Выдал информацию. Вынь камень из-за пазушки, Ваня, да подальше его. Чтобы не путался под ногами.

Отрешенно глядел Иван перед собой, мужик не суетной, не болтливый, вроде и не отличавшийся ничем от коллег. Такой же трудяга, не прочь приголубить одну-другую склянку за компанию. Тоскливая неизбывность прочитывалась в его замутненном алкоголем взгляде.

– Цицерон, ничего не скажешь. Плюнул в душу и замолк.

– А что, господа застолешники, – с целью сгладить острые углы, начал Митяй, – монолог Ванюши не многословен, согласен, зато по содержанию – ребус, а в нем и вся прелесть. Нет ничего занятнее головоломки. Пофантазировал и, пожалуйста, полилась мелодия, венчающая пастораль, а покопался, и вот она – ода, прославляющая любовь до гроба. Парадиз идей, если угодно.

– Рой-яль, если конкретнее.

– Митяй, признайся собутыльникам, за что тебя выплеснули из храма наук?

– За размочаливание мозгов у сокурников. В моих комментариях на суть вещей отыскивали

бациллу вольнодумства, несколько отличную от трафарета. Цыц, сказали мне. Мы и сами с усами, однако не закручиваем их крендельком, как ты поганец. В то время я ещё усы не носил и в этой связи сильно оскорбился.

– Принципиальный. Зато здесь можешь богохульствовать на всю ивановскую. Жарь, чтоб дым на коромысле, Митяй джан, а то у нас мозги прокисли. Поехай, Митяй, покататься, чтобы ветер в штанах...

Жора прицелился и благополучно состыковал бутылку со стаканом.

– Будет тебе и ветер в штанах. Ты откуда, кстати, припарусил?

– Кировакан моя мама.

– А мама коленом-то за что наладила, не упомнишь?

– Безрыбье, говорит. Валяй на халяву, может, и не околеешь. У меня пасть видишь какая? Хоть лопатой швыряй, все равно мало.

– Сочувствую. Вот и я здесь свинствую вдали от родного корыта. А знаешь, кто виноват?

– Кто? Если он здесь...

– Все мы здесь.

– Как? – Лошадиные зубы визави плотоядно скрежетнули.

– Карусель, на которой мы киснем, Жора, давно уже скрипит на кривой оси и скоро по-вытрясывает нас на помойку. Даже коты не будут нас нюхать, обожравшись падалью.

– Жуть. Подай мне ту ось, Митяй. Я ее через выпрямитель пропущу. Смотри, какие у меня приборы. – Жора с любовью покрутил кулаком.

– Карусель – это что за бодяга? Кутерьма с людишками? – Лука настойчиво пытается завладеть груздочком, но он, каналья, ловко увертывается, ускользает. Наконец, уцепил и, не доверяя вилке, потащил в рот, но каналья и есть каналья, до рта дотянулись лишь осклизлые пальцы. Сам же груздок демонстративно шлепнулся об пол.

– Прямо как я, прямо как я, – разомлела от восторга Мымра и, соскочив с колен любимого, ловко соскребла ароматную шляпку с пола.

– На вот, возьми, Луканчик, целехонек паразит, ядреный попался.

Лука, просветлевший от внимания, довольно зачамкал. Мымра заняла исходную позицию.

– Лишние мы все здесь, лишние на нашей земле грешной. Хлам, блевотина. Нас земля отрывает, пьянь этакую, а мы снова плодимся, она кровь нам пускает, а мы снова прём квашней. И ты, Мымра, лишняя, и я не ценный фрукт. Пошли на кровать.

– Так ведь опять спихнешь.

– Не-е, только теперь я въехал, какие мы с тобой сироты. Эх, каторга запьянцовская. Лучше и не вылупляться бы вовсе.

Горемычная пара, пошатываясь, заспотыкалась до логова, и долго еще пузырилось за стеной: «...ты только... Я высоты боюсь...»

– Баба она и в Африке баба, – щербатится Лука. – Посмотришь на Мымру – сплошная жо..., а все равно баба.

– Поед-ем подружка поката-а-аться...

– Салазки еще не смазал. Слышал, что нам сказали? Лишние мы, не востребованные.

– Не, мы еще крепимся. Вот Борода с Лехой – те да, хватили лишку. Давно отдыхают душевно. Валетом. Митяй джан, я не хочу быть этим... грузилом. Научи меня.

– Балласт, Жора, если с толком применять, тоже вещь не бесполезная. Лишь бы он не скособочил Ноев ковчег, за который цепляются все, кому не лень. Володя прав по-своему. Пьяни, вроде нас, расплодилось видимо-невидимо, и этот балласт, конечно, лишний, но не совсем безнадежный. Если его просеять, можно использовать для посыпки дорожек в садах Эдема. Все, глядишь, с пользой востребуемся.

– Не хочу служить подтерушкой чьим-то копытам. Разве только пьянь кособочит ковчѣжную лодку? Где-то собака закопана не в том месте. Раскопай ее, Митяй джан.

– Демографический бедлам, Жора, пытался расшатать еще в девятнадцатом веке экономист Мальтус со товарищи, когда на земле копошилось около восьмисот миллионов чело-

век, но функционеры всех мастей не дали им хода.

– А почему?

– Людские ресурсы во все времена использовались по принципу пирамиды в системе А. О. МММ. Когда акции приносят доход, благодаря все новым покупателям. Неликвидность их растет пропорционально количеству ранее приобретенных, и в конце концов рано или поздно накатывает кризис.

– А причём здесь народишко?

– Для аналогии, Жора джан. При неминуемом перенаселении Земли очень трудно играть на повышение курса. Слишком много игроков, слишком много проблем, слишком большой бардак. А толпа топочет, ропщет, грызет, требует. Содом и гоморра. Одним словом мешает. Вот тут и срabатывает своего рода иммунитет против демографического взрыва, вытаскивается на свет Божий закон о ведьмах. Кто в открытую гасит «неликвиды», то есть истребляет лишний человеческий материал, кто тайно, а кто использует древнейший метод – АТУ его, АТУ! Вот мы и оказались в своре, где АТУ является якобы средством для решения всех неурядиц в нашем небезынтересном обществе.

– Я, Митяй джан, тоже не гостинец. Под пьяную лавку кого угодно могу ко всей неликвидушке послать.

– Мы пьянь, Жора, слишком на виду, слишком удобная мишень для плевков. Да и прямо надо признать, вполне заслуживаем этой участи. Единственные наши неотъемлемые право и возможность доказать обществу, что мы не пыль на ветру, на мой взгляд, прекратить плодиться, и потомками нашими не будут посыпать дорожки в пошлых садах. Породнимся со старинушкой Гербертом Спенсером, взывавшим к согражданам: «свобода каждого ограничивается свободой других». Вот тебе и ветер в штанах, Жора. Ну, как слабо?

– Я готов хоть сейчас откастрировать себе яйца, а вот с другими как?

– Убеждай, учи. Только не яйца кастрировать, а пользоваться резинкой, и наше не проклюнувшееся потомство не будет служить подстилкой чьим-то невытым сапогам. Чакнем?

– За тундру, – просветленный Лука поднял стакан, где предусмотрительно плавал околыш груздочка – закусь без проблем.

Короткий северный день начинал отвечать прощальный поклон. Порезвились, мол, и хватит. Незачем противиться природе – зажигать огни, вершить дела. Все это суета, и еще больше порождает суету.

Март 1994

Прекрасная Маргарита

Гроб с телом молодой женщины был установлен для отпевания в небольшой церквушке. Он обращал на себя внимание необычной формой и цветовым оформлением. Если уж говорить о форме, то скорбное прибежище покойной напоминало скорее широкую деревянную кровать на коротких ножках, и лишь крышка, сиротливо стоящая у стены, выдавала истинное предназначение ложа. Выкрашен он был и вовсе с отклонением от канонических и прочих обрядовых правил. На черном лакированном фоне крупными пятнами рдели розы. Торжество красок явно не сочеталось с моментом истины. Краски кричали о первичности формы и вторичности содержания, а содержание столь красочно оформленной формы по красоте бесспорно одерживало верх. Молодой священник не сводил глаз от прекрасного лица покойницы и ловил себя на крамольных мыслях, мешающих справлять службу. Он никак не мог заставить себя смотреть на лежащую в саване женщину как на покойницу. К тому же своей раскованной позой она мало напоминала умершую, скорее уставшую от

земных утех прелестную баловницу. Священник старался не сбиваться с ритма. Его речитатив не давал нырков лишь благодаря хорошо усвоенному тексту. Присутствующие при отпевании четверо мужчин мало напоминали горем убитых родственников. Их «прикид» и осанка выдавали в них крутость, но никак не озабоченность житейскими проблемами. Они явно скучали и ритуал отпевания воспринимали как пустую, но необходимую формальность. Священника такое положение вещей корбило. Он ещё раз пристально посмотрел на покойную, закончил читать отходную, но, не в силах оторвать взгляд от прекрасного лица, тянул время. Ему хотелось хотя бы на миг продлить неожиданно вспыхнувшее необъяснимое влечение к красивой женщине. То, что эта женщина покойница, никак не отражалось на его ощущениях. Психоэмоциональный настрой доминировал над реалиями факта. Ему не хотелось сознавать, что вот эти длинные пушистые ресницы не опажнут больше никогда волшебное лицо. Вероятно сильное желание священника повлияло на динамику магнетизма. Еще минуту назад неподвижно рассыпанные по глазницам ресницы дрогнули... Не в силах совладать с резким приливом крови к голове, священник покачнулся и... потерял сознание.

Когда он пришел в себя, гроба уже не было. Ныла ушибленная спина, в голове шумело. Он долго сидел, задумавшись, на крутой ступеньке, ведущей к иконостасу.

... – Так ты, Артур, говоришь, что это ваш фамильный склеп?

– Да. И первым «обжился» здесь мой прадед Сигизмунд – дальний потомок короля Речи Посполитой. Так-то.

– А не взбунтуется твой родовитый потомок соседству с безродной кралей?

– Думаю, драки не будет. Маргарита все-таки королева красоты. Да и Кассиопея, откуда она родом, далеко не поскребыш в семействе Млечных планет.

– А ну, как она захочет вернуться, а тела – то и нет...

– Она ясно заявила – не буду через неделю, похороните по христианскому обряду. Прошло две недели. Тянуть с погребением нет смысла.

– Жаль. Стёбовая была девчонка.

– Почему была? Она есть. Только далеко-далеко-о. – Артур задрал голову к небу, прикрыв глаза ладонью от солнца. – Улетела в свою тьму-кассиопею с докладом о состоянии дел на нашей земле грешной.

– А скажи, Артур, что на твой взгляд больше всего поразило Маргариту в нашем бедламе? Ведь ты всё-таки был ее главным поверенным в делах...

– Вы можете мне верить или не верить, но однажды она вскользь заметила: «Меня многое удивляет на вашей планете, но больше всего одна странная особенность человека – плевать на землю, на свою родную землю». Вот так-то. Не больше и не меньше. Маргарита вообще мыслит вселенскими категориями, оперируя, казалось бы, плёвыми фактами.

– Ну, ей со стороны виднее, а впрочем, плёво-загаженная планета – что может быть пошлее? И всё-таки жаль хоронить хорошенькую куколку, которая всего-то и была для Маргариты спецодеждой. Сознайся, Артур, ты делал попытку разобраться в конструкции живой куклы? Неужто нет?

– Маргарита – девица с понятием. Она видит сквозь землю и, чтобы между нами не возникло «непонимание», она в первый же день визита ознакомила меня с устройством своего тела. Ничего особенного, если не считать отсутствие гениталий.

– И это ничего особенного?

– К тому же, – продолжал Артур, – она по желанию могла этими самыми цацками обзавестись в любой момент, как, скажем, и новым телом.

– И как же с моментом? Наступил?

– В том-то и дело, я же говорю, Маргарита девица с понятием, но вселенским. Мы, земляне,

слишком грубая материя для нее. – Артур красноречиво развел руками.

– А попик-то, мне кажется, тоже с понятием. Ведь не зря он грохнулся на пол.

– Его понять можно. Внеземная красота кого хочешь с ног свалит. Однако за дело. Куклу надо поместить в склеп.

Двое мужчин, легко подняв гроб, спустились с ним по ступенькам в помещение, напоминающее склад. Только складировали здесь останки бывших обитателей земной обители. Тело инопланетянки, таким образом, внесло в почтенное потустороннее общество свежую струю, придало ему некий изыск.

– Артур, а ведь для Маргариты и места нет. Все заняты.

– Ничего страшного. Поместим ее на саркофаге Сигизмунда. Я думаю, он, как джентльмен, поймет меня, да тело «куклы», сотканное в основном из энергетического поля, ровным счетом ничего не весит. Вот так. Теперь порядок. Совесть наша чиста. Просьба заоблачной гостьи выполнена.

...А в это время «заоблачная гостья» сидела в кругу друзей-кассиопян и, наслаждаясь, приятным обществом, делилась впечатлениями о пребывании на планете Земля.

– Земля, – рассказывала она, – за прошедшие триста лет после последнего моего

посещения изменилась до неузнаваемости. Живые существа, населяющие ее просторы, элементарно вымирают. Причин достаточно. К примеру, – безудержный рост промышленного производства за счёт нарушения структурной оболочки планеты. Земляне, пренебрегая здравым смыслом, методично разрушают защитный слой природного ядерного реактора. В местах горных разработок радиационный пояс настолько плотный, что его заметно невооруженным глазом. Другая проблема – демография. Численность населения никто не контролирует. Рождаемость зависит от наличия корма. Есть корм – есть всплеск, то есть демографический взрыв, корм иссяк – и народ вымирает. Примитив до абсурда. Генезис человеческого материала настолько хрупкий, что с каждым новым демографическим всплеском интеллектуальный потенциал разумных людей заметно падает. Взамен этики насаждается демагогическая мораль, да и та, обтёсанная идеологической гильотиной, больше напоминает свод правил поведения в доме для престарелых. Густонаселённые районы являются катализаторами деградации личности. Целые регионы меняют нравственную ориентацию и за мифический просвет в жизни совершают ужасающие по своей жестокости поступки. Глумясь над себе подобными, они обнаруживают надзвериную природу. Насилуя

и подвергаясь насилию, население тупеет и дичает. Людоедство тому свидетельство. Этика поведения, таким образом, сводится к подсчёту выбитых зубов, когда улыбка превращается в оскал щербатого рта.

– Минуточку, Маргарита, – так, кажется, окрестили тебя земляне. Так вот, Лотта, твой монолог изобилует общими фразами. Неужто всё так плохо? Ведь в любой дремучести должны быть проблески света, иначе общество не способно существовать. Хоть какая-то культура их поддерживает на плаву?

Вопрос задал мужчина, возраст которого колебался от трех до четырех тысячелетий по земному летоисчислению. Правда, от своих более молодых слушателей внешне он мало чем отличался. Разве что чуть вздернутым носом, такие были в моде несколько тысячелетий назад. Друзья, конструируя его тело с помощью компьютера, несколько увлеклись новыми веяниями того времени, и в результате курносый нос сопутствует ему вот уже несколько тысячелетий.

– Мне понятен твой интерес, Группи. Ведь ты гретишь стихами. И причем давно.

– Ну, не так, что бы и давно, Лотта, однако в день твоего воплощения в чудесно сконструированную богиню красоты я разрешился первой строфой.

– А когда же второй?

– О, это глубокая тайна. О ней я запрещаю думать даже самому себе.

– И когда же тайна засветится?

– Пока не созреет плод. Ведь так отвечают земляне в подобных случаях?

Лотта, улыбнувшись краешком губ, дружески потрепала шевелюру Группи, затем, смиренно положив голову себе на колени, продолжила начатый разговор. Группи в это время настраивал малогабаритный монитор, позволяющий видеть мельчайшие предметы на других планетах. В том числе и на планете под названием Земля. Занимаясь манипуляциями по настройке прибора, он, тем не менее, внимательно следил за рассказом Лотты:

– В интеллектуальной среде – так называют прослойку людей умственной направленности – тоже есть не мало фанов, «ушибленных» поэзией. Иногда их возносят до небес, всячески поощряя, иногда ругают, а порой приговаривают к смертной казни. Всё зависит от властителей дум и чаяний народа. Как правило, на верхушке пирамиды государственного устройства восседают люди, далекие от полета крылатой мысли.

– Интересно, – прервал ее Группи, – какими соображениями руководствуется данный любитель «крылатой мысли»? Друзья, взгляните. И ты, Лотта, в том числе. Проникнись замыслом человека, чьи мысли о-о-чень высоко летают...

Группи увеличил яркость изображения на экране дисплея, на нем отчетливо был виден гроб с телом Маргариты, а рядом человек в сутане. Вот он, используя фонарь, отвинтил крышку гроба, отставил ее в сторону и вплотную подошел к изголовью усопшей. Долго глядел на нее. Затем осторожно убрал завитки волос со лба и приложился к нему губами. Перекрестив покойную, он положил крышку гроба на место, но завинчивать не стал. Выйдя из склепа, задраил его и, стараясь быть незамеченным, поспешил с кладбища.

– Однако, – нарушил молчание Группи, – судя по увиденному, твой рассказ, Лотта, о земных передрягах, мягко выражаясь, достаточно вольный. Этаким скользкий стиль. Променад по верхушкам айсберга.

– Я сама в шоке, Группи. Что бы это значило?

– Поживем, увидим...

В течение последующих десяти дней повторялась все та же картина. Группи наводил монитор на то место, где было захоронено земное тело Лотты, и они наблюдали, как почти в одно и то же время священник приходил к склепу, проникал во внутрь и подолгу созерцал прекрасную Маргариту. Поскольку тело усопшей было соткано из материала, неподдающегося тлену, он надолго прикивал губами к чистому округлому девичьему лбу. И вот настал день,

когда точки над *i* были расставлены. Молодой некрофил после очередного длительного созерцания лица Маргариты поцеловал ее в губы. Его тело при этом содрогнулось как от гальванометра. Наконец, он выпрямился и решительно начал действовать... А действия его были связаны с предметами уж совсем неожиданными в обстановке вечного упокоения и мрака, где тонкий луч фонаря разрезал крошечную тьму. Он загремел цепями. Опясав ими гроб, предварительно приподняв крышку, священник улегся рядом с покойной, держа в одной руке висячий замок, а в другой оба конца цепи. Устроившись поудобнее, потеснив при этом Маргариту, он осторожно опустил крышку и натянул цепь. Вскоре на цементный пол склепа упал ключ от замка. Цепь была замкнута. Пути к отступлению не существовало.

Лотта перед светящимся экраном дисплея не в силах была вымолвить ни слова. Гроб с ее земным телом крупным планом отливало черным блеском. Лепестки роз, разбросанные кистью художника, были придавлены массивной металлической цепью, плотно опоясывающей прибежище двух существ – её и молодого священника. Рука Группи легла на её плечо. Она не шелохнулась. В ушах у неё явственно слышался звон цепей, несмотря на огромное расстояние, разделяющее две планеты. Он ни

на минуту не покидал её – не преследуя, но, сопровождая пока, наконец, не превратился в переливчатый звоночек, зовущий в даль...

Отец Олександр, а в миру Орест Левицкий, несмотря на молодые годы, успел повидать мир. Так, в частности, ему посчастливилось побывать в Иерусалиме, где он с благоговением приложился губами к Гробу Господнему, после чего незамедлительно отправился в Рим – Мекку христианства. Там он три года проникался сознанием сопричастности с миром Иисуса Христа, шлифовал познания религиозной премудрости. Внешний мир существовал для него, в основном, лишь как необходимое средство для отправления естественных надобностей. После учебы он воротился на «Батькивщину» в Львовскую область, где молодому священнику определили приход в небольшом поселке городского типа. Там он справлял службу во имя Троиственного Божества, без заметного рвения, но с достоинством. Прихожане смиренно внимали его хорошо поставленному голосу, несущему в их души благодать и умиротворение. Так бы и продолжал он ни шатко, ни валко исполнять обязанности целителя людских душ – время от времени перемещаясь по иерархической лестнице, но судьба распорядилась по-своему.

Когда он увидел усопшую в раскованной позе, её прекрасное лицо, явно не отмеченное

печатью смерти, в нем молниеносно как будто что-то перевернулось. Он чуть не лишился дара речи. Казалось, кто-то другой читает за него отходную молитву, а он сам лишь присутствует для того, чтобы загипнотизировано смотреть и смотреть на чудесную покойницу, нареченную Маргаритой. Такое лицо мог создать только поэт в союзе с композитором. Природе в силу физиологических законов не по плечу подобное таинство. Загадка мироздания. И, как бы соглашаясь с выводом священника, ресницы «загадки мироздания» дрогнули...

Орест Левицкий – так он теперь себя именовал, в очередной раз крадучись, пробрался мимо кладбищенских ворот в сторону лаза, куда вела узенькая тропинка. Ею пользовались те, кому в силу различных причин не хотелось встречаться с согражданами. К их числу теперь относил себя и священник. Он утратил интерес к службе и лишь инертность мышления – эта спутница жизни большинства людей – не позволяла ему окончательно отойти от дел. Прихожане тоже заметили некоторую перемену в поведении отца Александра. Ну, например, частые остановки при чтении Евангелии, как будто внезапно прозрев, он видел то, что не могли видеть другие. На самом же деле все было гораздо проще. С того часа как сердце перестало ему подчиняться, а в

мыслях свила гнездо крамола, отец Александр перестал существовать и вновь превратился в мирянина Ореста. Во всяком случае, для себя самого. Пролезая под жердиной и обжигая руки крапивой, он грустно усмехнулся: «Тристан возвращается от Изольды». На самом же деле «Тристану» было не до смеха. Он влюбился... И в кого? В прекрасную покойницу. Да, прекрасную. Да, несравненную, но – покойницу... Это что – признак ненормальности или порча, наговор? Сегодня он дольше обычного «загостился» у Маргариты. Она притягивала его к себе с каждой новой встречей все сильнее и сильнее. Она его звала... Вначале он хотел от неё откреститься, как делал не раз в пору ученичества, подпадая ненароком под чары знойных итальянок, но в случае с Маргаритой крест не помог. И он сдался. Сдался потому, что на подмогу сердцу изменнически подключился и рассудок. «Пусть будет так, – решил он. – У каждого человека своя шкала ценностей. Моя здесь, у изголовья прекрасной покойницы. Точка».

На другой день окончательную точку бесповоротно поставил ключ, вытолкнутый в щель из гроба. Он звякнул о цементный пол и возвестил Оресту о начале нового, доселе неизведанного пути, куда звал его рок в сопровождении прекрасной Маргариты.

В поселке долго говорили о таинственном исчезновении молодого священника. Смаковали разные небылицы вперемежку с откровенными сплетнями и лишь кладбищенский сторож, подвыпив, прищуривал один глаз и проникновенно шептал: «А они все выше и выше. Глаза у обоих горят, волосы развеваются, а за ними-то шлейф голубого огня, и все так ти-и-хо...»

Сентябрь 1995

Полеты наяву

*Наталье Горишной
посвящаю*

Право, негоже, совсем негоже
глазеть, когда у дамы
выглядывает астральное...

Джойс Д. Улисс

– Перед вами восковая свеча. Сейчас мы ее зажжем – вот так. Вы смотрите на пламя свечи, и у вас начинает вырабатываться новое качество – ауровидение. По истечении пяти минут закрываете глаза и погружаетесь в медитацию. В последующие десять минут описываете впечатления, навеянные визуализацией данного предмета. И так, начали.

Елена Дмитриевна включила магнитофон. Комнату, где занимались слушатели курсов нетрадиционной медицины, заполнила тихая грусть, исходившая от раскручивающейся кассеты. Свеча горела на столе преподавателя. Маленький жёлтый язычок пламени чутко реагировал на малейшее движение воздуха.

Матвей разглядывал живой огонек, пытался уловить связь между предметом и энергией,

заключенной в нем. Научное объяснение его не устраивало. «Истина колеблется на уровне постулата» – пришла на ум полузабытая фраза и тут же выветрилась, не внося ясности. Насмотревшись на свечу, он закрыл глаза и погрузился в мир умозрительных иллюзий. Теперь уже воображаемая свечка находилась перед ним. Применяя фантазию, можно было жонглировать ею как угодно. Поместить, к примеру, на лугу среди цветов или на носу чем-то озабоченной девахи, что сидит напротив. «Какие заботы могут доставать красавиц, интересно бы узнать». Манипулируя воображаемой свечей, начинающий медиум слишком близко поднес ее к лицу визави и – о ужас – спалил воображаемые реснички. Даже характерный запах паленого тонкой струйкой потек ему в нос. Устыдившись, он открыл глаза, видение исчезло, зато возник вопрос:

– Кто готов? – Елена Дмитриевна напоминала – время истекло. Пора включаться в работу. – Матвей, ты ничего нам не скажешь?

– Как же, скажу... Очень симпатичная свечка.

– Это все?

– Пожалуй, добавлю. – Матвей, собрал разбежавшиеся мысли: – У свечи, – продолжал он, – столь тонкая талия, что диву даешься – как она до сир пор не подогнулась, не сломалась,

но, уделив ей толику внимания, обнаруживаешь стержень ее жизнестойкости – ведь она горит, а значит живет, и живет полнокровно, не чадя. Подтверждение тому – красивейшая аура вокруг яркого, веселого огня. Кончик пламени всё время пытается унести ввысь, и только невозможность осуществить замысел заставляет свечу сердито потрескивать. Свеча, горящая свеча... И в этом вся прелесть.

– Ну, что ж, – вздохнула Елена Дмитриевна, – в этом что-то есть. Кто ещё готов?

«Чёртова глупая свечка. Как на бревно глянула...» Матвей обескуражено скрестил руки.

– Можно мне, Елена Дмитриевна? – Визави Матвея, как школьница, подняла руку.

– Наталочка, прошу, – просияла преподавательница, она же гид, она же мэтр, она же мадам, она же мырма, она же экстрасенс, она же чёрт в юбке, она же...

– Только я не о свече, но ее отблеск в стихе просматривается.

Матвей прервал кликушество, скользнул взглядом по лицу Наталочки. Ресницы порхали – вверх вниз, вверх вниз. Без единой ущербинки. Их привлекательность не пострадала.

– Замечательно. Стихи, что может быть прекраснее.

Мырм... фу, ты, Елена Дмитриевна расплылась в приглашающей улыбке.

*И завибрировала жалость
Тревожной ниточкой непрочной,
Душа на миг к другой прижалась,
Библейски чистой, непорочной.
Ведь я живу в страстях нелепых,
Как тайна, сказанная вслух,
Стихи беспомощны и слепы
В руках фантазий – повитух.
Но, словно в храм Иерусалима,
Вхожу в твой мир иных высот.
В мир, где судьбою не любимый
Поэт непознанный живет.
Где сосны чувственны, как люди,
Где всем законам вопреки
Лиловый свет из черных буден
Струится в мир из под строки.
Я помолчу. Не отвертеться.
(Не все же заводи в судьбе.)
А в тишине рождает сердце
Свою молитву о тебе.*

Голос смолк. В тишине кабинета стучало лишь сердце Матвея. Он аплодировал, но... – на астральном уровне, внешне не проявляя эмоций. Его восторженность уже шла на спад, когда аудитория проснулась и зарукоплескала – натурально, без затей.

– Ну, что ж... – Елена Дмитриевна не скрывала удовольствия.

Матвей, окрыленный поэзией, «вылетел» из физической оболочки и завис под потолком в углу комнаты на манер паука, наблюдая за присутствующими. Вот Наталочка подняла

глаза и удивленно вскинула бровь. Перед ней сидел истукан, лишённый человеческой мысли. Этим истуканом был Матвей, еще минуту назад вертевшийся за столом. Китайский болванчик – не больше. Физиология организма управлялась рефлексамми, а интеллект в это время благодушеествовал на паутине.

– Остальные сдадут свои работы мне, – Елена Дмитриевна, близоруко прищурясь, оглядела аудиторию. Истукан привлек ее внимание. – Сейчас не время, – недовольно сказала она.

Матвей без раздумий подчинился. Истукан снова закивал головой, завертелся. Черты лица оживились.

– Приготовились писать. У праны, как я упоминала, материальная суть. Это эфирное вещество вселенной, чьи частицы сродни микролептонам. В чем же сила праны? Почему она лечит? Поясняю. Энергия, заключенная в прану, течет в организме по системе особых каналов. Заболевание провоцируется закупоркой (в силу различных причин) этих каналов. Закупорившаяся прана начинает застаиваться в одном месте. Организм претерпевает угнетение. Для ликвидации закупорки направляется луч концентрированной энергии. Энергоканалы очищаются, организм приходит в равновесие. И так, прана есть космическая субстанция, способная как наказывать человека при не

правильном поведении, так и лечить. Это я к тому, чтобы у вас выработалась правильная линия в использовании энергии как лечебного средства. Завтра занятия проводят наши коллеги из Калифорнии – Сибил и Джоан Педискальзи. Упор они делают на отработку грамотного выхода астрального тела в просторы космоса и благополучное возвращение назад. Особенно не резвиться, – Елена Дмитриевна внимательно посмотрела на Матвея. – Переводчики с Пединститута.

Сибил и Джоан – толстушка и примадонна. Внешне отличаясь, сестры имели одинаково щедрые натуры. На улыбки не скупилась, компенсируя тем самым сложность контакта при речевом обмене. Подчеркнув в беседе огромную значимость парапсихологии как науки, они приступили к воплощению теории в практику. Сажали учеников на стул и после энергетической накачки выпускали астральные оболочки подопечных в свободный полет, контролируя их при этом эзотерическим стропом, своеобразной нитью ариадны. Нить ариадны позволяла без риска – заблудиться, возвращаться астральному двойнику в свое физическое тело. Подошла очередь и Матвею оседлать стул космодрома. Его выпускала в свет Сибил. Подходя к катапульте, он по неосторожности зацепил плечем ширму, разделявшую стартовые площадки, извинился:

– Сори.

На что незамедлительно получил обаятельную улыбку:

– Ноу сори, ноу сори. Сит даун, плиз. Лак ю. Радиус флайт ту километр.

– Сэнкью, мэ.

Сидя на стуле, Матвей уже через минуту ощутил, как руки Сибил, словно кокон, отделяют его астрал от тела. Он поднапрягся, помогая ей, и вскоре без малейших препятствий просочился через три этажа здания реабилитационного центра. Запарил над городом. Выход на орбиту состоялся. Двадцать минут полетного времени в его распоряжении. С чего начать? На двухкилометровом поводке особенно не разгуляешься, однако и возле дома родного барражировать глупо. В путь. Проплывая невидимым облачком над домами, он заметил внизу людской муравейник. Завис. «Базар, ха – вот где страсти. Все продается и все покупается, а чего нет – не печалься, завтра не будет и того, что есть сегодня».

Смирись с мыслью – всё хорошо и никакой надежды на лучшее. Возможно Вольтер имел другой позыв, родив расхожую фразу, но если прикинуть, афоризм можно пристегнуть и к данной ситуации, где методы по наколу ближнего именуются бизнесом. Зацикленный на мыслишке – урвать и еще раз урвать, бизнесмен

без особых мук и терзаний совести блохой перескакивает из одной ипостаси человеческого бытия в другую. При надобности он закатывает глаза, как бы отрешаясь от земной юдоли, и небрежно бросает покупателю: «Не хошь, не бери». Покупатель, взъярясь на «кровососа», брызгает слюной: «А вот это нюхал?» И крутит волосатым кулаком у носа продавца. Продавец тоже не без фанаберии. Перешагнув через свой товар, разложенный на земле, достаивает обидчика плюхой, после чего невозмутимо вновь занимает место за прилавком. Корпоративная солидарность воротил бизнеса не позволяет развиваться заурядной сценке до уровня потасовки. Получившего плюху оттесняют на задворки, откуда он с затухающей злобой клянет мордобойщика и его шайку.

«О, нравы», – восклицал когда-то классик и был прав. Нравы с тех пор мало изменились. Матвей, состоящий из облачка, созерцал тусовку с высоты птичьего полета. Скукота жалкой суеты вызвала зевоту, но физиологический механизм отсутствовал, и он удовольствовался сменой обстановки. Взмах крыла и днепровские волны заплескались под ним. Осталось по примеру чайки приводниться и поплавком покачаться на волнах, что он и сделал. Однако, его лептонная субстанция не уподобилась поплавку, а спокойно распласталась на воде,

игнорируя волны. Температуру воды он не ощущал, кислород тоже оказался без надобности. Полная независимость от внешней среды. Мечта. А что под водой? Дно, что же еще. Солнце чуть заметным пятном брезжило в глубине реки. Вода спокойным течением обтекала «облачко». Матвей в лучших традициях придонного царства удобно устроился в позе Камбалы на илистой поверхности речного дна. Полная безмятежность. Отсутствие всякой информации. Тишина и покой. Однако... не на долго. Подводный мир, как и земной, имел свои пристрастия. Если на земле живые существа фигурально пожирают друг друга, то здесь, на глубине, хоть и примитивно, зато натурально. Драма, вернее трагедия, разыгралась прямо над ним. Зубастый окунь, свирепо поводя глазами, тихим ходом крейсировал в известном ему направлении. И надо же так случиться, что на траверзе его курса возник незадачливый пескарь. Окунь подсуетился и пескаришка, как ни шустрил, попал ему на обед. В этом случае «о нравы» полузабытого классика следует подавать под соусом «о, вкусы». Кто вкуснее – тому и не везет. Всегда отыщется искусный гурман, способный и нравы, и вкусы приспособить под собственное пищеварение. Трапеза окуня напомнила Матвею, что где-то там, в других палестинах, его собственная плоть, вероятно,

тоже не прочь перекусить. Момент и толща воды расступилась перед ним. Невидимая нить – атрибут ариадны – корректировала путь. Впрочем, с высоты птичьего полета город был как на ладони, и заблудиться в нем было бы грех. А вот и стадион. Интересно, какие страсти разыгрываются здесь? Зависнув над лужайкой, напоминающей зеленый ковер, он столкнулся, что называется – нос к носу, с другим «облачком», какому физическому телу оно принадлежало, разобрать не мог. Одно было ясно – контуры его плавно изгибались и обрисовывали женскую статью. Коллега по воздухоплаванию тоже, казалось, присматривалась к пришельцу и, как бывает в любовных играх, призывно повела плечом, демонстрируя тем самым готовность войти в контакт. Матвей как истый джентльмен предложил даме руку. Сердце по известным причинам предложить не мог. Оно осталось там на попечении рефлекторных нянек. Для начала они, взявшись за руки, покружили над стадионом. Затем начали усложнять технику пилотажа. Их бесплотные тела то взлетали на сотню-другую метров в высь, то так же стремительно – ястребом – пикировали к земле. Потом опять взмывали к самым облакам. Заигравшись, спортсмены забыли о времени. Уже и нити, связывающие их с землей,

настойчиво подергивались. Крылатая свобода захватила их настолько, что возвращаться домой к ограниченному миру просто не хотелось. Опять примитивное тело с его потребностями, опять ограничение передвижения, опять, опять, опять. Тоска. В последний раз совершив над стадионом головокружительный вираж, они с неохотой вернулись на землю. И, как часто случается в обыденной жизни, перепутали – где левая рука, где правая. Матвей воплотился не в свое тело. Следовательно, его коллега по пилотажу также. В спешке они поменялись местами... Убедившись, что астрал надежно облегает плоть, Матвей привычным жестом провел рукой по голове и – покачнулся. Его, в общем-то, скромная прическа превратилась в буйную шевелюру. Густые волосы спадали до самых плеч. Почесав в недоумении грудь, не нашел там мужской поросли, зато обнаружил упругие, выпуклые груди, явно ему не принадлежащие. Обеспокоенный, сунул руку в известное место – там было пусто. Зато в бедрах он заметно раздался. Выскочил в коридор. Заспешил к трюмо. В зеркальном стекле отражалось прелестное создание поэтессы в цветном сарафане. Натали-Наталочка предстала перед ним в полный рост. Сконфузившись, Матвей еще раз воровато оглянувшись по сторонам, сунул руку туда-сюда и везде обнаруживал не свойственные

его телу округлости. Выходило – он ощупывал, оглаживал чужую женщину, но её же руками. Конфуз, да и только. Стройные, загорелые ноги особенно привлекли его внимание. Остроносые туфли на высоком каблуке подчеркивали их совершенство. Залюбовавшись ими, он не сразу заметил присутствие другого человека. Подняв голову, увидел в отражении зеркала самого себя, то есть свою фигуру. Да, это был он и все-таки не он. Глаза. Что-то неуловимое в их блеске выдавало чужую мысль. Они были направлены на соседку в сарафане и беззастенчиво оглядывали её с претензией на собственность. Не трудно было догадаться – суть Натали, ее астральная оболочка обосновалась в его – Матвея – физическом теле. Она, так же как и сосед, с интересом рассматривала себя в новом качестве. Поупражнявшись в мимике, улыбнулась. Улыбка получилась несколько неуклюжей, но все же доверительной. Ведь теперь они, что ни говори, породнились, унаследовав друг от друга не принадлежавшие им ранее тела, да еще противоположного пола. Транссексуалы, где суть одна, а оболочка другая. Матвей с присущим ему мальчишеством поиграл упругими женскими прелестями, заключенными в бюстгалтер, скосил глаза на хозяйку. Та пальцем Матвея погрозила ему:

– Не баловаться.

Матвей раздвинул в улыбке густо накрашенные губы, сверкнул перламутром зубов.

– А вам, леди, не мешало бы и побриться.

– Если научите, с удовольствием. Между прочим, туфли вам жмут. Мне – то уж точно известно.

– Что еще вам известно? А, впрочем, мне нравится новое тело. Такое впечатление, как будто познакомился с дамой, и она уже у тебя в кармане.

– Смело. А как со взаимностью?

– Вопрос времени. Думаю, проблем не будет.

– Завидная самоуверенность. А не пойти ли нам к Педискальзи?

– Уже? А как же с авантюшкой..? Ведь скучно.

– Провокация была неуклюжей. Выражение глаз Натали заметно потускнело. Матвей поспешил выправить положение: – Извините. Я расшалился.

– А не заболтались ли мы? Пора окончательно опуститься на землю. К тому же, несовершенство организма требует привычных вещей...

Искринки в глазах собеседников сблизили их. Они прошли в конец коридора и остановились перед дверьми, обозначенными буквами Ж и М. Повинуясь привычке, Матвей шагнул было в комнату с писсуаром, но стук собственных каблучков по кафелю напомнили ему – кто он теперь. Не лучше обстояли дела и у Натали. Она

нерешительно заглядывала то в одну, то в другую комнату, решившись, наконец, войти в ту, что и подходила ей сообразно новому положению. Выйдя на улицу под палящее солнце, они, не сговариваясь, направились к реке на пляж. По дороге Матвей с удивлением отмечал – как ровно, без нырков идет на туфельках-гвоздиках. Цокал и цокал металлическими набойками по плитам тротуара. Натали тоже не выказывала затруднений, широко шагая в кроссовках сорок второго размера. Рефлексы, как видно, не плохо справлялись со своими обязанностями. Мыслительный механизм являлся лишь руководством к действию опорно-двигательного аппарата. На берегу молодые люди нашли куст можжевельника, разделись под ним. Оба присматривались к своим приобретениям. Матвей, помятуя укоризненный палец, не удержался и все-таки заглянул под плавки купальника, перевел взгляд на Натали. Та деловито поправляла хозяйство Матвея, привыкала. «Ничего, жить можно».

– Я с разбегу вхожу в воду. Моя новая статура выдержит, не рассыпется?

– Наддай ей жару, Матвей. – Впервые Натали назвала Матвея по имени. – Нечего с ней церемониться, а, вообще-то, поосторожнее, не утопи меня. – Женский рассудок взял верх.

– В крайнем случае останешься при мне. Всё же не сирота.

Вода была как лимонад в испорченном холодильнике. Пить можно сколько угодно, утолить жажду вряд-ли. Матвей наддавал жару. Тело Натали, не напрягаясь, выполняло все его пожелания. Вот он нырнул и, ребячась, обхватил в воде ноги, принадлежащие уже, увы, не ему, и, вынырнув, получил щелчок по носу. Натали на правах хозяйки ревниво отстаивала неприкосновенность вверенной ей крепости. Своей же крепостью Матвей вертел и так и сяк, забыв, что она носит женское имя. Последствия не заставили долго ждать. Вскоре вокруг него сомкнулось Дон-Жуанское кольцо. Недвусмысленные предложения сопровождались попытками ущипнуть – куда придется. Матвею впервые приходилось испытывать прелести домогания ухажеров. Натали, заметив охоту, кошкой прыгнула к нему, поспешно вытаскивая себя во плоти из кольца окружения.

– Жуть, а не жизнь у красавиц. Всего-то кувыркнулся пару раз, а гусаков полный двор... – Матвей плюхнулся по привычке всей грудью на песок и тут же вскрикнул от боли.

– Не порть мое имущество. Иначе реквизирую. Надо же такую муть поднять. Все пернатые кавалеры уплыли на чистую воду. Дай-ка проверю – нет ли там камней? – Натали с чисто женской обстоятельностью

выскребала мусор из купальника. Заметив зевак, спохватилась: – Сделай это за меня.

С мужской безалаберностью обследывая незнакомые закаулки, Матвей обнаружил к ним полное безразличие. «Задача... с тремя неизвестными».

– Все в порядке?

– Знаешь, Натали, а ведь мы с тобой никак бесполоыми стали. Я сейчас прошелся по твоим гениталиям, и ничего такого на ум не пришло. А у тебя как..? Со мной.

– Да тоже самое. В туалете этак лихо подошла к писсуару и как расческу достала... из штанов. Без эмоций.

– Может вернемся на круги своя?

– Сегодня поздно. Американцы ушли. Завтра. Выпьем чашу до дна.

– Выпьем.

Ужинать Натали с Матвеем пошли в ресторан. «Гулять – так гулять». Наполнив стаканы минералкой, чекнулись:

– За возвращение блудных теней.

– А ну опять..?

– Ты снова в сарафан нырнешь, а мне кроссовки оставишь.

– Нет уж. Будем внимательны. С природой шутки плохи. Монахи и те трясут, а я даже на евнуха не тяну.

– Разрешите? – За их столик официант подсаживал парочку: парню с шевелюрой было за двадцать, девчонке лет на пять меньше.

Зал постепенно заполнялся. Свободных мест, как всегда, не хватало.

Вскоре и музыканты с шумом напомнили о себе. Любовь к выражению чувств на всю катушку в народе неистребима. Инструменты на минуту смолкли.

– Добрый вечер, друзья. Вас приветствует ансамбль... – Дальше шел дежурный набор достоинств творческого коллектива и т. д.

Палочки в руках барабанщика взметнулись. Дробь протяжная, зовущая к порыву, действию, выплеснулась в зал. Соседей по столику пружиной выбросило на танцплощадку. Чуб в такт рок-музыки бесом мотался на стриженной голове парнишки. Сама же голова, казалось, удерживалась на шее единственно из боязни потерять из виду прелестницу-партнершу. Призывная дробь барабана выбросила из кресел не только соседей Матвея и Натали. В танцевальной толчее затерялись и они. Когда вернулись, на столе дымилось жаркое. Чубатый приводил в порядок прическу, ковырял вилкой. Его прелестница курила длинную сигарету, отпивала из фужера. Натали, оглядев стол, сморщилась:

– Ограничь меня салатом, я на диете.

Матвей, погружая перламутровые зубки в сочную мякоть огурчика, посоветовал:

– Фаршируй меня под завязку. Хуже не будет.

Через минуту в салатнице остались лишь следы былой закуски, до того она была чистой, зато губы у едока лоснились неряшливо расплывшейся помадой. Натали вынула из кармана брюк платок Матвея и незамедлительно устранила беспорядок. Порывшись в сумочке, достала помаду и, перегнувшись через стол, принялась за рисование. Сигарета прелестницы застыла на пол пути ко рту, затем и вовсе выпала из пальцев. Она балдела. Чубатый, вынимая окурок из фужера своей дамы, ненавязчиво заявил:

– А чем я хуже? Я тоже... рисовать умею.

Не затягивая с пояснением, он с чувством всосался в раскрытый от прикола пухлый ротик.

Матвей с Натали переглядывались: «сначала гусаки, теперь вот гусыни в экстазе». Не пора ли оставить пернатых в покое? Покидая ресторан, они оглянулись. Чубатый уже отпал от прелестницы. Она млела.

Поднимаясь вслед за Натали по лестничному пролету, Матвей округлил глаза, да и было от чего. Опираясь задней лапой на дверную ручку, черный, лоснящийся кот передней давил на пуговку звонка, прислушивался. Из квартиры

доносился мелодичный звон, не дождавшись отклика, он снова нажимал на кнопку. Натали подошла, кое-как отодрала его от обивки дверного косяка и тут же с шипением получила мягкой лапой по носу. Кот не признал свою хозяйку. Да и не мудрено: «не рядись в чужую шкуру». Матвей с готовностью подхватил животинку на руки, и тот, довольный, замурчал, затерся усатой мордой о гладкую щеку Натали. Кот был ученый – без комплексов.

– Итак, уважаемый гость, опыт прошедшего дня говорит нам... Что же он говорит? – Натали наливала в чашки чай. Колонки магнитофона нашептывали слова любви и признания, призывали не забывать...

– Да ничего особенного не говорит. Подтверди хоть ты, Васька. – Кот вальяжно разлёгся на ковре, позевывал, умывался.

– Ладно, как бы там ни было, расставаться до утра нам не следует, во избежание курьезов. Их сегодня было достаточно. – Слова были сказаны буднично, но с легкой тенью озабоченности.

Спал Матвей на диване в обнимку с Васькой. Тот напевал ему из своего репертуара, чихал не громко, выпускал и снова прятал острые коготки. В полудрёме пытался куда-то бежать. Его пушистые лапки скользили по лицу своей хозяйки – разглаживали усталость прошедшего дня.

Сибил и Джоан Педискальзи заметили ещё вчера, что двое учеников, вернувшиеся из «полета», были, что называется, не в себе. Они хотели выяснить причину, но те быстренько, не сказав ни слова, покинули кабинет. Их это обстоятельство тревожило. И вот сегодня утром, почти через сутки, первыми, кто им повстречался у дверей реабилитационного центра, были вчерашние беглецы. Пройдя в кабинет, обе стороны сориентировались в своих намерениях, и буквально через несколько минут Матвей с Натали оказались снова гостями вселенной. Гостям приличествует осматриваться, более того, проявлять любопытство, да и нить ариадны позволяла на этот раз дальнюю прогулку. А вдалеке заманчиво чернел лес. Два облачка, свободные от притязаний земных забот, через днепровскую ширь неслышно планировали к нему. Быстроходная «Комета», вздымаясь над водой, демонстрировала уровень технической мощи. Она пылила водяным туманом, и солнечные лучи, запутавшись в вихре брызг, рождали гамму тепла и цвета – радугу. Молодые люди, вернее, суть физических оболочек, снизились над творением природы и, как дошколята, заелозили на эфемерном коромысле, выкрашенном в семь ярких цветов. Натали поначалу вроде заартачилась, боясь непредвиденных последствий, но, убедившись

в неуязвимости эфирной оболочки, полностью отдалась во власть ребяческой возни. Если бы в данный момент в игру гипотетически включилась физическая плоть – вот было бы визгу. Комета выполняла крутой поворот. Курс ее лежал вниз по течению. Берег стремительно проносился мимо. Пришла пора прощаться с экзотическим аттракционом. Через овальные окна иллюминаторов видны были пассажиры. Лица их большей частью были покрыты флером нескрываемой скуки и неудовлетворенных желаний. О свободном полете они могли мечтать разве лишь во сне.

Лес их встретил птичьим разнопением и легким шумом ветра, нехотя застревающим в вершинах деревьев. Полет поверх деревьев практически мало удовлетворял любопытство. Основная жизнь шла внизу, где буреломы перемежались с оврагами, а на полянках можно было встретить лесных обитателей, и не только их. Опушку пересекал звонкий ручей, шириной не более трех метров. Его небольшая глубина позволяла рассмотреть дно. Оно было песчаным. Три человека на пологом берегу перетрясывали речной песок в специальных лотках – вашгердах. Пристально всматривались в содержимое самодельных орудий труда, ковыряли пальцами остатки песка после намыва. В нем иногда тускло поблескивали золотишки. Старатели.

Это слово всегда завораживало, интриговало. Воображение непременно рисовало Клондайк – таким каким его видел незабвенный Джек Лондон. Лица, заросшие щетиной, роднили их со сказочными лесовиками – ушкуйниками. Лексика скорее подтверждала справедливость сравнения, чем опровергала.

– Дракоша, рви когти за халявкой. Сегодня твой черёд.

Детина под два метра ростом безоговорочно подчинился. Взяв у чадающего костерка увесистую палку, углубился в чащу. Минут через двадцать вернулся. Небрежно бросил пару убитых им гадюк рядом с костром, пошевелил его. Языки пламени охватили котелок с водой, подвешенный на металлическом пруте. Освежать змей было для него делом таким же простым, как высморкаться. Вскоре вода в посудине заклокотала, и над поляной поплыл запах духмяного варева. Подкрепившись «чем бог послал», старатели вновь принялись за работу. Занятие, прямо надо сказать, лишённое признаков романтики, и всё же миг удачи блеснул на безымянной речке безымянным добытчикам благородного металла. Дракоша-змеелов, зачерпнув в очередной раз порцию песка, запустил в лоток руку и выковырнул из его недр небольшой – грамм на пятьдесят – самородок. Он ошалело смотрел на него,

лишившись дара речи. Его коллеги, в отличие от него, проявили незаурядную прыть. Уявив значимость находки, они рысью прыгнули к подельнику. Хоп, и рука с узловатыми пальцами, еще секунду назад державшая кусочек природного дара, оказалась пустой. Ручей же принял находку так же невозмутимо, как и подарил. Все трое вначале остолебели, но в следующую секунду уже барахтались в воде, лихорадочно обшаривая дно ручья в поисках утраченного. Рёв, чередующийся с воплями, сопровождал буйство извивающихся в одержимости тел. Бригадный подряд дал трещину. Коллективный разум был посрамлен, не найдя опоры в аксиоме: «где не справится один – справимся вместе». Возможно, жратва, перенасыщенная «озверином», произвела сдвиг гормонов не в ту сторону. Во всяком случае, адреналин, в избытке впрыснутый в кровь, не приблизил человека к человеку, но удалил, и это уж точно.

Опять скука, опять позевота и опять, за неимением физиологического механизма способного выразить свое отношение к происходящему, два «облачка» встали на крыло. И опять полянка, и опять не сама по себе. Так уж повелось – любая площадь – будь-то в густо населенном городе или слабо заселенном лесу – предназначена, в первую очередь, для

мероприятий. Вот и тут остромордая со свалывшейся шерстью лиса душевно общается с маленьким медвежонок. Медвежонок, раскорячившись на задних лапах, передней пытается «расчесать» своим «гребнем» запущенную прическу лахудры. Лахудра с ленцой отмахивается от «парикмахера» и в то же время сторожко озирается по сторонам. «Совсем ни к чему объяснять мамаше косолапому глупыша, что и ей, старой, хочется иметь сосунка, да годы, увы, не те».

Днепровская ширь в этот час представляет собой труженицу. Помимо быстроходных «комет» да черепаших барж на широкой речной спине «трудятся» приватные посудины, и все с претензией на рыболовецкие суда. Корм – главная забота владельцев моторных лодок, а поскольку он буквально под задницей – то есть под днищем, – знай, гребь. А уж, что там попадет на «куканчик» – пескарь или придонный хищник, то дело десятое – тяни. В хозяйстве всё сгодится.

По возвращении на «космодром» Матвей с Натали без спешки вошли каждый в свое тело и, разглядывая себя в трюмо, несколько подрастерялись. Им чего-то не доставало. Как будто отняли игрушку, не дав взамен ничего. В полете мыслей о взаимоотношениях не возникало. Там всё было проще. Свободное без

вериг парение и никаких проблем. Тут же, на земле, вместе с телом они приобрели условные обязательства, кои выполнять требовалось неукоснительно. Хоть снова вставай на крыло.

– Ну, вот мы и дома, – без энтузиазма сказала Натали. – Проверь, всё ли на месте, – затем добавила она и чуть заметно улыбнулась.

– Всё, да не всё. Существенные детали отсутствуют, а ведь я к ним успел привыкнуть.

– Ой, ли?

– Под рубашкой у меня настолько плоско, что я сознательно уже готов на обмен.

– А не лучше ли?.. – Натали, не закончив фразы, умолкла. Ее каблучки перестали стучать и она, повернувшись всем корпусом, внимательно, со значением посмотрела на Матвея. В чёрных глазах под прикрытием длинных ресниц темнел омут. И Матвей, не раздумывая, нырнул в него. Он взял девичью руку в свою, ощутил, как его всего будто-бы пронзило электрическим током. Так, не разнимая рук, молодые люди вышли на улицу. Как и вчера, они направились к воде. Как и вчера, они купались и загорали. Так же светило солнце, так же горячий песок обжигал ноги. Все было как и вчера, только восприятие реалий сдвинулось в сознании. Сдвиг как бы очерчивал полосу жизни, где прошлое отчуждалось от настоящего. Новая полоса еще только брезжила неясным, как в

дымке, цветом, но она была новой. Руки Матвея и Натали неосознанно соприкасались чаще, чем было необходимо, а глаза, казалось, были созданы лишь для того, чтобы глядеть друг на друга. Вчерашние «гусаки», играя в волейбол, возможно нечаянно, но «задвинули» мячом по мягкому месту Натали, та, подхватив мяч, ловко адресовала его игрокам. Потом, также, как вчера, Матвей, плюхнулась на песок и...

– Ой, – схватилась она за груди. – Я совсем потерялась. Отвыкла от самой себя.

– Не портть... казенное имущество. Не то реквизирую.

– Да уж. И то верно. Этак мы сообща раскатаем все мои неровности, и прощай перевоплощения. Ведь тебя не очень-то тянет переходить из одной плоскости в другую.

Матвей погрозил пальцем:

– Крамольные речи отменяются. От них аппетит пропадает. Вчера ты меня не дофаршировала. А всему виной чубатый. Я думал он уже есть начал свою кроху, так вцепился в нее. Пойдем – повеселимся?

В ресторанном меню не изменилось ровным счетом ничего. Разве только салат стал более блеклым да музыка, призванная способствовать пищеварению, более громкой. А вот и старые знакомые. Никто никого не съел. Оба целехоньки. Плюх, и снова чубатый с прелестницей, как

дополнение к гарниру, оказались за столом. Матвей с Натали по случаю благополучного возвращения блудных теней выпили вина. Оба были навеселе.

– Только не целоваться, а то опять голодным останусь.

Прелестница прыснула, а чубатый зашелся в хохоте, заглушая барабанную дробь. Так они и влились скачками в круг танцующих. И опять чуб мотался на стриженной голове, словно это было его единственное предназначение.

А на третьем этаже кот Васька, исчерпав возможности эквилибристики, мирно подрёмывал на коврике у двери. Когда хозяйка в сопровождении уже знакомого гостя появилась в зоне его мурчания, он поднялся, как подобает джентльмену при появлении женщины, мяукнул и доверчиво потерся о ноги, пахнувшие вечерней прохладой. Дверь отворилась, он степенно вошел в прихожую и приглашающим жестом хвоста оповестил: «Вот мы и дома».

К осени Матвей с Натали закончили курсы нетрадиционной медицины. Теперь они уже без посторонней помощи могли надолго покидать физическое тело и по своему усмотрению совершать полеты. Экскурсионные облеты близлежащей местности им наскучили. Хотелось приложить усилия в области более

глубокого познания мира вещей и явлений. Обложившись географическими атласами, они намечали маршруты следования по местам боевых действий армий Украинского фронта, удерживающих когда-то плацдарм на берегу Днепра. Им, имеющим возможность беспрепятственного проникновения вглубь земли, не составляло особого труда выяснить – где и как погребены останки воинов, сложивших головы у берегов великой реки. Кот Васька тоже был при деле. Шуршащие на полу карты привлекали его внимание тем, что постоянно были в движении. Р-раз – и очередной лист, откладываемый в сторону, оказался под его пушистой пятой. Поиграв с ним в кошки-мышки, он, для порядка, отгрыз уголок атласной бумаги, затем, в ожидании следующей приманки, разлегся на территории Карпат. Кисточка его хвоста в это время уперлась черной стрелкой в излучину Днепра – между Киевом и Черкассами. Сам того не сознавая, он утвердил маршрут полета двум бесплотным «летательным аппаратам».

– Предписание принято, исполнение начинаем.

Матвей красным карандашом сделал пометку на карте, и хвост тут же изменил направление. Теперь он взмыл свечей, благовославляя старт. «Ни пуха...»

Облетая малозаселенные берега реки, Матвей с Натали время от времени «сквозили» холмы и холмики, поросшие бурьяном, и, в большинстве случаев, находили останки людей как в красноармейской, так и немецкой полуистлевшей форме. Попадались скелеты без черепов, как будто неведомые силы откручивали их и уносили с собой. Земля в местах захоронения безголовых скелетов была разрыхленной, что наводило на размышление. Вскоре недоумение разрешилось. Три человека, вооруженные лопатами, раскапывали курган. По экипировке и сноровистым движениям можно было заключить – работают спецы. Весь курган они не раскапывали, а вгрызались на манер кротов в толщу земли, углубляя шурф с уклоном двадцать пять – тридцать градусов. А вот и первый трофей. Металлический крюк извлек из черева захоронения череп и тот, как вышедший из употребления горшок, был откинут в сторону. Через короткое время был извлечен еще один, и еще, и все они сталкивались лбами, находили приют у подножия братской могилы – бывшего блиндажа. А вот и очередной черепок, но он заслужил неслыханного уважения. Его даже огладили, тут же стукнули натурально по зубам, отчего один из них, сверкнув золотым блеском, выпал из гнезда и незамедлительно перекочевал в другое – более

надежное сховище – карман. Ну, а черепок твердой рукой «протезиста» был небрежно отброшен к собратьям. Там он, стукнувшись лбом о чей-то затылок, застыл в немом удивлении, щербатясь ущербным провалом изуродованной челюсти. Мавр, даже будучи мертвым, сделал свое дело... Больше он ни на что не годен, но не тут-то было. Старая облезлая ворона, устало сложив натруженные крылья, уселась на темя обезображенного черепа и, не мешкая, стала чистить об него отвратительно грязный клюв. Вот уж действительно, материя не исчезает – она превращается из одного вида – по части применения – в другой. Двенадцать голов, некогда мыслящих, а теперь в беспорядке валяющихся в пыльной траве, пустыми глазницами взирали в безбрежное, бездушное небо. Мертвые сраму не имут, ну, а живые – те, что дырявят могилы до одури грешным промыслом, – лишены чести и потому – Бог им судья, ибо правосудие лишь усугубило бы оскорбление «пострадавших». Жлобы, устроив перекур, сетовали: «Дохлый люд пошел – беззубый. Этак больше намаешься, чем заработаешь. Ништяк, братва, нам бы только до игрушек добраться, а там... Выплавим тол – глядишь, бабки и потекут». Отбросив окурки, копачи снова принялись с твердолобым упрямством делать «свое дело». Вскоре крюк – орудие труда – зацепил

предмет, не желавший выходить наружу. Один из жлобов по самые сапоги протиснулся в лаз. Вытаскивали его за ноги уже вместе с трофеем – тяжелым крупнокалиберным пулеметом. Патронной ленты коснулся тлен, позеленевшие гильзы патронов коряво торчали из полуистлевших гнезд – как недovyбитые зубы бывших владельцев оружия. Прошлое соприкасалось с настоящим через призму осознанной деятельности человека – там был труд и здесь не безделица, ну, а момент истины – тью-ю, о чём разговор – новое время рождает новых героев... Следующей находкой было противотанковое ружье, и оно аккуратно легло рядом с первым трофеем. Так попеременно с останками бывших ратных людей было вытасчено достаточно оружия и снаряжения, подпорченного временем, но еще годного к употреблению. Запарившиеся трофейщики довольно потирали руки, прикидывали – какой фарт их ожидает. А ожидала их судьбинушка... Потеряв бдительность, они в алчной запарке беспечно шуровали крюком, словно, тот был изготовлен из папье-маше, и в результате – взрыв. По какому капсулю пришелся удар, неважно. Судьбинушка равнодушно предъявила вексель к оплате. Еще вчера, мирно спящие и давно оплаканные воители, вновь были потревожены эхом минувшей войны. Их кости

разлетелись по бурьянам, а черепа катились невесть куда, пока не находили приют в какой-нибудь запселей канаве. Что же касается искателей форта – форта, дама капризная, сегодня есть, а завтра нет.

Мир тесен и он же огромен. Сегодня погибли одни, завтра их место займут другие.

По установившемся ритуалу любое явление, пришедшее к логическому концу, как бы встряхивало небесных наблюдателей, и они привычно «вставали на крыло». Высота птичьего полета хороша тем, что позволяет просматривать не только отдельные предметы, но и постигать суть происходящих событий на земле. А суть – есть динамика земных процессов, что уже вызывает вполне оправданное любопытство. Как бы в подтверждение правильности теории, на пути кочующих наблюдателей возник любопытный объект – вихрастый малый. И мольберт при нем, а к мольберту – надо же, прилагалась и натура, да не фуфло какое-нибудь, а дива-дивная. Все было при ней. Не было только одежды – ведь она позировала.

Натали, ревниво оглядев ладную статью натурщицы, высвободила руку и вплотную подлетела к золотоволосой. Примерилась к ней, касаясь своей бесплотной тенью плеч, талии, бедер позировемой. Все элементы прекрасного женского тела совпадали с фигурой Натали.

Она готова была воплотиться в изваяние, стоявшее в целомудренной позе, но место было занято. Матвей был вынужден вмешаться. Он деликатно подхватил подругу за «крыло» и, щадя ревнивое чувство красивой женщины, отвлек её от сумасбродной идеи. Вихрастый, преисполненный вдохновения, создавал шедевр. Его рука энергично выписывала угольком на полотне все изгибы нагого женского тела. Когда набросок был закончен, он кивком головы подозвал «диву-дивную». Та, «оживившись», подскочила к художнику, глянула на себя как в зеркало, не удержалась, соорудила гримаску: «Ну, Вадим, ты меня стариш. Эта отрешенность во взгляде, пресыщение, а разве так?». Вадим вытер руки и показал, что совершенно не так. Благо, что отсутствие свидетелей позволяло ответить на вопрос вполне искренне. «Изваяние», с готовностью сменив позу, помогало живописцу исправить ошибку. Полотно подождет. Главное, чтобы с «натурой» было все в порядке.

Матвей с Натали, застигнутые врасплох, не сразу осознали, что им здесь не место. Уж слишком быстро, молниеносно, одна картина бытия сменилась другой. Молодые люди спешили изобразить себя для истории не только в рамках полотна, но и в образе будущего потомка. Как-то так и другое им вполне удавалось. Ход времени не торопливо

вовлекает в круговорот жизни все новых людей, ибо состарившиеся и утратившие способность вершить дела неминуемо сходят с дистанции, независимо – как она была пройдена. Дистанция Матвея с Натали была пройдена на одну четверть. Чем будет усеян их путь – неизвестно. История не вмещивается в судьбы людей. Она лишь отражает во времени и пространстве их поступь.

Прошло время. Немало воды перетекло в сообщающихся сосудах. С надрывом изменилась общественно-экономическая формация в Украине. Оказывается, при социализме жили бесполое существа, не имеющие секса. Название существ было таким же серым, безликим – совки. Это были потомки террористов-бомбистов конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Покрытые флером романтизма, псевдо Дубровские подавались такими же псевдо историками светочами революционной массы. Паханы кодланов называли их просто – биомасса. Вязко, индифферентно биомасса переползала из одной эпохи в другую. Направляемая и лакируемая вождями, она доползла до новой революции и скисла. Аморфная, не способная к самостоятельному существованию, она застыла. Тонкий лак, прикрывающий изнанку, растрескивался, ошелу-

шивался. Вожди, удостоверившись в никчемности дальнейшего нивелирования биологического материала, выругались и разошлись по своим делам. Предоставленная самой себе, скисшая субстанция бродила, пузырилась и, в конце-концов, выперла к высотам с эксцентричным названием – «бардак».

Матвей с Натали, волей-неволей вовлекаемые в процессы неведомо чего, плюнув – неведомо куда, все чаще «вставали на крыло», оставляя на произвол свои заметно похудевшие тела. Прилетев из одной, так называемой, командировки и подкормившись, они снова срывались с места. Летали, летали, и долетались... Однажды, планируя в пустынном месте, они увидели приземляющийся невиданный раньше аппарат. Пришельцы из космоса. Сомнений быть не могло. Юла с глазками по периметру, да и только. Зачарованные Матвей с Натали «катапультировали» к чудо-технике и по привычке – нахрапом – попытались «просочиться» внутрь летающего монстра, еще иллюминирующего всеми спектрами разноцветья. Однако, несмотря на кажущуюся простоту проникновения в чужое жилище, их замысел не удался. Если серые бетонные стены домов они преодолевали, эпистолярно выражаясь, чинно и благородно, что называется не запачкав «одежды», то об несуразную,

искрящуюся серебром конструкцию они расплющили астральные лбы. Благо, пострадавшая часть головы была настолько гуттаперчевой, что всё обошлось без рефлексий. Лбы, сколоченные из грубых костей, избежали соприкосновения с высокоразвитой материей. Оправившись от шока, а еще больше от своей опрометчивости, две лептонные фигуры приникли к иллюминаторам.

Ба-а, вот они, вземные человечки. Родцы-уродцы. Мордашки треугольником – ну, точно классические злодеи из блокбастера. Вместо носа пупырь с двумя дырками, такими маленькими, что таракан не пролезет. Ну, а рот... это ж надо было так природе постараться, вернее спохабничать. У нашего Ваньки, что ни рот, то поэма. Иначе как объяснить появление пузырей из пасти, когда он бужит. А глаза... Сущие телескопы... Нет, вы посмотрите – каналы, да и только.

Матвей так разволновался, что опять хлопнулся – виртуально – земной головой о вземную каракатицу, неведомо зачем прибывшую из глубин галактики. Натали, плюща носик о непроницаемую (надо же) поверхность стекла, округлила то, что подразумевалось как глаза. Она исхитрилась выделить из толпы мелькающих «байстрюков» нечто заслуживающее внимание. Толкнув в бок своего подель-

ника по шпионажу, она ткнула пальцем куда-то в сторону. Матвей, проследив за указующим перстом, обомлел. В правой части обширного салона, напоминающего центр управления атомной электростанцией, он увидел еще двух членов экипажа. Они сосредоточенно тыкали пальцами в табло. Назвать их уродцами было никак нельзя, а, проще говоря, манипуляторов за пультом можно было смело принять за земных трудяг. Вероятно, это были люди, натурализовавшиеся на другой планете. Их стройные тела облегали серебристые костюмы. Оторвавшись от своего занятия, они посмотрели на иллюминаторы, где плющили носы любопытствующие, и их губы зашевелились. Без труда можно было догадаться – последовало распоряжение. Не прошло и десяти секунд, как окна потемнели, не позволяя удовлетворять любопытства. Делать нечего, сконфуженная парочка взмыла вверх. Там, под облаками, она и фланировала над внеземными объектами.

Вскоре параболическая дверь выпустила на землю двух пассажиров космического аппарата. На этот раз они были облачены в спортивные костюмы, в каких земляне совершают утренний моцион. Спортсмены, да и только, если посмотреть со стороны. Только вот не все спортсмены могут похвастать прытью как заоблачные пришельцы. Они прямо с места

взяли такой карьер, что лошади Орловской породы были бы посрамлены. Ямы и ухабы, встречающиеся на пути, перемахивались, шутя, без напряжения, да и, вообще, бегом их движение можно было назвать с большой натяжкой. Это было нечто... Сами по себе двуногие создания представляли транспортные средства под названием внедорожник, и несли оные внедорожники самих себя – этакие кентавры. Сами и кони, сами же и седоки. Матвей с Натали едва поспевали за резвыми бегунами. Не приведи Господь соревноваться с ними на земле. Прошло чуть больше часа, как тандем конилюди домахал, иного слова не подберешь, до пригорода Черкасс. Здесь, чтобы не привлекать, вероятно, к себе нездорового внимания, «транспортные средства» сбавили ход, и вот уже в пределах областного центра легкой рысцой совершали променад двое симпатичных любителей бега.

Теперь, при более внимательном «взгляде», смело можно было обозначить их как – он и она, а если чуть пофантазировать – Наталья Варлей и Ален Делон в молодости. Подбежав к городскому парку, они и вовсе перешли на шаг. Смешались с гуляющей публикой. Солнце стояло в зените, и отдыхающие старались держаться в тени раскидистых каштанов. Молодые мамышки покрикивали для порядка на

неугомонных детей, которым все было нипочем. Они с азартом гонялись за голубями, падали, кряхтя, поднимались, надув губы, делали вид, что им больно, но, обнаружив товарища по несчастью, пытавшегося встать на четвереньки, заливались восторженным криком. «Ален Делон» со своей спутницей тут как тут. Подняв упавшего карапуза, они гладили его по голове и внимательно заглядывали в глаза. Мамки, утомленные зноем, с ленцой наблюдали за прихотью доброхотов. Тем более, что доброхоты были такими же молодыми и милыми созданиями. Не спеша, они фланировали по тенистым аллеям и при каждом удобном случае старались принять участие в проблемах подвижных, как ртуть, малышей. В их поведении выявлялась странная закономерность: девочек гладила мадам «Варлей», а мальчиков – «Делон». Так продолжалось до тех пор, пока все закоулки парка не были пройдены и все дети детсадовского возраста не были поглажены мило улыбающимися двойниками артистов кино. Затем они вышли из парка и пошли к Днепру. Летний зной подталкивал все живое к широко раскинувшейся глади реки. Отыскав удобное место на пляже, двое любителей детворы растворились среди загорающих.

Матвей и Натали тенью скользнули над песчаным берегом, отметили место пребывания

пришельцев и, не задерживаясь, взяли курс к дому, где покоились их беспризорные тела. Воссоединившись с ними, они поспешили к реке.

– Догоняй, – крикнул Матвей и припустил по улице.

Его дурашливый призыв не получил отклика. Натали, хоть и спешила, эпатажное настроение своего дружка не поддержала. А вот и троллейбус. За полчаса у реки ничего не изменилось. Разве, что солнце чуть сдвинулось к горизонту, зато обитатели пляжа оставались на своих местах.

– А вот и наши знакомые.

Натали по-хозяйски стелила покрывало рядом с парочкой, загорающей прямо на песке. Те с интересом присматривались к присоединившимся. Разом, рассмеявшись, они обнаружили коммуникабельность, узнав согляда-таев. Правда, тогда их лица были размытыми, а намерения неясными, но такие детали не должны служить помехой в общении с землянами. Примерно такие мысли промелькнули в голове Стреда, а затем и у его очаровашки Лоули. Они чинно поклонились и назвали свои имена. Знакомство состоялось, и... наступила пауза.

– Хорошая погода, не правда ли? – Нарушила молчание Натали, намереваясь выяснить «национальность» прибывших с заоблачных высот. Тишина.

– What’s brought you here?*

– Попытался найти общий язык Матвей и заметил в глазах «собеседников» работу мыслей.

– Fancy meeting you here**, Матвей. Вы неординарная pair. I switch off компьютер. – Стред постучал себе по голове, давая понять, что его мозг способен переключиться на чужой язык, ранее неведомый ему. – О всё. Окей. Вы говорите на русском и английском языках. Я правильно въехал? – Подмигнул он по-свойски. Ну, прямо рубаха парень.

– А мы, по-моему, однолетки, – вставила Лоули и игриво подбоченилась. – Нам со Стредом всего по семьдесят лет по земному летоисчислению.

Земляне прыснули и схватились за животы.

– Совсем молоденькие. Ребятки-козлятки, идемте играть в прятки.

– Это далеко? – Стред с готовностью схватил штаны, намереваясь от слов перейти к делу.

Натали, отойдя от икоты, успокоила его.

– Нет, совсем близко, – и шагнула к воде.

– А-а... Мы знаем. Спрятаться в речке, чтобы никто не нашел.

Брызги и круги на воде послужили доказательством, что игра принята. Соляные столбы, – именно так минуту назад выглядела

---

*Что привело Вас сюда? (англ.)

**Не ожидал Вас здесь встретить (англ.)

пара, заходившаяся от хохота, затем молодые люди с шумом поспешили за «игроками». Они суматошно барахтались в воде. Нырjali, а, вынырнув, отфыркивались, чтобы снова уйти под воду для поисков пропавших. Вероятно, их растерянность заметили соседи.

– Вы своих друзей ищете? Так они во-он где!

Проследив за рукой подростка, обессиленные нырjальщики, наконец-то, увидели «пропажу». Те в полутораэта метров от берега плыли против течения. Вот они резко изменили направление и опять ушли под воду, вскоре вынырнули под носом у поисковиков.

– У-уф. – Теперь уже Натали с Матвеем лопнувшими пузырями пошли ко дну. Кое-как дотянув до берега, они плюхнулись на подстилку, где их поджидали гипотетические утопленники.

– Мы выиграли, – как ни в чем не бывало заявили они.

– Да уж... «Кони – люди. К месту подкатила мыслишка».

– Вы чем-то озабочены?

– Скорее удивлены. Вроде и жабер не видно.

– А-а, вы вот о чем. Можете склоняться к мысли о земноводных.

– А к какой иной мысли можно склоняться, увидев вас на марафоне? – Дыхание Матвея постепенно выравнивалось и вместе с тем

приходило понимание докучливости. Набились в друзья и тут же с претензиями.

– Бьюсь об заклад, – сменил он тему, – ваш организм не имеет себе равных.

– Да, да, – с готовностью подхватил Стред. – Наш организм усваивает свыше ста пятидесяти незаменимых аминокислот, в отличие от вашего, а потому гораздо выносливее. К тому же в нашем рационе имеется белок в чистом виде, спецзаправка «ядерного реактора», – улыбнулся он.

– А главное – не надо следить за фигурой, – Лоули победоносно посмотрела на Натали и осталась довольной произведенным эффектом. В ее глазах читалось явное превосходство над землянкой.

«Женщина, она и в Афр... Да, кстати, с какой же они планеты», – спохватился Матвей и тут же осведомился:

– Да, мы соседи. Созвездие Орион. Рукой подать.

– Прямо как до села Гадюкино. – Натали дерзила, расплачиваясь за уязвленное самолюбие.

– Село Гадюкино – это далеко? – Стред опять схватился за штаны.

– Что вы, очень далеко. – Неподдельно испугалась девушка, и переглянулась с Матвеем. Оба уяснили: еще секунда и бег по пересеченной местности им гарантирован... Бр-р.

– Стред, не ерничай, – Лоули забрала у него штаны и уселась на них. – Мы и так экзотика для землян, – добавила она затем.

Мимо проходила двухметрового роста женщина, при виде которой у нее сверкнул задорный огонек. Без предисловий она начала:

*Ах, какая женщина
Из дубравы шла,
Дерево без корня
На плече несла.
Лесоруб со стажем
Ей тот дуб срубил.
Сел на пень, подняться –
Не хватило сил.*

– Это называется дифирамб? – Зубы инопланетянки искрились перламутром. Она вся светилась от удовольствия быть понятной в новой среде. От нее исходила огромная внутренняя энергия не меньше, чем от квантового генератора. – Я не думаю, что наша встреча случайна, – взглянула она на Матвея.

Тот лениво перевернулся на спину и как бы нехотя спросил:

– А зачем вы гладили детей?

Повисла тишина. Теперь пришельцы были озадачены.

– А-а, была не была... Как говорят у вас на земле – в Америку собираться, да дождя бояться... – Стред тряхнул головой и, усевшись, обхватил колени руками: – Когда я говорил,

что включил компьютер, то ничуть не погрешил против истины. В наших черепках, – он постучал себе по голове, – мирно уживаются как нейтронный, так и нейронный механизмы. Этаким биотехногенный симбиоз, обеспечивающий максимально удобное использование серого вещества. Тому подтверждение – факт нашей беседы. Ксеногlossия или, если хотите, ассоциативная память – редкий дар природы, и тем не менее этот феномен существует. С какой полки он свалился?

Теперь пришла очередь почесать затылки землянам.

– Где нам, серым да сирым, до сверхвысоких материй. Проще в картофельные мешки упаковать пульсары. Для наших огрублённых восприятий мрак является мраком и ничем иным. Что знаю, то знаю, а что не ведомо – не существует.

– Прибедняешься, старичок...

Матвей хлопал глазами, отмечая знание специфических слов, слетающих с губ инопланетянина. Каббалистика, да и только.

– Не сразу птичка полетела, а ящерка забегала, – продолжал Стред вещать. – Эволюция тем и хороша, что каждый овощ «втыкает» в свою грядку. Я правильно говорю? – Не дожидаясь ответа, выдал: – А ведь это я мог жить на земле, а ты там... – Он мотнул головой вверх.

– ?

– Реинкарнация, что может быть проще? Сегодня ты здесь, а через двести лет уже там...

Силлогизмы не были чужды гостям, – еще раз отметил про себя Матвей, краем глаза наблюдая, как Лоули с Натали, чуть ли не касаясь носами, увлеченно шепчутся. А ведь еще минуту назад черная кошка разделяла их... Непостижимо.

– Одиннадцать тысяч лет назад инопланетный корабль впервые посетил планету Земля. – Матвей вновь переключил внимание на говорившего. Ведь не каждый день такое randevu... – И что же увидели первые астронавты, – развел руками Стред. – Мрак, где подобное меланхолично употребляло подобного. Более сильная тварь пожирала слабого, так по цепочке. И все же первопроходцы подсуетились и «впрыснули вакцину» интеллекта в твердолобые вместилища серого вещества. Так и пошло-поехало. Периодически посещая твердокаменных, «лекари» постепенно добивались хоть незначительных, но успехов. Спустя три тысячелетия прогресс в области очеловечивания начал прослеживаться. Теперь тот, кто кого-то намеривался съесть, дипломатично спрашивал разрешение.

– Прогресс на лицо. Нам бы такое милосердие.

– Дальше больше, – отмахнулся Стред. – Вскоре уже можно было классифицировать особей и сортировать по категориям. Патрициев – в одну сторону, а чуть продвинутых – в другую. Основная масса жвачных как была на уровне слюнотечения при виде себе подобных, так и осталась без видимых изменений. Следовало ускорить трансформацию стаи в цивилизованное общество. Выражаясь современным языком, потребовался Бог. То есть сущность надчеловеческая. Раз и навсегда данная и не оспоримая по своим морально-этическим качествам. Ну, а, что было дальше, тебе и без меня известно. За исключением фактов постоянного присутствия внеземных миссионеров, задачей которых является поднятие планки продвинутой землян.

– Путем поглаживания неразумных головок?

– Да, путем открытия главной чакры, для подключения к информационному полю земли и космическому разуму.

Лоули, закончив шептаться с Натали, встряла в разговор:

– Человек-растение... По меткому замечанию Ламетри, в силу умственной ограниченности, является сам себе врагом. Мало того, что он паразитирует за счёт мыслящей категории людей, он ещё исхитряется встав-

лять ему палки в колеса, увлекая с собой в преисподнюю. Пример? Чрезмерно расплодившийся плебс с запросами на уровне одноклеточных бессистемно вырубает Амазонскую сельву, нарушая тем самым природный баланс. А природа, хоть она и женщина, к тому же терпеливая, но не в силах противостоять патологии. В результате нарушения баланса на арену битвы выходит невидимый и неосязаемый ратник – вирус под симпатичным названием – Эбола. Вирус не размахивает руками и не ищет, кто прав, а кто виноват. Косит всех подряд – косой с не менее симпатичным названием – кровавая лихорадка. Причем без затей, воздушно капельным путем, одаряя всех желающих и не желающих смертельной напастью. Те, кто еще не успел вкусить плодов «Кровавой мери», молятся Богу, осеняя себя крестом, надеясь на заступничество Спасителя. Ведь он такой всеильный, что без труда сотворил мир за семь дней. А то, что семь космических дней растянулись на миллионы земных, – верующего не прошибает... И то, что цветущая земля постепенно превращается в мусорную свалку, его тоже мало волнует. Все бы ничего. Как говорят, в каждой избушке свои игрушки, но в этой вакханалии есть нюанс... Стред, это уже по твоей части.

– Извольте. На Аляске находится высоко-частотная установка для дезориентации рос-

сийских стратегических ракет. Фронт турбинизируемой ею плазменной волны достигает двадцати километров. Эта волна давит на ионосферу, та в свою очередь на магнитосферу, и так, по цепочке, пока однажды земной шарик, уподобившись пинг-понгу, не вылетит за пределы орбиты. Впечатляет? А вот еще один шарик...

Голопузый «футболист» упорно донимал мяч, стараясь поразить невидимые ворота. Удар – экая досада. Голкипер умыкнул мячик и спрятал за спину.

– Ва-а-дик, – всполошилась мамка.

– Держи, – Стред, отдавая мяч, погладил «форварда» по голове.

Тот побежал на зов, споткнулся, задрал голую попку вверх. В просвете ног обозначилась плутовская мордашка будущего вундеркинда.

Матвей водил пальцем по песку, углубляясь в созерцание сути вещей, происходящих в черепной коробке. Мысли сталкивались меж собой, напоздали одна на другую, потом разбегались и вновь выстраивались в неровную шеренгу. Состояние полусна-полуяви не покидало его с тех пор, как он соприкоснулся с инопланетянами. Что ни говори, ситуацию штатной не назовешь. Ведь еще вчера уфологию называли чужью собачьей, а исследователей внеземной цивилизации загоняли в дурку. Ох,

как не хочется в очередной раз осознавать факт пребывания на планете, превращенной в палату номер шесть .

Вадик, уже утвердившись на ногах, прокладывал свой неровный маршрут к мамке. Та, не смотря на матронистую статью, сноровисто поднялась с подстилки и, ухватив сына под мышки, закужилась с ним. Жизнь продолжалась, и суть вещей одна – движение в хаосе и целенаправленности.

– Двадцатка обеспечена. – Голос у Лоули был ровный, как у диктора. Зная, что землянам ее замечание ни к чему... она пояснила: – Каждый новорожденный получает от родителей своеобразную фишку разума, этакий коэффициент интеллекта. Вадик поехал. Благодаря Стреду, мальчуган проживет осмысленную жизнь. Родители наделили его весьма скромным потенциалом интеллектуальности. С такой фишкой ему светило лишь серенькое, суетливое существование. Как говорят в народе – ни богу свечка, ни черту кочерга...

– А у Иисуса какая была фишка?

– Ната-а-ля... Запредельная! А вообще, ребята, на земельке грядет интеллектуальный бум. Двадцать первый век – время высоких технологий, где серая масса ракушечника будет постепенно отслаиваться от стреноженного корабля, рвущегося в запределье.

– А почему бы Иисусу Христу вновь не воплотиться в кого-либо из землян? – Выражение лица Натали было столь невинным, что заподозрить ее в коварстве или тем более в вероломстве было бы опрометчиво. Она покусывала травинку и ни на кого не глядела. Этакий херувим, родивший каверзный вопрос. Да и не вопрос даже, а, скорее, сожаление, о не сбывшейся мечте. Мечте, что вот придет некто и наведет порядок на земле, где исчезнут сразу все негативы, а позитивами можно будет засолить все имеющиеся на планете бочки.

– Обжегся на молоке? – Затем добавила она.

Повисла тишина. Диссонанс от патетики во славу Христа до обвинения чуть-ли ни в трусости – вот две составляющие, возникшие по поводу одного предмета. Предмета межпланетарного масштаба. Даже гости заметно притихли. Нас-только неожиданным явился поворот в разговоре о сущности неоспоримого порядка вещей.

– Второе пришествие Христа не за горами. Вам ведь известно. – В голосе Лоули проскальзывали нотки недоумения. – Ах, я понимаю вас. «Вынь да полож...» Так, кажется, звучит каламбур для нетерпеливых. Вам, Натали, хочется вкусить все прелести жизни в короткое время. Р-раз, и период оледенения планеты завершился. Не беда, что все мамонты

вымерли, зато ромашки на лугу расцвели. Два – и каменный век уступил бронзовому. Три – и вот уже недавние троглодиты бороздят космические просторы, а вы все созерцаете и мотаете себе на ус – что бы еще такое вытворить, да позабористее, с шиком и пеной от шампанского, с кружением в голове. Только вот сумбур в голове проходит и опять вопросы – что, где, когда?.. Реинкарнация – дело не хитрое, если, конечно, поставить на поток воспроизводство одаренных людей, но... Где гарантия качества? Умники додумались до клонирования, и овца Долли явилась прообразом будущих Эйнштейнов...

– Теоретически, – подхватил Стред. – Между прочим, сын* Альберта Эйнштейна не вылезал из дурки. Вот вам наглядный пример, как гены гения могут сыграть злую шутку уже в следующем поколении.

– С героикой повременим, – снова взяла инициативу в свои руки Лоули. – Христос не разменная монета: не повезло однажды, повезет в следующий раз... Даже сам Господь Бог, если он воплотится в одного человека, будет всего лишь хорошим администратором на земле, не более того. А кто будет при этом реинкарнировать, скажем, Леонардо да Винчи в

---

*Палата номер шесть – так в народе называют психиатрическую клинику.

художника Илью Глазунова или Гомера в поэта Иосифа Бродского?

– Овца Долли, как идея fix, нам никогда не нравилась, а вот, что касается пены, да еще от шампанского, – с этим можно согласиться.

– Вы приглашаете нас в ресторан?

– Вроде этого.

– Темните, потомки эскимосов.

– Ой ли..?

– А вы думали, что трудно поменять полюса планеты, а с тем и цвет кожи? Ничуть. – Стред загорелся идеей преподать урок схоластики или, если проще, – пустозвонства. – Представьте себе, – взмахнул он рукой, – некая огромная сила воздействует на одну сторону земной оси. В результате Новая Зеландия окажется под водой. Люди, живущие там, вынуждены переселяться на противоположный полюс и ассимилироваться с коренным населением. Были новозеландцы – стали эскимосами и наоборот.

– Провокация не пройдет, – Матвей с не меньшей энергией принялся доказывать абсурдность такой идеи. – Земная кора, магма, ядро и все прочие прибабасы так болтаются внутри планеты, что так называемой оси просто не существует, вернее, существует чисто умозрительно. Моего земляка-второклашку и то не проведешь на такой мякине. И, вообще, в мире правит бал его величество – случай. Цепь

случайностей сотворила вселенский хаос, где затерялась опять же в цепи случайностей галактика с песчинкой под названием – Земля, и вот на чудной планете происходят уже совершенные казусы. Ну как тут скроешь улыбку, когда при железнодорожной катастрофе царь Александр третий не пострадал, а официант, наливавший ему сливки, погиб. Кощунственно, конечно, улыбаться, когда погибают люди, но несопоставимость глобальных процессов и частных инцидентов извиняет поведение человека.

– То есть твоего земляка, – хлопнул Стред по плечу Матвея ладонью. Его улыбка была настолько обезоруживающей, что все расхохотались.

– Замечательное свойство – человеческое сострадание. Оно есть, или его нет. – Лоули пригладила короткие волосы и продолжила: – По сравнению с Андроидом человек выглядит просто шикарно, хотя существо, наделенное сенсорным механизмом, в том числе и интеллектом, на первый взгляд, не уступает человеку ни в чем, кроме, пожалуй, маленькой детали – он, этот гомункул, начисто лишён сострадания, сопереживания или хотя бы капли жалости даже к себе подобным, хотя в его мозг вкраплён парадокс, да ещё какой... Андроид способен покончить с собой, обнаружив друга, ну,

скажем, мертвым. Этакой механистический механизм, не лишенный эмоций, в том числе и предпосылок к шоку.

– Прямо трагический реализм по Достоевскому. – Натали решила не уступать пришельцам в области диалектики. – Если уж эмансипировать высокоразвитых уродов, то почему бы не опустить ниже плинтуса гомосапиенса с его хвалённой одухотворенностью, тем более за примерами далеко ходить не надо:

*Эй, товарищи, коровы и быки,
До чего ж вас довели большевики.*

Это опус сына Сергея Есенина. А вот еще один отрок достойного родителя – самого Нострадамуса. Сей славный сын умудрился поджечь город, в котором жил, за что и был казнен.

– Геростраты никогда не переводились на земле. Вырожденцы – закономерное завершение любого рода людского в конвейерной цепи*. Декарт даже сформулировал систему, в которой каждый идиот вроде бы нашел свою собственную истину и освободился таким образом от общих представлений, усвоенных обществом.

– Твои адвокаты, Матвей, даунам вовсе ни к чему. Их защищает неординарная историческая личность. Вот как воспевал свободомыслящих

---

*Царь Соломон.

хипарей Гете: «Кто жил достойно в свое время, тот останется жить во все времена».

– Ценю твой юмор, Стред, однако, не пора ли нам завершать цепь случайностей и перейти к прозе закономерностей?

– Ты о шампанском?

– А то?..

Привязанность к одному месту свойственна всем живым существам. Матвей с Натали не были исключением из общего правила. Знакомый ресторан встретил их также приветливо, как и раньше, разве что музыкальный аксессуар значительно изменился. На смену хаотично построенной программе воздух сотрясал рэп, и в промежутках стаккато вплетался неназойливым элементом голос ди-джея. Еще одним новшеством было то обстоятельство, что прикид посетителей никто не регламентировал. Всякий мог зайти хоть в трусах, лишь бы они были фирменными. Четверо новоприбывших были без промедления усажены за стол и, в отличие от совковых времен, тут же обслужены. Публика заметно поредела и качественно изменилась. Не было шумных застолий с непременно тостами и прочими здравицами. Навороченные закусками и бутылками столы тоже канули в прошлое. В зале царила атмосфера дискотеки. Для танцев было отведено больше пространства – за счет сокращения

посадочных мест. Молодежь приходила «улетать», а не наливать по самые брови. Тем не менее, для тех, кто желал намочить усы в пенном напитке, ассортимент шипучки был достаточно широк.

– За прилет, – четыре фужера обозначили точку соприкосновения. Два из них сразу же были поставлены на стол. Матвей вопросительно посмотрел на гостей. Те достали из карманов небольшие блестящие баллончики, вытряхнули из них по паре таблеток и отправил их в рот.

– Сухое горючее, – пояснил Стред. – Попробуешь?

– Боюсь, мои энзимы* воспримут вашу закуску в штыки.

– Взаимно, – Стред показал глазами на фужеры с шампанским.

– Нам только чукчей не хватает с их сырой рыбой. Вот была бы компания.

Между тем ди-джей, проорав в микрофон «рухай мештами», поставил композицию группы ERECTOR «pump up the Base», пол дискотеки вздрогнул. Молодежь отрывалась под тяжелый рейв.

– А мы, что рыжие?

Столик с недопитым шампанским осиротел. Стред с Лоули с минуту стояли и моргали в такт. Адаптировались. Затем отвоевав для себя

---

*Э н з и м ы – микрофлора (мед.).

пространство, начали коротко подергивать телом. Вскоре они ощутили некое плотное кольцо чужой энергетики. В том, что энергетика была негативной, сомневаться не приходилось.

– Ви звидкиля приклебулись? – голос принадлежал высокому детине с мелированной челкой. – Видповидай, колы тебэ пытають.

Стред смерил его взглядом, прикидывая ответные меры. Значения слов он не разобрал, но интонация говорила сама за себя.

– Ти хоть розумиэш, що попав на бабки, – продолжал напирать мелированный, косясь на своих дружбанов, которые плотнее обхватывали пришельцев из космоса. – В нашей хате принято делиться, а вы, колесники дешевые, крысятничаете.

Дергаясь в трансе, он внезапно выбросил руку вперед, целясь Стреду в солнечное сплетение. Стред был готов к такому повороту событий. Мелированный во время удара напирал и держал ноги не очень широко. Стред подался назад, захватил его руку, сбивая равновесие, и рванул ее затем вниз и назад. Одновременно, другой рукой, он потянул его вверх и на себя, поворачиваясь в направлении рывка. Пока мелированный падал, Стред выбросил ногу назад, сбив его дружбана. Третий ошалело смотрел на пилотаж своих дружков и пытался вникнуть в тему. Глубокому анализу помешала

Лоули. Она, посылая правую ногу ему на грудь, левую расположила позади ног противника. Сделав ножницы, бросила его на пол. Со стороны было похоже, что парни танцуют, то верхний, то нижний рэп, высоко вскидывая ноги, поэтому никто из присутствующих в зале не обратил на них особого внимания. Мелированный оказался на ногах быстрее остальных. Оглядев лежащих на полу подельников, неожиданно рассмеялся. Он впервые участвовал в драке, где никто не получил по морде. Протянув руку представился:

– Бубон. Теперь вы под моей крышей.

Прощались с внутренним напряжением. Хотели как лучше...

– Матвей, не переживай. История изобилует фактами, когда эпоха Бурбонов порождала эпоху бубонов, и наоборот. – Стред подставил открытую ладонь, и Матвей улыбаясь, звонко шлепнул по ней.

После прощания остался осадок невысказанности с грустью пополам. Во всяком случае, душа не пела, а тут еще контейнером нагрузили... Натали вертела в руках небольшой шар, преподнесенный пришельцами. Размером он явно уступал шару боулинга, но вот теннисному, по которому колотит Шарапова, он бы составил пару.

– И где они его прятали? В руках? Не было. В кармане тоже не поносишь, штаны сползут.

Тяжесть-то какая, полпуда не меньше. Тут тебе и железо, и серебро, и тантал, и кремний, и Бог знает что еще. – В подтверждение своей правоты Натали с чисто детской непосредственностью взяла и лизнула шар. Что тут началось... – Ой мамочки... у меня язык защипало. Там что и селитра еще присутствует, что-ли?

Матвей, усмехнувшись, забрал шар из рук девушки.

– А ты думала сахар? Там такое... такое...

– Что такое? Гадость, вот что там такое. У меня в голове действительно началось такое, что и говорить не хочется, да и температура будто бы подскочила. А, действительно, откуда он у них появился?

– Проще не бывает. Это их плод. Что ты смотришь? Андроиды разродились маленьким андроиденком. Яйцо снесли.

– Когда успели?

– Не вопрос. С них все станется.

– Ты вот смеешься, а что нам делать с ним?

– Как что? Выполнить их просьбу. Да и просьбу ли? Ведь нам, землянам, дали карт-бланш на выживание. Шар, по словам Стреда, при нагревании открытым огнем начинает давать испарения. В результате появляются делимые клетки, а это уже возможность зарождения новой жизни на земле.

– А старую куда девать?

Матвей почесал живот.

– У тебя там что ответы на все вопросы?

Палец Натали уперся в живот визави. Она все никак не могла успокоиться от своей глупости, что не улучшало настроение.

– Им сверху виднее, – глубокомысленно изрек Матвей, отводя настырный палец в сторону. – Там, наверху, старейшины посоветовались и решили: Земле обитаемой быть! Этакий превентивный подарок планете на случай катаклизма.

– Оптимистично.

– Мы живем по понятиям, где не принято напрягать людей страшилками. Разве что в блокбастерах резвятся киборги, но зрители воспринимают ролики как средство развлечения – не более того. Начни человеку изо дня в день поливать мозги патокой о скором апокалипсисе, и он свихнется, а ведь малюсенький астероид, весом не более 500 кг, может снести с лица земли целый мегаполис.

– Ой, как интересно. – Натали запрокинула голову в поисках загадочного камешка, посягавшего на ее драгоценнейшую жизнь. Не найдя источника угрозы, она опять уперла палец в прежнее место и плаксиво захныкала: – Твое противное брюхо явно расстроилось. Оно бурчит и бурчит несусвятицу. Пугает бедную

девушку гадкими астероидами, понапридуман-
ными не менее гадкими андроидами.

– Такими уж и гадкими? Кстати, о чем вы секретничали с Лоули там – на берегу?

– Как о чем, об этом...

– Ясность поразительная, и все же?

Натали состроила глазки и сосредоточенно, будто на уроке физиологии, начала выуживать из головы «отпадные» сведения.

– Лоули, если хочешь знать, чистая интриганка и сплетница хоть куда. Ну, посуди сам, – убрала она, наконец, палец, – эта марсианка утверждает, что у нас на земле сущий бедлам. Представляешь, они со своим пареньком, ну, со Стредом, забодай его ослик, где-то в африканском племени подглядели процесс знакомства мужчины и женщины.

– Они и там побывали?

– Представь! Чёрная, как эбонит, красавица, когда уже буквально исходит соком, кладет свою розовую ладошку на бритую голову подвернувшегося кавалера и заставляет его присесть на корточки.

– Это криминал?

– Кавалер и не думает противиться. Он в восторге. Еще бы, ведь в следующий момент эбонитовая психея изящно кладет ему на плечо свою ногу, предоставляя избраннику полюбоваться на обезумевшую плоть. Чтобы на глазах у всего племени не произошло

непотребства, новоиспеченные жених и невеста срываются с места и пулей летят в кусты. Возвращается парочка уже под вечер. Он впереди, она сзади. Чем больше расстояние разделяет их, тем прочнее брачные узы.

– Гуталиновый плейбой. Да они просто любители клубнички, а мы с тобой подвязались устроить им расслабуху.

– Такие кони сами кого угодно расслабят. На что бубон и сотоварищи крутые братки, а и они овечками прикинулись. Их понять можно. Кому хочется превращаться в мячик для пинг-понга. Что касается клубнички, тут ты не прав. Интересы у них шире ворот. Весь калейдоскоп бытия норовят запечатлеть в своих нейронно-нейтронных черепках. Взять хотя бы ужасики, происходившие, по их словам, в Америке в начале 20-го века. Некая медсестра, используя служебное положение, делала все возможное, чтобы отправить к праотцам неполноценных, по ее мнению, пациентов. Таких рамоликов, утверждала она, наберется половина населения земного шара. Кстати, о шаре...

– О шаре вопроса нет. Дали слово – сдержим.

– Какой упрямый. Надеюсь, в этот раз брюхо не подсказывает самый прямой путь к истине?

– Там происходит дедуक्तिвный процесс мышления.

– Ой, зубы... – Натали притворно схватилась за щеку. – Не хватало еще словесного поноса. Ты хоть раз был в горах? Наши астронавты просили спрятать контейнер с банком спермы, или чего там еще, непременно в горах. Их блюдцу, видите ли, вреден горный ландшафт.

– А нам нет.

– Матвей, что с тобой? Твоя лексика опустилась до междометий.

– Не мешай, я размышляю.

Натали вознамерилась, было, снова воспользоваться услугами пальца, но «чревовещатель» опередил ее:

– Мы едем в Крым. Найдем симпатичные горы с морем пополам и выполним обещание. Ну как?

– Ответа можно было и не ожидать. Крымские курортные городишки мало чем отличаются один от другого. Если их сравнивать, исходя из целесообразности, то все они призваны обеспечивать поправку здоровья отдыхающим как в пансионатах, так и на съемных квартирах, а точнее – курятниках. Иначе клетушки, сдаваемые в наем, не назовешь. Но всё в мире относительно, как сказал какой-то утонченный философ, и поэтому дикари с зубовным скрежетом соглашались с ним. Судак, выбранный наугад знакомой нам молодой парой, был как раз одним из населенных пунктов,

где жизнь текла неспешно, по отработанной десятилетиями схеме. Работники турсервиса с утра до вечера водили разомлевших от жары туристов по развалинам Генуэзской крепости. Те, не жалея кадров, щелкали фотоаппаратами, жмурились от солнца перед фотообъективами и... все. Больше достопримечательностей не было – рукотворных. Ах, да, было ещё на что обратить внимание – кирпичная труба. То ли котельной, то ли ещё какого-то важного общественного объекта. Она горделиво возвышалась над пятиэтажными хрущёбками, символизируя мощь человеческой мысли и вдохновения. До Монте-Карло Судачок, прямо скажем, не дотягивал. Да и ни к чему славянскому народу всякие там монты с карлами. Море есть, и ладно. Оно компенсирует всю унылость архитектурного убожества. А если еще задрать голову, то и вовсе разомлешь. Горы – чудо природы. Они вплотную подступают к кромке воды, снисходительно позволяя прибою омыwać свои крутые бока. Чуть выше за скалы цепляется щупальцами вечно зеленый можжевельник – источник свежайшего воздуха, в высшей степени целебного для человека и губельного для комаров. Феномен природы не менее того. Где еще можно найти место на земле, где нет ни одного комара. Такое место только одно – Судак. Какой там Монте-Карло? Рядом

не стояло. Так что Судачок, после небольшого ознакомления, воспринимается уже как милый и уютный городок, место паломничества многочисленных туристов.

– Лопнешь! – Вот и прорезался голос одного из представителей отдыхающей гвардии. – А я говорю – лопнешь. Забыл, на сколько потянул этот арбуз? На семь килограммов.

– Так ещё же половина.

– Тогда кальций вымоешь из организма. Я в прошлом году объелась, вернее обпилась ими, так у меня все губы обсыпало. Чем только не мазала – все напрасно. А причина одна. Арбуз метлой гонит кальций, и, если вовремя не остановиться...

– Без губ останешься.

– Не ёрничай. Идём на пляж. С шаром. Проверим на прочность. Лоули сказала, что он крепче якутского алмаза. На диком пляже валяются булыжники, об них и хряснем. Или булыжник пополам, или шар вдребезги.

– Не выпустить бы нам в свет Божий какую-нибудь пакость. Зарядим пастбища монстрами, и забегают, щелкая зубами, динозаврики.

– Если бы пришельцы захотели осчастливить землю динозавриками, они бы и без нас обошлись. Тем более я проверила контейнер. Провела своего рода спектральный анализ. Отзывается положительно.

– Совсем утомилась?

– Вовсе нет. Я и арбуз проверила. Думаешь, почему я стояла возле кучи бахчевых слишком долго? Не догоняешь? Просчитывала их пригодность.

– Издеваешься?

– Это всё заморочки Лоули. Она пассами своей руки активизировала моё подсознание. Иными словами, ввела мои полушария в информационное поле земли, частично, конечно, иначе крышу сорвет. Используя экспресс-анализ, я могу теперь проверять качество любых предметов, включая медикаменты и продукты питания. Впечатляет?

– У-у...

– Правда, есть нюанс. После выхода из транса голова побаливает. Гипофиз бунтует. Ну, да, ничего. Нам бы через ограду перелезть, а с гипофизом разберёмся. Смотри, какие валуны!

Со стороны Генуэзской крепости – самой высокой ее части, что выходит к морю, время от времени откалываются каменные монолиты. Когда отколется очередной из них и рухнет вниз, неизвестно.

Может, через минуту, а может, через пятнадцать лет. Поэтому, чтобы попасть на дикий пляж, нужно преодолеть металлическую ограду и, на свой страх и риск, расположиться в сравнительно небезопасной зоне морского

берега. Что поделаешь, игры с адреналином присущи человеку, и потому тут и там разноцветные купальники облагораживают не окультуренную часть побережья. Отойдя подалее от загорающих и подобрав гальку величиной с суповую тарелку, Матвей с Натали приступили к эксперименту.

– Ну, поехали...

К-р-рак. Галька раскололась, а на контейнере ни царапины, ни вмятины. Ещё?

– Достаточно. Экспериментально доказано – данная побрякушка внеземного происхождения. Тебя что-то смущает?

– Сомнения закрадываются. Посуди сама. Первым попавшимся лохам ставят архиважную задачу. И кто?

– У них был богатый выбор? К тому же не они нас нашли, а мы их. Просекаешь?

– Убедила.

Это было последнее слово, относящееся к делу. Дальше был визг, писк и брызги соленой воды.

На другой день решили провести рекогносцировку горного района. Как обычно, «вылетев» из физической оболочки, устремились к горным вершинам. У местных жителей в обиходе имеется выражение – можжевеловая роцца. Несерьезность названия удивляет. Какая роцца? Регион радиусом не менее 15 км покрытый

можжевельником. Ни одного чужеродного деревца, ни одного кустика. Фабрика по очистке воздуха – вот истинное название благодатной местности. Пофланировав над зеленым «гобеленом», выбрали оптимальный вариант. Гора Сокол подходила для укладки космического предмета более всего, так как находилась не далеко от дороги, соединяющей Судак и поселок Новый Свет. Высота в пятьсот метров над уровнем моря не ахти какая, но для неподготовленных покорителей вершин вполне серьезная. Потренироваться решили на горе Болван, которая одним краем круто уходила в море, а другой был относительно пологий. Болван – народное «погоняло». Мол, только последний болван не может забраться на горку высотой 70–80 метров. Отбросив фанатерию, Матвей с Натали вскарабкались на голую, как плешь, вершину и обнаружили там целую ярмарку тщеславия. Кто тут только не оставил автографы, но самым примечательным, конечно, был автограф Вити и Юли. Композиция аршинного сердца, пронзенного двухметровой стрелой, извещала весь мир о любви пылкой и высокой в полном смысле этого слова. Яркая красная краска только усиливала впечатление. На середине проплешины бородавкой торчал рукотворный бордюрный круг. Диаметр не менее одного метра. Это был знак государственной собственности. Куда там Армстронгу

с его заурядным флагом, воткнутым в твердую лунную поверхность. Знай наших.

Подножие горы Сокол начинается прямо от дороги. Ориентиром служит выступ в виде большого пальца. Он так и называется – Палец. Вот от этого пальца гора начинает круто уходить вверх. Тропа, протоптанная тысячами туристов, серпантинном вьётся рядом с ущельем. Сорваться туда – значит, по меньшей мере покалечиться. Мелкие камешки, сплошь усеявшие тропу, создают угрозу потерять сцепление ног с грунтом и покатиться не известно куда. Выручают опять же вездесущие корявые кусты можжевельника. Ну, прямо, растение на все случаи жизни. МЧС какой-то. До вершины не так и далеко, если идти по прямой, но в горах самая прямая линия оказывается втрое длиннее, чем на ровной поверхности, и потому время растягивается адекватно. Около двух часов понадобилось молодым людям, пока они добрались до вершины. Здесь, как и на горе Болван, каждый квадратный метр был буквально нашпигован автографами, и так же государственный знак заявлял о собственности. Вид открывался изумительный. Восхищение – главный показатель увиденного. С одной стороны, синее море с чуть заметной дымкой, с другой – зеленое раздолье, сверху – голубое небо, а внизу... – пропасть. Отвесная стена в пятьсот метров.

Матвей, ухватившись за скрюченный ствол деревца, перегнулся и глянул вниз. Вот он адреналин... ёкает где-то под ложечкой, свербит. Даже ради ощущения свободного полета стоило сюда подниматься. Полёт – не пустой звук. Стоя на краю скалы, действительно ощущаешь себя парящим над землей – той, что осталась внизу. Редкие плывущие облака дополняют эффект полёта.

– Страшно?

– Что ты!? Иди сюда!

– Сейчас, разбежалась... – Натали кошкой крадется к краю бездны, но в последний момент стопорит и пятится назад. – Хватит храбриться. Отпусти деревце. Не мучай его.

– Его замучаешь. Оно так привыкло к рукопожатиям, что скучает, наверное, без крепкой руки.

– Ох, уж эти лирики. А я, пока ты там обнимался с корягой, нишу приличную нашла.

– Вот и полезай в неё. – Матвей с неохотой отошёл от края скалы и осматривал то, что нашла Натали. – Вполне.

– Вот и я говорю – вполне.

Через пару секунд немой представитель заоблачных далей, доставленный на планету Земля, проделал последний недолгий путь. Расщелина, глубиной не более шести метров, приняла его на хранение.

– Напиши – здесь были мы.

– Нет, лучше – здесь будем мы.

Покидали гору в приподнятом настроении. Этак, молодецки. Буквально скатываясь на породной крошке. От сознания выполненного долга слегка кружилась голова, но от полного «отпада» предостерёг отвесный обрыв каньона глубиной метров двенадцать, не меньше. Притормозив, буквально, у края каменного жёлоба и глянув вниз, Матвей невольно поёжился. Представлять себя расплывшимся на дне колодца, сотворенного веснами водопадами, как-то не очень хотелось. Повинуясь внутреннему чувству самосохранения и ответственности за другого человека, он намертво сжал руку Натали в своей и уже без лишней бравады начал обходить опасные участки один за другим, пока, наконец, подножие горы не оповестило о завершении спуска. На пляже окончательно расслабились и об опасностях, подстерегающих в горах, быстро забыли. Лишь остался едва ощутимый осадок ностальгии по свершённому.

– Думаешь, они рисковали, давая нам поручение?

Кто они, для Матвея было однозначно-заоблачные «звездочёты» и, не моргнув глазом, он ответил :

– Вряд ли мы их единственные контактёры. Слишком мелкая сошка.

Натали лежала с закрытыми глазами и, казалось, мало вникала в суть происходящего. Вопрос – ответ, не принципиально – попал ответ в точку или нет. Главное, не упустить градус умиротворения от ласкающего слух шуршания гальки в пенистой воде. Шурх-шурх, шурх-шурх. И ветерок, миляга, не треплет волосы и не сушит кожу, а галантно прохаживается по плечам, по лицу, по всему телу, не оставляя без внимания ни одну из его частей. При таком мироощущении вряд ли придут в голову мысли глобального масштаба, а если всё-таки проскользнёт одна шальная, то слабо шевельнёт мыслительный аппарат. Слишком уж приземлённая истома. Казалось, весь мир предаётся ленивому томлению и нет никакого другого занятия на всём белом свете. Земная круговерть с претензией на неотвратимость хода времени отошла на второй план, и если учесть, что это самое время является субъективным фактором, то здесь, на морском берегу, оно полностью остановилось. Состояние близкое к абсолютному ничто, где атомы и антиатомы взаимно нейтрализуются. В переводе на молодёжный трёп – «полный отстой». И вдруг в затянувшемся безмятежье забрезжил лучик света, несколько отличающийся от привычного, ежедневного, ежечасного и вообще от востребованного раз и навсегда. Он – этот лучик –

имел другой цвет, и даже не цвет как таковой, а интенсивность окраски. Цветовая гамма, воспринимаемая человеческим мозгом, на протяжении всего эволюционного развития имела привычную природу. Во всяком случае мозг, совершенствуясь из поколения в поколение, не реагировал резко на изменения палитры. И вот на тебе... Натали, очнувшись от полусна-полуяви, с интересом начала наблюдать, как бы со стороны, за «засланным казачком». Вот он покрутился по левому полушарию, по правому и упёрся кинжальным остриём в гипофиз. Порыскал по рудиментарному остатку «третьего глаза», которым были наделены древние лемурийцы, и расцвел его, призывая к работе. «Чур меня, чур...» Натали с закрытыми глазами увидела недавних работодателей, ради прихоти которых они несколько минут назад прыгали по горам.

– Матвей, ты ничего не видишь?

– Вижу.

– А что именно?

– Да, вот тот мужик пытается попасть в море, а его почему-то всё время относит в сторону. Во-во, гляди, поплыл. Только не по воде, а по песку. Всё, успокоился.

– Да я не об этом... Стред и Лоули... Я вижу их.

– Где? Неужели и здесь достали нас? Ну теперь держись. Всё море перебалмутят.

– Да нет их здесь. Они у меня в голове сидят и ножками подрыгивают.

– Напекло. Солнышко-то вон какое...

– Погоди, они передают привет всем отдыхающим на берегу и нам в частности.

– Пойдём под грибок. Там место освобо-
дилось. Тот пловец не скоро причалит.

Мутация происходит постоянно. Организм приспосабливается к новым условиям существования.

– Ты о том мужике, что-ли? Да он давно уже приспособился. Для него это единственно комфортный способ членостования.

– Матвей, не перебивай. Лоули кинула мне пробный шар. Настраивает телепатический канал, как она выразилась. Я лишь озвучила её посыл.

– Они уже в своём Орионе?

– Я сейчас запрошу, то есть мысленно передам твой вопрос.

– Во, ретранслятор.

– Ба, а... Прикинь. Орион для них нечто вроде дачи. Канары для новых русских.

– А хата где?

– Ну, у... Так-так... И как же..? Да вы что... Хорошо. Матвей, сейчас Лоули начнёт впрыскивать мне суперинформацию. Слушай и не перебивай. Дай мне мобильник, я буду делать вид, что говорю по телефону, иначе для нас

психушку вызовут. Народ у нас бдительный. Тот ещё...

– От меня привет.

– Уже послала. Всё, поехали. «Засланный казачок», порывшись в извилинах головного мозга, удлинился настолько, что мизерный лучик превратился в серебряную нить, способную работать в режиме дуплекса, то есть – приём–передача. – Натали, уподобившись телефонистке (с выключенным телефоном), начала озвучивать телепаторепортаж с места событий. А место оказалось даже не в Бермудском треугольнике, а высоко в Гималаях, в районе Тибета, и не на вершущке скалы, а глубоко в горах, изобилующих пещерами и пустотами.

– Они что спелеологией закашмарились? А нам втирали о вреде горного ландшафта.

– Ой, бери круче и не падай, хотя ты и так лежишь. Ты слышал о дематериализации?

– Ну, отличное от материализации. А, что?

– А вот, что. Посудина их вместе с зеленью лупоглазой (астронавтами) как бы испарились или, по словам Лоули, произошёл переход материи в волновой субстрат.

– И что они там забыли – в «субстрате»?

– Пошли инспектировать Сомати.

– ?

– Сомати – поздние лемурийцы и атланты в состоянии анабиоза, по нашему вульгарному

определению. Лоули говорит о людях, вошедших путём медитации в такой кайф, когда обмен веществ понижается до нуля. Они, практически, сидят истуканами в течение невообразимо длительного времени при температуре около нуля градусов по Цельсию. Бр-р.

– Тибетцы склонны к мазохизму.

– Не скажи – это акцентированные личности с ярко выраженной целью.

– Самоутвердиться?

– Они добровольно вошли в состояние соматы, чтобы представлять собой генофонд человечества. Этакie подвижники.

– Недвижники.

– Основу генофонда составляют лемурийцы. Есть и атланты, но их гораздо меньше.

– А люди нашей цивилизации?

– Они тоже входят в союз спасителей, но роль их невелика. Это неудача антропогенеза. Люди нашей цивилизации бездуховны и злы. Они не для генофонда. Ремарка: наша цивилизация должна погибнуть, как неудачная... Над миром повисла негативная аура. Она может повлечь за собой космические и геологические катаклизмы на Земле. Примеры существуют. Армяно-азербайджанский конфликт – и, как результат, землетрясение. Наводнения, ураганы и т. д. Виной тому является негативная душевная энергия.

– Лемурийцы и атланты – это же миллионы лет.

– Именно такой возраст людей в сомати. Это не мумии. Они живут. Их биополе воздействует на воду в организме и через неё на обменные процессы. Хотя и очень слабо. При сомати душа данного человека находится рядом с физическим телом и действует на него как консервант. При необходимости душа может войти в тело и оживить его. Таким образом исключается необходимость в длительной эволюции. Душу в тело посылает Высший разум.

– Трудоголики. Бедная душа постоянно в работе.

– Да, это так. Энергия души имеет огромный потенциал. Энергия вне электрона и вне протона. Иными словами – вне органического тела. Волновая энергия способна эффективно воздействовать на гравитацию.

– Пирамиды – их рук дело?

– Несомненно. Вот что пишут Е. П. Блаватская и Нострадамус. При строительстве пирамид атланты переносили камни «взглядом», настраиваясь с помощью «третьего глаза» на волновые элементы камня и противодействуя тем самым гравитации. Направленная сила.

– Пирамиды были построены уже при нашей цивилизации. Не ассимилированные атланты ещё были. При потопе Атлантиды не все

её обитатели погибли, да и сомати вышли из «анабиоза».

– Выходит, наши учёные неудачно выразили свою мысль о способе строительства гигантских сооружений?

– наших учёных пороли за «кибернетику», а ты хочешь, чтобы они выдвинули версию о переноске 50-титонных блоков за счёт психической энергии, берущей начало в тонком мире или, говоря иначе, на Том Свете? Даже не смешно.

– Это твоё заключение или Лоули?

– Моё, моё, да и твоё тоже. Ведь мы оба дети нашего недалёкого прошлого.

– А что со Сфинксом?

– А вот со Сфинксом полная тьма. Даже у посвященной Блаватской мёртвый сезон.

– Тот Свет ты помянула проходя? – Натали пожевала губами, обозначая паузу, затем, получив информацию, продолжила трансляцию: – Тот Свет – синоним Всеобщему информационному пространству. Там живут души и духи, которые функционируют за счёт космической энергии, поскольку изначально они произошли в результате эволюции космоса, когда из макрокосмоса образовался микрокосмос-человек. «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской. Ну как тебе доктрина?

– Скажи-ка, доктринёрша, а души людей в сомати тоже подпитываются космической энергией?

– Безусловно. За счёт полного закручивания торсионных полей души в позитивную сторону, то есть созвучную с торсионными полями Того Света. Только такие поля записываются во Всеобщем информационном пространстве. Негатив там не проходит. За этим следит Он – Бог, или – если угодно – Высший Разум.

– Коррупция там не пройдёт. «Но пасаран».

– Это уж точно. Тонкий мир основывается на сверхвысоких частотах, а руки загребущих лишь мелко подрагивают в унисон прыгающему сердчишку.

– Но пасаран. И точка. А ведь человек был создан Богом путём уплотнения духа и, эволюционно развиваясь, дошёл до нынешнего состояния. Венец творения... твою мать.

– Матвей, не раскручивай свои торсионные поля в негативную сторону. Не лепи чёрную дыру. Уж если атланты погибли от взрывной психической энергии, то нам, Ванькам, возмнившим себя Иван-Иванычами, и подавно придётся на Тот Свет перебираться на карачках.

– Что ты всё атланты, атланты... А кто же является нашими «шнурками»?

– Да все они, родимые. Представители нашей цивилизации тихой сапой начали свою победную поступь после Всемирного потопа

прямо с Тибетских гор, поскольку те горы, как верблюжьи горбы, торчали над водной гладью.

– С дубинками наперевес?

– Пока атланты не выродились, – те, что могли черпать информацию с Того Света, жили, припеваючи. Технократический бум поднялся настолько высоко, что летающие тарелки, работающие на психической энергии, барражировали над землёй, как стрекозы. Из ничего получали «чего». Ты думаешь сказка о скатерти-самобранке туфта? Ой-ли. Технократы тех времён додумались материализовать продукты из антимира по принципу мыслеформы. Представил себе ананас на десерт, и он уже на столе. И ничего мудрёного. Существуют переходы волновой энергии в материю и наоборот. Простой пример из физики: два гамма = одному электрону. Тонкий мир, то есть мир психической энергии, имеет взаимосвязи с физическим миром путём перехода волновой энергии в материю и наоборот. Иными словами: происходит материализация мысли (ананасы на десерт) и дематериализация вещества в мысль.

– Значит, наши звездочёты, дематериализовавшись, просочились сквозь горную породу и общаются теперь с душами атлантов и лемурийцев – классно. Спроси, не холодно ли им в пещере? Если замёрзли, пусть материализуются у нас под грибком.

– Ау-у, ау-у... Лоули, вы где? Странно, молчат. Стред, Лоули, – ответьте.

Натали, забыв о телепатической связи, дула в телефонную трубку, заставив Матвея схватиться за живот.

– Оператор уснула, слушая трёп о вселенском борделе.

– Матвей, не кощунствуй.

– Сама говорила – негативно закрученная информация не попадает на «дискету» Того Света. Почему бы не поматериться?..

– Негативная душевная энергия может притягивать разрушающие космические объекты – метеориты, кометы и прочую живописную хренотень.

– Во-во! Эта дуплексная связь восстановилась или твоё резюме вклинилось?

– Интересующий Вас летающий объект с астронавтами на борту держит курс на Созвездие Орион. С Вами поддерживает связь уполномоченный Информационного пространства. У Вас в запасе ещё двадцать минут по земному летоисчислению.

– Во, бюрократы. Двадцать минут для них летоисчисление. А дружки то наши того... На дачу полетели, а нас на автоответчик кинули. Вот и верь теперь в заоблачную дружбу.

После афронта с Лоули, Натали заметно сникла, но голос тем не менее продолжал

звучать. Не успела она подумать о превратностях в житейской сфере, как чётко получила пояснение:

– Астронавты Стред и Лоули выполнили свою «задачу. Если раньше, при встрече с ними, Вы были подключены к информационному полю Земли, то есть к бытовому плану, то теперь Вы являетесь кандидатом в посвященные мира.

– Поздравляю с повышением. Спроси, почему наши знакомые не попрощались с нами.

– Сюсюканье не входит в позитив торсионных полей. Означенные Вами работники провели контрольную проверку в Шамбале и переместились в новую зону деятельности.

– Шамбала? Загадка веков?

– Описания Шамбалы Николаем Рерихом достаточно убедительны.

– Китайская грамота.

– Люди, жившие миллионы лет назад, имели другой принцип мышления. Да и в недалёком прошлом, скажем, пять-шесть веков назад, язык значительно отличался от современного.

– Как же быть?

– Постараюсь перевести «китайскую грамоту». На Земле было несколько цивилизаций, которые достигнув высокого технократического уровня, самоуничтожились. Самоуничтожение происходило в виде глобальных междуусобных конфликтов, а также в результате космических

катаклизмов. После катастроф на земле менялся климат. И как только климат земли становился пригодным для жизни, человечество вновь возникало, в виде новой цивилизации.

– Что там с атлантами? Какая напасть свалилась им на голову?

– Штатная ситуация, когда люди пренебрегают простыми правилами развития общества – прогрессом. Только прогресс способен, образно выражаясь, поддерживать цивилизацию на плаву, с обязательным условием не накапливать избыточной негативной энергии, которая непременно выливается в разрушительные конфликты, что и произошло бездна лет тому назад. По вине людей Земля изменила свою ось, и огромная морская волна прокатилась по земному шару, потопив человечество.

– Нельзя же постоянно двигать науку.

– Почему же, лемурийская раса была раз в сто покруче нашей и ничего – двигали? И в те далёкие времена призыв: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», был актуален.

– Однако...

– Да, их цивилизацию, как ни странно, постигла «штатная» участь, поэтому Шамбала, как заботливая мать, содержит в себе генофонд человечества.

– А как же...

– Шары с делимыми клетками ДНК дополнительный страхующий элемент. Динозавры не озаботились о своём потомстве, и где они сейчас?

– Шамбала – условное название?

– Не совсем так. Это конкретные пещеры – храмы, где «живут люди» сомати под охраной особых людей – лам. Они следят за физическим состоянием подопечных. Убирают осыпавшиеся камни и т. д.

– Но их могут похитить и показывать как невиданных зверьков, вроде мумии Тутанхамона.

– Исключено. Прежде, чем попасть в сомати пещеру, нужно пройти испытательную медитацию. Её проходят только особые люди и то не всегда. Находясь в принуждении, они тоже не могут войти в контакт с людьми в сомати.

– Какие мы, однако...

– Да, это смертельно опасно. Прецеденты были. Сомати – пещеры, защищены целыми воинствами духов. (Елена Блаватская). Специалисты же по физике поля считают, что психоэнергетический барьер, защищающий генофонд, действует путём раскручивания торсионных полей души вороватого человека в негативную сторону. Воздействие барьера происходит на уровне тонкого мира, а недомогание и смерть, как физическое явление, является следствием этого воздействия.

– Лихо закручено.

– Да, именно закручено. Торсионными проявлениями в тонком мире является душа – энергетический сгусток в виде полей кручения. В пределах души содержится информация о функционировании астрального тела человека и о процессе его мышления. Процесс мышления осуществляется на уровне торсионных полей ментального тела души, а мозг есть компьютер, превращающий процесс мышления в нервные импульсы, руководя, таким образом, физическим телом человека. Все души являются частью Всеобщего информационного поля – Высшего разума. Посвященные могут подключаться к нему и получать знания не только нашей, но и предыдущих цивилизаций. Пространство в нашей Вселенной замкнуто, поэтому, подключившись ко всеобщему информационному полю, можно видеть прошлое и будущее.

– Растения тоже божественные проявления?

– Бог вне влияния на процессы. Он воздействует только через пророков с тем, чтобы направлять психическую энергию центростремительно – в души. Поскольку растения – часть космической энергии – у них тоже есть душа, и она тянется ко всему прекрасному, хотя и недостижимому, как, например, цветок, под названием – Кассиопея, тянется в ночное небо

в сторону созвездия Кассиопеи. На этом сеанс связи заканчивается. Желаю после окончания жизни на Земле, без помех уйти, на Тот Свет – главную древнюю родину.

После контакта с тем светом трехмерное пространство, в котором ютятся земляне, стало тесноватым для Натали. Ее как-будто неведомая сила пыталась приподнять и унести ввысь. Усилие, правда, было не очень мощным – гроздь воздушных шариков, не более того, но стремление «вознестись» всё-таки ощущалось. И, что характерно, верхняя часть туловища, где обитает сердце стремилась покинуть земную юдоль с большим энтузиазмом, чем нижняя, заполненная ливером и прочим вспомогательным материалом. Вспомогательный материал, по всей видимости, четвертое измерение не интересовал. Именно такая мысль промелькнула в голове девушки, когда она проанализировала причину конфликта с трехмерным пространством. Да и то сказать – на кой ляд параллельному миру сопутствующие атрибуты примитивного существа. Успокоившись, что все стало на свои места, где дух с телом, хоть и союзники, но все же имеют обособленные ниши в мироздании, она погрузилась в сон. Улизнула из череды однообразных событий. События, происходившие в четвертом измерении, ей и не снились. Пока...

Граф Калиостро томился. Рожденный более двух веков назад и вкусивший все прелести мирской суеты, он благополучно перешел в иной мир, где правит Бог – то есть высший разум, а не всевозможные шарлатаны, прикрывающиеся его именем. Если уж говорить о шарлатанах и авантюристах, то никакой паноптикум, вроде музея мадам «Тюссо», не вместит всю ту ораву проходимцев, что роились, роятся и будут роиться на белом свете. Да и на белом ли? Скорее – на черном. Дух, исходящий от блудных сынов, застилает смердным покрывалом не только третье измерение, но и четвертое, куда их после вакханалий волей-неволей занесло. Хорошо хоть не на должную высоту, где место для особ благородных, осанистых и знающих себе цену вельмож. С такой высоты удобно поплевывать на все ту блевотину, что при телесной жизни величала себя светлостями. Граф Калиостро зевнул. Хорошо, хоть скулы не выворачивает после подобных процедур. Дух он и есть дух. Чего тут скажешь? Очень удобная вещь – четвертое измерение. Никаких тебе проблем. Есть не надо, пить тоже... О болезнях – молчок, лишь воспоминания. Одно плохо – скука. Вон посмотришь на Ивашку Грозного, так выть хочется, хоть снова возвращайся в мирские чертоги. Там хоть можно напиться и забыться, а здесь одно средство спрятаться за

чью-нибудь тень, иначе околеть можно, а это – как минимум – упасть в осадок. Й-ух глаза бы не глядели. Как в миру упырем был, так и здесь смотрящим пристроился. Спихнуть бы его к мелюзге, да опричники не дадут. Один Малюта Скуратов – кувырало чертов – чего стоит. А вон и Тамерлан пригарцевал. Хоть и не на коне, а всё одно дергается при ходьбе, будто на хромой кобыле восседает. Тот вообще возомнил себя архитектором всех времён и народов. Из срубленных голов своих врагов «пирамиду Хеопса» построил. Нукеров нагнал, что те до самого голубого Керулена без оглядки бежали. Два друга – конь да подпруга. Свиристель и менестрель как засвистят, как заиграют – перепонки в ушах лопаются, если голова на плечах остается. А вон еще один полководец с орденом победы на груди. Правда, ордена как такого не видно, но место, где тот блеснул, сияет мертвенным провалом. Это ж надо было разработать стратегию победоносного прорыва, где каждый солдат оценивался не выше стоимости девяти граммов свинца. Миллионы бывших пахарей, направленные навстречу свинцовому смерчу, обескровили немецкую экономику вусмерть. Чем не стратег. Правда, после войны пожурили и сослали командовать военным округом, чтобы сопли не распускал, видя Кремль. Ландшафт молодцеватой

фигурой не портил. И вообще не ставил под сомнение девиз русских воителей – не числом, а умением. Три богатыря соединились вместе, известные своими проделками в разные времена. У-у, скукотища. Окинешь оком всю эту околевшую рать и хочется вновь впорхнуть в непорочное младенческое тельце и, не спеша, развивать его под сенью лип в провинциальном городке. Монстры, вроде Санкт-Петербурга, к чертовой бабушке. Там не только бабушки, но и дедушки сущие черти. Перьяносцы (не путать с оруженосцами), заслуга которых была в том, чтобы в нужные двери вовремя подпихнуть смазливую чертовку с важным государственным донесением. Мол, пусть разбираются. Авось острые углы и сгладятся. Бархатистая кожа кому угодно мозги вправит. Да-а, кожа у них действительно была что надо. У всех аристократок, без исключения. И не только у них... Граф Калиостро оттринулся от гнусного зрелища вурдалаков-специалистов по откручиванию голов и предался сладостным воспоминаниям, где шелест атласного платья предполагал наличие чудной ножки, ненароком выставленной напоказ. Ах, эти ножки. Их обладательницы заставляли глупеть не только зеленую поросль, но и сановитых мужей. Иной раз вопросы войны или мира зависели именно от красоты, чьи прелести обсуждались во всех

великосветских салунах. Там же подвергали обструкции и наглецов, дерзнувших завладеть ручкой для поцелуя раньше, чем этого требовал этикет. Так граф Калиостро с лёгкой руки одного из сановников, чьи перья на вицмундире особенно ярились, приобрёл прозвище погоняло-авантюрист. Да и то сказать – было за что. Его видели одновременно в двух-трех разных местах города или даже губернии, где он непременно предавался забавам, доводя до белого каления гусей пернатых. Такое прозвище заслуживали надутые индюки, чей авторитет в обществе держался лишь на умении держать дистанцию с вышестоящими персонами. Попросту говоря, быть их приложением. Они нутром чуяли свою ущербность и не упускали возможности подгадать человеку независимо, воротившему нос от уважаемых людей. То, что он мог дематериализоваться в одном месте и через мгновение материализоваться в другом, до их головёнок не доходило. Феномен раздвоения личности объясняли просто: тут что-то не чисто, пахнет серой и эфиром. Благо граф действительно имел к ним прямое касательство, не исключая тяжелый металл под названием ртуть, ибо хворь постыдная уравнивала всех подряд, как людей именитых, так и не очень.

Зевнув еще разок для порядка, бывший лекарь, а теперь уполномоченный от всеобщего информационного пространства, начал покле-

вывать носом. День был не хлопотный. Адептов не наблюдалось. Пропускной пункт, разделяющий параллельные миры, работал без збоя. Пока ты жив, будь добр, крутись в трехмерном закутке, а помер – не грусти – место, где обретаются рядовые сущности, всегда найдется. Граф еще разок глянул вниз, хотел уже по привычке плюнуть туда, но тут его привлекла внимание вибрация иного порядка. Энергия, исходившая по ту сторону «мытницы», была чистой, непорочной, без примеси рваных импульсов, присущих двухногим особям низшего порядка. Более того, волновой субстрат закручивался в позитивную сторону. Одно было не понятно. Ей-то что тут делать? Намётанным глазом он сразу распознал недавнюю собеседницу с дурацким телефоном. Ба-а, да она спит, а её астрал решил без ведома хозяйки прогуляться по вселенной, не ведая каким опасностям подвергается. Надо взять ее под свое крыло. Не дай Бог, попадет в поле зрения свистунов. Граф настроился на резонансную волну Натали, и вот она – то есть дух телесной оболочки – уже в его объятиях. Давно он не испытывал того чудного трепета, когда забываешь обо всем на свете. Вурдалаки с их толоконными лбами отошли на пятый или десятый план и уже казались не душегубами, а милыми шалунами. Ну, отвинтили себе подобным десятки тысяч

голов, что из того – новые вырастут. Ну их к лешему, посвистят и перестанут. Тут вон какая свирелька-пасторалька и ножки не прячет под шлейфом широченного платья. Так бы и съел пастилку. Жаль возможностей маловато, а если честно – то и вовсе никаких. Умозрительно хоть до упаду, а дальше... Жизнь, прожитая в миру, где смазливые чертовки занимали не последнее место, наложила свой отпечаток – трафарет поведения. И-эх, рано ушел на этот свет. Нужно было покоптить небо еще лет двести.

Натали – то есть ее душа – уловила флюиды незнакомого существа и проснулась. Она поглядела на свое тело, удобно расположившееся под грибком на берегу моря, и успокоилась. Матвей был рядом. Надежнее цербера не сыщешь. Мир раздвоился. Тонкая, прозрачная кисея отсекала одно измерение от другого. Прав всё-таки был Эвклид, утверждая, что параллели пересекаются. Вот они и пересеклись. Только, что за причиндалы, не успела перемахнуть через забор, а ее уже оглаживают. Да так старательно, словно она вся покрыта пупырями. А может, карантин у них здесь такой. Приводить в порядок мирскую душу.

– Добрый день, – услышала она и освободилась от затянувшихся объятий. Что-то смутно знакомое послышалось ей в интонации обращения. Ах да – уполномоченный от вертепа в

информационном просторе. Так, кажется, отрекомендовался недавний репортер. Она грациозно присела в книксене и не менее доброжелательно изрекла:

– Добрый день, – всё-таки перед ней был мужчина и довольно импозантный. Затем не удержалась и прыснула, вспомнив, как болтала с ним по телефону.

Граф был не дурак и к тому же провидец. Он оценил непосредственность гостыи и с удовольствием поддержал игривое настроение Натали.

– Уу-у-такой добрый, что и не выразишь никакими словами. Что надоела, земная маятня? Рановато. А не замутить ли нам прогулку по окрестностям некрополя. Кого тут только не увидишь, – суетился граф, стараясь увести собеседницу подальше от глаз сорвиголов с насупленными бровями.

– Вот взять хотя бы Александра Македонского. Личность колоритная, не чета этим... Спohватившись, он подхватил Натали под руку и в мгновенье ока перенесся с ней за тридевять земель.

– Это вам не жалкая телепортация, практикующаяся на земле, – добавил он, опускаясь на полуостров, напоминающий добротный кавалерийский ботфорт. – А вот и сам военачальник. Говорить о его подвигах –

некорректно, а вот, что у него глаза были разноцветные, мало кто знает. Потому он, наверное, и лупил за милую душу и желтых, и черных, и голубых. К последним его интерес был несколько иного толка, ну да, правильно древние ворчали, мол, что можно Юпитеру, того нельзя быку. Между прочим, двадцатка, что по тем временам большая редкость была. То ли дело сейчас звездолет по имени Стред погладил по головке серенького мышенка и он, не взирая на полудебильность родителей, вырастет и разовьется совершенно по иным канонам. То есть станет адекватным постоянно развивающемуся миру.

– Бедные астронавты. Им, наверное, лететь и лететь к своему Ориону. Как-то там Лоули – выдержит такой длительный перелет?

– Какой там длительный? Да им до Ориона, что до вашего Гадюкина. Созвездие как созвездие, таких множество в нашей вселенной.

– Вы говорите – вашей, нашей. Ну, положим, Гадюкиных на земле не перечесать, а вот вселенная...

– Тоже не одна. Просто земная цивилизация никак не может оторваться от планетарного осмысления своего бытия. Развитие земных цивилизаций ограничивается по принципу Эллиота, когда стремление познать новое приводит к первоначальной точке отсчета. И все

начинается сначала. Нужен новый подход в области развития энергетики. Именно в ней заключается возможность оторваться от родимой вселенной. На угле с керосином далеко не уедешь.

– Фантастика!

– Для землян – да. Для Стреда с Лоули нет. Вы заметили, надеюсь, что у их корабля отсутствуют топливные баки? То-то! Антивещество – вот их бензин с керосином вкупе. А если серьезно, то несколько граммов такого вещества заменяют эшелоны жидкого горючего.

Но Орион... Несколько тысяч световых лет. Состаришься, пока долетишь.

– Ничуть. Земные цивилизации всегда отставали от цивилизаций других вселенных в тысячи раз. Для землян скорость света является диковинкой, а для знакомых вам астронавтов не более, чем прогулка на велосипеде. В их задачу входит влиться в струю одной из черных дыр – своего рода транспортный коридор и расслабиться, пока энергопоток, превышающий скорость света в миллионы раз, не доставит их в нужную точку. Вам, девушка, нужно перескочить с квантовой механики на квантовую физику, которая в корне меняет представление о физическом мире.

– Ах, да ну вас. Покажите лучше ваш моторчик. Где он у вас находится. У Карлсона – на спине...

– А там же, где и у вас. Вы ведь со мной пересекли Европу в считанные секунды.

Натали округлила глаза настолько, чтобы показать собеседнику насколько она шокирована.

– Энергия Кундалини, сконцентрированная, прямо скажем, в самом пикантном месте у человека, является связывающим звеном с энергией космоса. Для запуска моторчика нужно настроиться на резонансную волну макрокосмоса, и вы в полете. Такой принцип используют цивилизации иных типов.

– С вами голова закручивается. Если все так просто, почему земляне до сих пор на паровозах катаются?

– Ах, паровозы... – мечтательно причмокнул губами граф. – Как я бы хотел покататься на нем, глядя из-за своего Зазеркалья, как бешенно крутятся его большие красные колеса. Не довелось. Рано сменил место жительства.

– Поменяйте квартиру. Чего вам стоит? Еще успеете с паровозиком пообниматься.

– Да, уже придется, иначе вы так и попретесь по проторенной дорожке Эллиота, не смея свернуть чуть в сторону. Нанотехнология, которой вы увлеклись, – тот же путь в никуда, как и прежние научно-технические достижения. Примитивная замена суковатой дубины на электронную. Омар Хайям четко расставил

акценты: «Тот говорит, что это ново... Но это уже было в веках».

– Не смея или не умея?

– Вы о чем?

– Вы сказали – не смея поменять тропу.

– Тут одно цепляется за другое. Не смея, потому что не доросли, а не доросли по причине закашмаривания яйцеголовых.

– Кто их так, бедненьких?

– Ботва.

– Та, что на огороде?

– Если бы... Плебисцит, чей интеллект колеблется от единицы до десяти по 30-градусной шкале разумности, заполнил все ниши государственного управления.

– Чем ниже интеллект, тем желаннее ощущение власти, особенно над «умниками». Недостаток разума представители ботвы компенсируют кипучей деятельностью – вроде изменения русла рек или, вообще, битвой с неподатливой природой. Инакомыслящих с удовольствием вырывают из «грядки». «Кивалы» кивают головой и неумеренно плодятся, заполняя жизненное пространство на земле, тут уже не до квантовой физики. Залатать бы очередную финансовую прореху за счёт суперэнергоёмкой экономики, которая рано или поздно показывает землянам козу в виде всемирного потопа.

- Вас послушаешь, так и жить не захочется.
- Вот потому Стред с Лоули, и не только они, совершают длительные командировки, чтобы устранить очередной «кувырк» земли.
- Улучшают породу людей?
- Да, только двадцатки способны получить энергию из космоса. Рано или поздно с этим придется согласиться даже медным лбам.
- Можно вопрос не в тему?
- Хоть два.
- Откуда в вас столько цинизма?
- Вы о ботве? Когда речь идёт о катастрофе – ужимки морали вне закона. – Граф умолк, уйдя в себя. Видимо, жизнь, прожитая им, не слишком-то баловала его пониманием соплеменников. Минуту спустя присущий ему эпатаж берет верх: – А давайте замутим экстраполяцию.
- Очередной комикс?
- Берите выше. Вас ведь интересует будущее? Ну, скажем, наличие детей, внуков, кем они будут?
- Интрига – ваше хобби или призвание?
- Существует такое понятие, как морфогенетическое поле, – отмахнулся граф. – Оно распространяется во времени и в пространстве. При активизации морфологического резонанса прошлое перетекает в настоящее, а при всплеске явления – и в будущее, ну как?
- Вы неподражаемы.

– По части интриг?

– И в этом тоже. Смущает деталька.

– Говорите, только побыстрее. По-моему, дух Александра Македонского начинает просыпаться, а он не предсказуем.

– Кто замутит всплеск?

– А это мы сейчас увидим. – Граф подхватил Натали под руку, и они спустя считанные секунды вновь оказались на прежнем месте. – Вот вам и ответ. Эпоха лязга военных мечей осталась где-то там, а настоящее вот оно, определено здесь. И Матвей ваш весь на виду, да и с вами ничего не случилось.

Натали с интересом рассматривала себя, словно через стекло. Вот дернулась щека – видно мурашник пробежал, а вот и гримаска обозначилась. Видать во сне сменился кадр. Да, это ж я, собственной персоной, разъезжаю в фаэтоне времени и пространства, а кучер, то бишь граф, управляет волшебной колесницей, не заботясь особенно о состоянии пассажирки. Но где будущее? Он, что-то говорил о внуках. Тут же, словно подслушав мысли Натали, граф голосом уполномоченного от всеобщего информационного пространства заявил:

– Ваш внук Владик будет двадцаткой. Ему, как и многим другим детям индиго, определена роль спасателя цивилизации на планете Земля. – Помедлив добавил: – И не забудьте закрепить на шкале времени.

«...Шкала времени, шкала времени», – с тоской повторял про себя граф, глядя как его «пастилка» вновь возвращается в свою телесную оболочку. Судя по выражению лица «цербера», процесс воссоединения двух составляющих состоялся. Дух заставил «криогенную установку» впрыснуть в кровь порцию адреналина, и вот уже глаза раскрылись – и мир красок и ощущений заполнил девичью фигуру, доселе лежавшую бревном. Она сладко потянулась и медленно встала. Метаморфоза нереальности и реалий еще некоторое время блуждала в проясняющемся сознании, пока окончательно не перешла в разряд чертовщины и не выветрилась из головы. «Вот и эта «пастораль» закончилась ничем». – Граф еще раз вздохнул и принялся прикидывать – стоит ли ему вновь воплощаться на земной тверди? Краем уха он слышал, что где-то в другой вселенной ведутся «тёрки» относительно судьбы планеты. Она, мол, и такая и сякая и, вообще, превращается в скопище никчемного биологического материала.

Не пора ли, мол, наводить там порядок? Иначе вакханалия достигнет пика, и земляне по наклонной плоскости скатятся в геенну огненную, как это уже было не раз. В какой-то мере они правы. Не абсурд ли дырывать озоновый слой ради удовлетворения примитивных потребностей. Синхронная генерация мыслеформы

миллионной толпы понуждает ученых мужей изобретать все новые виды безделушек. Все бы ничего, если бы не одно но... В мире существует простейшая, как деление молекулы, взаимосвязь между содеянным и последствиями от содеянного. Всякое ино-родное тело рано или поздно бьет самого производителя по голове. Иными словами – что посеешь, то и пожнешь... Не хитрая, на первый взгляд, аксиома является ответом на многие вопросы. Например – есть ли способ остановить процесс повышения температуры на земле. Ответ однозначен – есть. Существуют ли методы улучшения комфортности, не нарушая природного баланса? Ответ также очевиден. Вот только поиски философского камня, что ведутся с незапамятных времен, никак не могут уравнивать шансы между неумными желаниями и необходимой целесообразностью. Разнополярность устремлений каждого человека тормозит совершенствование общества в целом, казалось, Иван Бунин уже вывел на поверхность азбучную истину. Его сакральная фраза – мы мало видим, знаем, а счастье только знающим дано, произвела всплеск эмоций у гомо сапиенса, но, спустя некоторое время, школьников начали напрягать задачками – на дубе висело три яблока, одно упало, сколько осталось? Или взять для примера один из перлов

словесности: «Подгребай, надо одного мудака защемить». О маразме отдельная тема. Яркой иллюстрацией является песня, прославляющая стражей порядка: «Он один, всегда один, а за мною вся страна». Один – это правонарушитель, которого всей страной пытаются поставить на путь исправления. Не многовато ли усилий, чтобы «защемить мудака»? Вздохнув еще разок, граф окончательно подвел черту: «Рановато, еще не вечер...» Между тем за густыми туманами, за высоченными горами и за широкими далями, а если отбросить лирику, то даже не в другой галактике, а в другой вселенной, примерно также вздыхали другие особы. Предположительность смелого заключения предоставил инопланетный объект диаметром не более полуметра. Мало-вата бандеролька, но шума она наделала не меньше, чем Тунгусский метеорит. Любят внеземные объекты Восточную Сибирь. Манит их ширь необъятная вкупе с дикой природой. Что не говори, но Дальнегорск, затерявшийся на Дальнем Востоке, не назовёшь центром цивилизации, и все-таки именно он является колыбелью для зарождения новой расы (не путать с национальностью). В начале двадцать первого века над котловиной, где расположен поселок городского типа, появились несколько светящихся шаров. Один из них облюбовал симпатичную сопку, соседствующую с посёлком, и

на виду у жителей взорвался на ее склоне. После исследования места взрыва были обнаружены металлические осколки внеземного происхождения и повышенный радиационный фон. А еще вирус, который предположительно явился виновником манипуляции с хромосомами нескольких молодых пар. У них родились дети с физиологическими аномалиями. Конкретно. Между пальцами рук, как у лемурийцев, имеются перепонки.

По свидетельству одной четы их четырехлетний сын читает в совершенной темноте. Тематика книжек наводит на размышления... Максим – так звать малыша – предпочитает астрономию. Мойдодыр его не интересует. Несмотря на старания окружающих разговорить его, мальчик не произносит ни одного слова, хотя с удовольствием считывает информацию головного мозга контактеров. На лицо феномен телепатии. И главное. Его интеллектуальный потенциал равен 90 единицам. Куда там двадцаткам... Сегодня в мире насчитывается пять человек с потенциалом 40 единиц. Все они работают в военных ведомствах. Полеты продолжаются.

Как известно, жизненными процессами управляет нервная система. Нейроны посылают сигналы нервным клеткам, те, благодаря химической реакции, регулируют работу всех

органов тела – и человек живет – то есть ходит, бегают, качается на качелях и, конечно же, ест, пьёт, а ещё страшно подумать, опрометчиво влюбляется. Виолетта – девица преклонного возраста (аж 19 лет) – принадлежала к той категории людей, которым, ну, просто необходимо было время от времени кого-нибудь осчастливливать своей пылкой, с претензией на романтизм, любовью. Она не то чтобы сгорала от страсти, но не находила себе места, если очередной объект, выбранный ею для «мур-мур», как она выражалась, мягко говоря, увиливал от её притязаний. Димон – её партнер по эквилибру – и был тем самым очередным «интересным» объектом. Однако, его кредо относительно любовных интриг укладывалось в рамки известного французского романиста – преследуешь женщину, она сверкает пятками, пренебрегаешь ею, она следует за тобой. Виола, размышлял акробат, ещё не созрела для обстоятельной любви. Её притворно томные взгляды, бросаемые в его сторону, лишний раз указывают на незрелость плода. Работа, с уверенностью умудренного жизненным опытом человека, думал он, должна быть вне конкуренции, ну, а девушки...

Димон, в представлении Виолетты, слишком задирает хвост. Надо соорудить трючок, чтобы этот янычар превратился в пушистого котенка. А пока...

– Дамы и господа! Встречаем наших замечательных эквилибристов, Виолетту Несравненную и Вадима Незабываемого.

Когда на арену цирка вышла зажигательная в своём очаровании пара, зал взорвался аплодисментами. Да и было от чего. Несравненная и Незабываемый (да простят меня читатели за гиперболу) стоили оваций. Она – само совершенство природы, он Тарзан, и этим все сказано. Их походка была столь грациозной, что напоминала скорее парение, чем ходьбу по ковровой дорожке. А когда начался, собственно, эквилибр, сознание зрителей ухнуло вниз живота с тем, чтобы возобладали эмоции. В самый момент кульминации, когда «Тарзан» на лету подхватил Несравненную и закрутился с ней на трапедии под куполом, в цирке появились два безбилетника. Никто не обратил на них внимания. Потому что те, всего-навсего, просочились сквозь стены здания и тут же оказались на высоте рядом с дуэтом, исполняющим сложный акробатический этюд. Им не потребовалась лонжа для подстраховки, как и сама трапедия для выполнения элементов акробатики. Они действительно парили, пренебрегая законами гравитации, оставаясь при этом невидимками. Матвей с Натали, вернее их «оболочки», почтили своим присутствием уважаемую публику вкупе с работниками цирка. Вероятно, общение с

потусторонним миром несколько отдалило их от проблем и чаяний простых смертных, живущих простой непритязательной жизнью. Так или иначе, но, «спустившись с небес на землю», они с удовольствием окунулись в водоворот повседневных забот, не забывая и об увеселительных прогулках. Встреча с артистами цирка живо напомнила им сцену с художником и натурщицей, и, как это часто бывает, – импульсивное решение не замедлило осуществиться. Выбрав удобный момент, Натали устроила прессинг астральной оболочке артистки, стремясь завладеть её физическим телом. Но увы... Циркачка оказалась сработанной из кремня. Её оболочка не захотела уступить место непрощенной гостье. Более того, встретила натиск настоящим кикбоксингом, но в процессе выполнения сложного упражнения Виола все же ослабила сопротивление. Суть Натали плотно вошла в занятую диспозицию. Произошло взаимопроникновение. Матвею ничего не оставалось, как последовать примеру. В результате воздушные гимнасты, что называется, по ходу дела обзавелись квартирантами. Димон только напрягся пуще прежнего, но стерпел. Его накачанная фигура вместит ещё троих таких... А вот Виола на слоган «В тесноте, да не в обиде» не повелась. Она при каждом удобном случае стремилась

скинуть «шагреновую кожу», но силы были не равны. Если астрал Натали просто удерживал занятый плацдарм, то гимнастке, кроме борьбы за место, ещё требовалось выполнять умопомрачительные пилотажи, не забывая улыбаться. Такова жизнь всех артистов. Умри, но улыбайся. И, что характерно, в отличие от предыдущих выступлений, сейчас, когда в неё кто-то вторгся, Виола расщедрилась на улыбку от души. Нельзя сказать, что раньше она растягивала губы, подчиняясь закону жанра. С ней что-то произошло. Соприкоснувшись с партнёром, её охватило неуёмное желание близости с ним, а невыполнимость позыва лишь удесятирило нахлынувшее чувство. Что можно сделать в данной ситуации? Ну, конечно, вложить в искромётную улыбку всю силу любви. Да, да, именно, любви, о которой ещё минуту назад не могло быть и речи. Тот двойник, что нахраписто потеснил эфирное тело Виолетты, придал её мироощущению новый, доселе не известный виток. От инфантильности не осталось и следа. Если до «воссоединения» мир делился на несколько общевостребованных цветов радуги, и такое положение вещей воспринималось как закон бытия, то теперь общепринятость потускнела, уступив место сиянию. Зал сиял, свод купола сиял, Дима – этот бездушный мачо – сиял, и, вообще, сама

она превратилась в Юнону – возлюбленную сияющего Юпитера, поддерживающего её под локоток. Стоя на крохотной площадке в ожидании, когда ассистент «подаст» трапецию для очередного сальто-мортале, Виола вся с головы до ног пропитывалась невесть откуда взявшимся сиянием. Тарзан, в свою очередь, вдыхая аромат «зеленого яблока», исходивший от волос девушки, поймал себя на мысли, что именно сейчас, сию секунду произошло то, чему он так сопротивлялся. Бездушный мачо умер – да здравствует влюбленный мачо. Две души общими усилиями подтолкнули его на край пропасти и – он пропал... Трапеция уже летела с противоположного мостика, пущенная дисциплинированным ассистентом, – миг, и руки партнёрши должны были ухватиться за неё, но...

«Уж сколько раз твердили миру...». Так, кажется, начинается басня Крылова. А воз и ныне там... Большинство людей, наблюдая за влюбленными парами, преисполняются долей скептицизма. Мол, играют на публику. А на самом деле ацетилхолин возбуждает сердечную мышцу, отчего бедняжка начинает трепыхаться. Элементарная химическая реакция – как при подкормке редиски калийными удобрениями. Не более того. А потому скептик спокоен, пока заноза неизвестного происхождения не поразит его самого. Так было при жизни Крылова и бог

весть кого. Так оно есть, и так будет. Природа человеческая уникальна, потому что уникально взаимодействие рецепторов с нервными клетками. А редиска... А чем она хуже?

Итак трапеция... Да Бог с ней. Уж слишком медленно она приближалась и не мудрено, что опоздала. Её предназначенье слишком утилитарно. Неприкаянно коснувшись артистов, она так же неприкаянно в своём одиночестве откачулась назад, где и была поймана таким же одиноким помощником в цирковом аттракционе. Всё в этом мире теперь не имело никакого значения. Полеты под куполами подождут. Впереди главный полет...

«Что же это происходит? На самом пике представления – коллапс. Ни взад, ни вперед. Мы так не договаривались». Астрал Натали начал лихорадочно вырываться из намертво зажатых тисков. Взаимопроникновение явилось чистой воды ловушкой. Два астрала или, вернее, две души являли собой сиамских близнецов, и, если один из них в данный момент был преисполнен прагматизма и думал как разорвать путы, то другой пребывал вне аналитических рамок и изменять что-либо не собирался пока...

Влюбленные находились друг от друга на расстоянии одного удара сердца и, когда удары совпали, физиология Виолетты, как у всякой

молодой самки, не посмела воспротивиться природе. Она тут же расслабилась, чем и воспользовалась «квартирантка». Пробка от шампанского выстреливает так же, получив свободу. Суть Матвея практически не испытала существенных затруднений. Как пришел, так и ушел. Подхватив изрядно потрепанную подругу под «крыло», он заложил крутой вираж, не выпуская из вида влюбленную пару, у которой (по всему было видно) пароксизм прошел, и они снова, как и пару секунд назад, радовали зрителей вольтижировкой. Устыдившись своего некорректного поведения, «планеристы» покинули увеселительное заведение и в некоторой растерянности укрылись за невесть откуда появившимся облачком. И плыло то облачко, куда ветер подует. На север хорошо, на запад – еще лучше. Это вам не перекотиполе. Где там... Никакого сравнения. Кувыркающийся кустик имеет своей целью внести в землю семя, что, конечно, похвально, но в концептуальном смысле – мелковато. Если облачко, поднатужившись, не польёт семя, то, как ни крутись, ничего не выйдет, кроме пшика. А еще, если от физики перейти к лирике, – то кто, скажите, хоть раз воспел колючку? То-то! А облако во все времена являлось средоточием вдохновения людей высокого поэтического полета. А если

кому-то удастся оседлать косматую субстанцию, как, например, Матвею с Натали, то и цены ему нет. Так бы и плыл себе ковер-самолет, подгоняемый неспешным ветерком, совершая в положенный срок ритуал круговорота воды в природе. А что? Всё просто. Увеличилось в объеме, огрузило и... Нате вам – умойтесь. А семя напьется, то благодарности... Так и норовит, превратившись в стебель с зелеными крылышками, дотянуться до благодетеля. Ни о чем таком возвышенном пассажиры «ковра-самолета» не рассуждали. Более того, утомившись «взаимодействием» в чужем теле, спали. Эфемерная постель, как нельзя лучше, подходила сотканным из «невесомости» телам. Оторвавшись от земли, они тем самым обрели настоящее отдохновение, ненарушаемое никем и ничем. Полное забвение. Людской муравейник с ничтожными страстями не нарушал покой. Сон, как таковой, несколько отличался от земного. Там, внизу, хочешь ты того или нет, ночью обязательно приснится какая-нибудь абракадабра. Ведь ты возвращаешься в социуме – фу, слово то какое – будто помоями облили. Вот и, будь добр, смотри «кино», пропущенное через призму сообщества, со(о) племенников и прочих соо... Тут же, на облачке, как во сне (вот же привязка), ну, конечно, во сне появился неожиданный персонаж – Конфуций. Вот только

вокруг головы у него почему-то желтел нимб, как у Христа. Ну, сон, что с него возьмешь? Почему, именно, Конфуций? Ведь на лбу у него не написано. Да, по изречению – умный человек без образования очень опасен; стало ясно, кто речет истину, а когда добавил – образованный дурак опасен вдвойне, сомнения отпали. Матвей с Натали, как держались за руки, вылетев из цирка, так и остались рукосоединёнными. Изречение мудреца восприняли синхронно-благожелательно. Что ни говори, полет без телесной оболочки – дело тонкое, разнокалиберность восприятия волновой энергии нецелесообразна. Умилившись прелюдией китайского мыслителя, они приготовились слушать. Ведь так не бывает – сказавший «А» да не скажет «Б», и не ошиблись.

– Все мировые процессы тяготеют к свободе, – отскакнул от первоначальной максимы Конфуций. – Высокоразвитая материя не вся довлеет к свободе. Большая её часть по субъективным причинам не желает входить в круг явления независимости. Ей больше импонирует состояние подчинения утвердившимся законам. Уклонисты от свободы считают законы осознанной необходимостью. По их понятиям – неподчинение законам парализует стремление к истине и способствует

усилению эманации, тормозя развитие личности, не позволяя, однако, ей выйти из рабского бытия.

– Но, как же так? – Слабо шевельнулась мысль плохо осознаваемых себя в роли слушателей Матвея и Натали. Впрочем сон и на облаке сон.

– А вот так, – скорее соглашаясь с самим собой, нежели отвечая на вопрос оппонентов, заявил философ. – Состояние свободы не каждому по силам. Рабья психология, хоть и менее симпатичная, более как удобна. По течению плыть комфортнее. Свободу же требуется всегда защищать от мира, перенаселенного конформистами, ибо свобода подразумевает воображение, что является одним из путей перехода из одного измерения в другое. Конформизм был и остается причиной рабства, усреднённости. Свобода, в отличие от рабского состояния, есть неприятие мировой данности. Быть ничьим человеком – что может быть лучше? Человек своей истины – вершина свободы. Лишь на периферии сознания соприкасаться с обыденным миром.

«А мы и сейчас конформисты, – приютилась сумрачная мыслишка у пассажиров «ковра-самолета». – Ветер туда, ветер сюда, а мы адепты осознанной необходимости лишь подчиняемся воле объективного мира. А, если

переосмыслить тезу мудреца: «Кто близ небес, тот не сражен земным...»*. Мы не есть делимые клетки в настоящее время. Нами не управляют объективные факторы субъективного социума – «фу, мрак». Мы являемся эфиром, растворившимися в первозданной среде. Истины, что эксплуатируются на земле в соц., то есть в среде обычных людей, не преподносятся нам «мамкой», слово которой закон. Истина мы сами, а что – вполне приемлемый алгоритм. Ты китайский реликт – весь из себя бобо, хоть и нагнал туману полную тундру, впредь свои речения адресуй гламурным девицам. И, вообще, не пора ли потихоньку отмазываться от конфуцианского духа. Уж больно благоухает синтезированным благолепием».

А в это время, презрев все мыслимые и немыслимые законы, испарывая, словно гигантским ножом воздушный океан, летел лайнер. На его борту творилась своя истина. Многочисленный персонал был занят прослушкой эфира по периметру всего земного шара. НАТОвская программа АВАКС набирала обороты. Она стирала грань между физическими и метафизическими явлениями. Полет, как таковой, носил чисто субъективный характер.

---

*Михаил Лермонтов.

Влюбиться в Божество

Люсина сидела посреди огромного стола и изо всех сил старалась не вертеть головой. Так было приказано: «Сиди смирно, а то упадёш». В комнате всё было огромно – окна, двери, платяной шкаф и висящая на стене картина, на которую она, нет-нет, да и поглядывала, этак, исподлобья, помятая приказ: «Не вертись, будь умницей». Маленькими веществами-существами были лишь она сама да две маленькие мышки, вынырнувшие неожиданно из норки в углу комнаты. Потешно передернув остренькими носиками, они, убедившись в безопасности, юрко припустили вдоль плинтуса. Пигалицу на столе они явно проигнорировали. «Видали и не таких...» Люсина, обнаружив ушастых шустриков, зашлась восторгом:

– Гули-гули, уля-уля, фысь, фысь, – гомонила она.

На этом её речь иссякла. Исчерпав запас слов, Люся принялась неуклюже аплодировать с целью привлечь к себе их внимание, но пушистики, не оценив призыв взбалмошной кулёмы, прытко исчезли под шкафом. Вздохнув по-взрослому, «кулёма» посмотрела на картину,

как бы ища сочувствия со стороны. На холсте была изображена мадонна с младенцем. То, что юная девица была богородицей с будущим спасителем на руках, ей ещё предстояло узнать. Узнать и пересечься. А пока... Это было недавно, это было давно...

Людмила Васильевна сидела перед монитором компьютера и замороженно созерцала фотографию темноволосого, с претензией на восточный тип, молодого человека. Его возраст был ни много, ни мало – два десятка веков. Солидный. Однако, по выражению лица и особенно глубинному прищурю глаз, невозможно было представить – или, если хотите поверить, – что визави взирает на вас из глубины веков. А всего-то и надо было, чтобы американские учёные взяли на анализ кровь с плащаницы и по ДНК составили портрет Иисуса Христа, используя компьютерную графику и цифровую технологию. Тогда, сидя на столе и ещё будучи Люсиной, Людмила Васильевна впервые в жизни соприкоснулась, как принято сейчас говорить, с паранормальным явлением. В проёме огромного, по тем меркам, окна явилось видение, слегка размытое лицо которого, как две капли воды, было похоже на персонаж картины, висевшей на стене и известной всему миру. Осознать значимость факта малявка, конечно, ещё не могла, но в

подсознании божественный промысел засел крепко. И сейчас, по прошествию многих лет, реальность того феномена вставала перед глазами чётко, подтверждая лишний раз о существовании непроизвольной памяти. Всё бы ничего, но с некоторых пор Людмила Васильевна стала замечать в себе тягу к оккультным наукам. Дальше больше... И, что характерно, её как будто подталкивали ненавязчиво к сакральным знаниям, а гуру был образ, возникший в окне, из далекого детства. То видение являлось вдохновляющим началом к решению не сформировавшейся ещё до конца задачи. Знакомые вначале удивлялись её способностям ставить диагнозы, не идущие вразрез с официальной медициной, а потом стали просить о помощи. Причем, она не советовала принимать снадобья по схеме – болезнь – микстура, как это принято у терапевтов. Придерживалась принципа Бадмаева, где во главе угла был человек, а всё остальное, включая напасть в виде заболевания, являлось сопутствующим фактором. Фактор он и есть фактор. Причиной сбоя организма могла быть как не подходящая пища, так и фаза Луны, а ещё, казалось бы, мелочь, – желание жить, а не тянуть лямку – «жить-то надо». Кому надо? Для чего надо? Доходило до курьёзов. К ней, однажды, обратился профессор от медицины.

Видно свои методы исчерпал. Закончилось тем, что стереотипы медицинского светила стушевались перед прагматичностью матушки природы. Клетки, они хоть и не имеют права голоса, но делятся, не взирая на авторитеты. Будь ты хоть сам Гиппократ, но не мешай пресловутым клеткам суетиться так, как они хотят, и обмен веществ заплатит тебе сторицей. Подъезжали к ней и с амурными недугами, жаловались на сердце, пронзённое стрелой. Людмила Васильевна в таких случаях отсылала больных по другому адресу, ибо подобные хвори лечить не умела, да и не хотела. От прежнего брака у неё остались лишь неприятные воспоминания, да входящая в «возраст» дочь. Та, наблюдая за потугами матери «исцелить человечество», криво ухмылялась. Не верила она в басни, что можно путём занюханной травки да медитации вылечить соседку, не отходящую от плиты. «Ой, спина, ой, ноги, ой, геморрой...». Мать соглашалась с ней и, более того, наставляла: «Каждый орган имеет ограниченный ресурс жизнеобеспечения организма в целом. Употребил в течение жизни энную кучу корма и... на «покой». Иными словами, качество и срок жизни зависит от съеденного количества пищи за единицу времени. Плюс психосоматический настрой. Все иное от лукавого. Твоя соседка смешивает сомнительно полезное с приятным,

только и всего. А вообще-то каждый человек несёт свой крест, и что сеет по жизни, то и пожинает. Дочь отчасти соглашалась, но приводила иные доводы из чувства противоречия. Сама Людмила Васильевна книги Похлёбкина не имела. Довольствовалась, что называется щами да кашей. В основном, постными. Плилу воспринимала как необходимое зло. Завидовала «людям солнца» да инопланетянам, у которых и желудок-то, по её сведениям, отсутствовал. Посмокчут какую-то там пилюлю во рту и весь кулинарный изыск. Чем не жизнь? А если по правде, боялась через недоброкачественные продукты иметь проблемы со здоровьем. На ехидные подначки – «желаешь сто лет прожить» – реагировала спокойно, снисходительность не показывала, только удивлялась ограниченности умишка. Сто ни сто, думала она, разглядывая продукты в витрине магазина, но вот эту бяку я брать уж точно не буду. Интуиция подсказывала ей, какой вид товара съедобный, а какой просто отравя. Ошибалась редко. В основном, когда расслаблялась, на всё махнув рукой. Отламывая за завтраком чёрствый ломтик чёрного хлеба, сдобренный кусочком свеклы или моркови, сторонница упрощёнки кухонного мастерства представляла себя в экстремальных условиях, скажем, на Луне или, на худой конец, на необитаемом острове, где горбушка чернушки была бы на вес золота. С этими мыслями скромная

трапеза превращалась в пир на весь мир. Ах, какие мы однако. Всё-то нам трын-трава и на дворе дрова, усмехалась она, допивая остывший чай. На задворках сознания Людмила Васильевна готовила себя к жизни в четвертом измерении. Ведь там все наши сегодняшние пристрастия окажутся не у дел. Попросту не состоятельными. Всего-то очередной квантовый скачок ожидает человечество. Переход в иной энергетический мир, где материальные ценности и привязанности к привычным вещам потеряют актуальность. Занимаясь медитацией, она с каждым днём всё более успешно усваивала навыки определения интеллектуального потенциала человека. Критерий оценки измерялся в тривиальных цифрах. От ноля до тридцати единиц. Иными словами, шкала градуировалась от дауна до богочеловека. Причём цифровая индексация подразделялась на подсистемы, поскольку каждое полушарие головного мозга могло функционировать асинхронно, что следовало учитывать при подборе коэффициента среднего показателя. А ещё не мало важное значение имело так называемое зеркало души, измерявшееся по десятибальной схеме. Имея высокий индекс умственного развития, человек с заниженным зеркалом души мог быть ущербным в моральном плане, а значит – отсеивался от плеяды «ботанов». Вот такими химерами была занята голова канди-

дата в адепты перехода в мир, где состояние материи может приобрести новые свойства. Как-то незаметно «подкатило», другого слова не подберёшь, – ясновидение. Уж тут, решила Людмила Васильевна, без божественного провидения не обошлось. Прослеживалась прямая связь призрака в оконном проеме из далекого детства с сегодняшним днём. Вознесение! В этом слове заложен сакральный смысл. Пришлось потупить взор и облачиться в тогу избранницы всевышнего. Обнаружив надчеловеческую способность, новаявленная ясновидящая, как бы, поперхнулась. За что ей такое?.. Людмила – людям мила. Только-то и всего? Да мало ли Людок бегают по белому свету? Если всех награждать особым даром – в глазах зарябит от светлячков.

«Предназначение». Слово высветилось в памяти само собой, разъясня недоумение. А дальше пошла мистика – сенситивное состояние, сходное по глубине восприятия астрального мира с состоянием самадха, практикуемым йогами. Она поплыла... постепенно теряя ощущение тела.

Перед внутренним взором открывались картины далёкого прошлого.

Разношёрстная группа людей в экзотическом для сегодняшнего дня одеянии окружала смуглого, среднего роста человека, говорившего на непонятном ей языке. Вот он поднял

руку, и толпа притихла. Затем, видимо, фраза оратора всколыхнула сознание слушателей, и они загалдели, энергично размахивая руками. Действо продолжалось некоторое время, пока картинка не сменилась. Теперь монаршего вида человек, сидя на вычурно изготовленном кресле, гневно бросал недавнему оратору грубые реплики. Поведение сатрапа не обещало слушателю ничего хорошего. Звали сатрапа – Понтий Пилат. Сенситивно углублённая йогша поняла это, не выходя из транса. Именно Понтий питался эманациями притесняемого до самой Голгофы. Слой иерархии астрального мира сменился. Знакомая картина – плащаница. Она же «космодром». С неё произошло вознесение Христа. Время летит неудержимо. Тысячелетия без труда уместились в калейдоскопе событий, время от времени оставляя веку для пристального внимания. От строительства пирамид до высадки на иную планету маятник времени качнулся несколько раз. Достаточно, чтобы монитор ноутбука погас... Очнувшейся от фантазмагии женщине пришлось вновь его включить. Высветившийся человек из ирреального мира ожил. Для женщины, пребывающей в другом исчислении времени, он был современником, и ... она его любила, несмотря на всевозможные планетарные передряги.

Золотой берег

Тот, кто рождён был
у моря...

Леонид Утёсов

«Тот полюбил навсегда», – в такт тряски трамвая, катившему по Люфсдорфской дороге в сторону Фонтанки, подпевал про себя давний почитатель Южной Пальмиры. Тирхаясь в толпе вагона, он в приподнятом настроении приобщался к атмосфере духа большого города. Целый год – шутка ли, не был здесь. Не вдыхал бензиновые пары иномарок, гарь от трения железных колёс о рельсы, да мало ли...

Татьяна Васильевна – хозяйка большого дома, обрамлённого виноградником, казалось, только и ждала гостя. Всё-таки на дворе бархатный сезон. Отдыхающий люд пошёл на убыль. Непродолжительные сборы, и вот, наконец, кривая, неказистая улочка с громким названием «Золотой берег» вьюном выводит моремана к самому синему в мире...

«Ба-а, а, берег-то того... в действительности всё иначе, чем на самом деле...» – так прокомментировал бы Сент-Экзюпери, оказавшись

здесь. Сан-Франциско. От былого дезабилье осталось лишь одноимённое с улочкой название. На смену догматической однозначности явился его величество модерн. Он небрежно задвинул совковый соцреализм в задний угол и победоносно заявил о себе как о новом явлении чуда народу.

Вальяжные каменные Львы с шикарными шевелюрами и кошачьим изяществом милостиво приглашают гостей спуститься с парапета на пляж. Детвора, конечно же, суетливо взбирается на спины симпатяг и пытается ускакать неведомо куда. Фонтан, журчащий меж львами, несколько остужает их возню. Весь антураж побережья выполнен в золотом цвете. Цвете, символизирующим богатство, процветание и раздольное веселье. Любой отдыхающий быстро и без сожаления расстаётся с грузом повседневных забот и безоглядно вовлекается в особую атмосферу легкости, граничащей с бесшабашностью. «Море... а, что море? По колено». Быстро разделся, быстро подбежал к набегающей волне и... поплыл. «Ау! Где вы там, осточертевшие своей обыденностью, денёчки? Вы где-то там... а я у моря». Лёгкий бриз и прохладная вода напрочь стирают воспоминания о разлинованной по графику жизни. Плюхнувшись на песок, его воспринимаешь не обычным минералом, а несомненно –

жёлтым бархатом. Душевная приподнятость предрасполагает называть вещи в превосходной степени. Взять хотя бы пирс. Вроде бы заурядное сооружение, но, ступив на него, ты уже виртуальный капитан дальнего плавания. Ведь, если смотреть вперед, то там вдали, где смыкаются небо и вода, воображение рисует волшебные острова с туземными темнокожими ставридками, которым местные дикари надоели до чёртиков. Отрешившись таким образом от мира сего, не слишком-то хочется в него и возвращаться. Но – жизнь есть жизнь... В самый неподходящий момент «рыбка местного прилива» беззастенчиво нарушает сладкую иллюзию:

– Красиво, не правда ли, – шевелит она «плавниками», искоса поглядывая на моремана.

Мореман, ещё не отойдя от грёз, отвечает подчёркнуто холодно:

– Ничего особенного. H_2O взаимодействует с азотом и кислородом. И вообще, скоро море вновь, как и миллиарды лет назад, превратится в первобытный бульон, где вылупилась первая клетка – прародительница Содома и Гоморры.

– А что будет с нами?

– Что будет, что будет... с амёбами забулькаем за компанию.

– Занятная перспектива.

– А что делать? Люди не хотят быть ответственными за то, что живут в этом мире. Сокрушают всё, что подвернётся. Болото – так болото. Горы ещё лучше. Космос в кладбище превратили – этаким элитный пантеон. Поближе к Богу. Кинутый на погибель Арал выглядит мелким текущим эпизодом в кипучей деятельности в борьбе с неподатливой природой. Светлые головы неустанно «совершенствуют» среду обитания, игнорируя галопирующий прирост населения планеты. Каждый новый миллиард «гомо – можно без сапиенса» торжественно отмечают с тем, чтобы на другой день изыскивать средства для возможности уничтожения себе подобных. Это называется – поддержание биобаланса на конкретной территории.

– Жуть, какие тараканы водятся у вас в голове.

– Не нравятся тараканы? Можно сменить розу ветров. Как вы относитесь к духовному стриптизу? Искусство приносит бонусы вашему мироощущению?

– Яволь...

– Однажды, я наткнулся на любопытное полотно. Мазилка Пикассо настолько поглумился над чувствами любителей живописи, что взял и поменял местами у своего персонажа большой палец на ноге с мизинцем. Как вам дядя фраер и его понты?

– Он, в натуре, был опьянён от хорошей жизни. – Девушка кокетливо посмотрела на собеседника, затем продолжила: – А, что до понтов... Незаурядный человек имеет право немножко похулиганить.

– Судя по фейсу, хулиган был выпечен из муки грубого помола. Иногда, правда, он исправлялся и лепил вещи сносные, но натура его немного подгуляла и ожидать от кривого дерева румяных плодов – пустая трата времени.

– О вкусах не спорят. Не посоветуешь ведь извращенцу полюбоваться лубочными картинками.

– Сага о марципанах и свином хрящике. Глазунов не поведётся на вкусы толпы. Он каждую волосинку на руке выписывает, будто от этого зависит – жить ему или умереть. Его естество не допустит родить, хотя бы на холсте – даунито-хромосома.

– Порода не позволит.

– Мы плавно скатились с горки абстракционизма в ложбину субъективизма с последующим переходом на личностные ценности.

Произнося пространственный монолог, девушка конвульсивно подпернула (может быть, ей это показалось) сползающие плавки.

– Если так пойдёт и дальше, наши тёрки могут перерасти в международный форум. А, что! Аудитория, вот она. Чем не зал заседаний? –

Она широко развела руки, охватывая обширную территорию пляжа с отдыхающими.

Мореман покрутил головой, давая понять, что принимает правила игры:

– Не плохой полигон для обкатки идей, – подытожил он. Затем подошёл к рыбаку, который ковырялся в прикорме для рыб, – наверное, искал вчерашний день.

– А что за звери тут водятся?

Мужичек насаживал живую сегалетку на крючок. Привычным движением взмахнул спиннингом. Вопрос явно проигнорировал, как и самого вопрошающего. Всё его поведение говорило: «А не пошёл бы ты»... Типичное отношение местных жителей к отдыхающему люду. Пренебрежительно равнодушное. «Толчётесь, мол, в лохани (прибрежной акватории моря) и продолжайте в том же духе»...

Девушка прыснула. Ей была знакома картина. Да и мореман особо не обольщался теплым разговором. «Не первый год замужем». Никто, ни на кого не остался в обиде. Этаким обоюдодоураивающий паритет. Дофенизм называется. Менталитет – штука тонкая. Это вам не азиатчина какая-нибудь. Не Сингапуры с Куала-Лумпурами, где, надо же, за плевок-сморчок на улице можно схлопотать штраф в 500 долларов. То ли дело дома: подошёл к тополию, справил нужду по-малому (можно и

по-большому), обтряс «прибор» об дерево и пошёл себе далее – вершить дела...

– Ну, скажи, Иваныч. Что тебе жалко? Видишь, товарищ изнывает от любопытства. – Таким образом, собеседница моремана обозначила себя. Статус одесситки – это вам не хухры-мухры.

Иваныч снизошёл:

– Сарган. Только тут нарисовалась одна плешь. Рыбку эту уже можно заносить в Красную книгу. Года три назад я её брал, а теперь пытаюсь поймать, и всё более безуспешно. А всё из-за тех – «нерасфасованных». – Он недовольно мотнул головой в сторону белоснежных моторных яхт, что густо стояли в километре от берега.

Сетования рыбака можно понять. Яхты все, как одна, стояли бортами к берегу. Почему? Вопрос на засыпку. Только не для Иваныча. Он точно знал – за другим бортом рыбу берут...

А так, как ещё с совковых времён обыватель привык к слову «дают» и не более килограмма в одни руки, то дух принципа справедливого распределения живёт до сих пор. По его мнению, из-за «тех хапков» ему теперь и пресловутый килограмм не перепадает. Его «вальс бостон» на пирсе со спиннингом не что иное, как попытка догнать убегающий горизонт былого форта.

– А может, это дельфины подсуетились? – Мореман, полон понимания, и в то же время,

хоть как-то, пытается оправдать «турбовентиляторных хапков».

Иваныч уставился на «заезжего» как на недоразвитого. Затем сделал подсечку и закрутил бобину спиннинга. Вскоре на выщербленной столешнице волнолома затрепыхалась, искрясь серебром, узкая змейка. Предмет не лишний в хозяйстве. Сарган так сарган. Чего скулить. До кефали руки не доросли.

– Дельфины, говоришь? – После удачи голос рыбака заметно потеплел. – Так их давно уже съели. – Он снова профессиональным движением отправил наживку с сегалеткой в открытое море, с тем чтобы сварганить товарообмен – бартер называется. – «Ловись рыбка большая, а маленькой у меня хоть отбавляй, а кончится – новых черпанем». Подрывка – такая мелкочейстая сетка-растопырка всегда под рукой. Еще при Никите Хрущёве и съели, – продолжил развивать тему поборник бартера. – Тогда тоже умников было пруд пруди. Какие-то затруханые чумаки из министерства подсчитали (вроде, как подглядели), что каждый дельфин сжирает в среднем пять килограмм рыбы в день. Караул! Лови его. Подрывает социальную экономику. На мыло его. И понеслось... Шум в газетах, шум в портах – от винта... И всё. Властелин морей, что называется, склеил ласты. А те, что поумнее были, – сбегали к туркам.

На этом можно было бы и поставить точку, да ждатель, когда закрома Родины начнут ломиться от халявного продукта, но... Сначала, как-то незаметно, ставридка начала хвостом крутить, затем скумбрия увильнула, а за прочую фауну, вроде кефали и осетровых, как-то и говорить не хочется. Не принято у нас вспоминать осетровых. Табу. Что-то разладилось в доме Облонских, – блеснул эрудицией рыбачек.

– Есть мнение.

Девушка, не принимавшая участие в рыбной полемике, напомнила о себе.

– Дунай – это сонная артерия, – начала она, – воспетая когда-то – «где чей подарок», и есть тот подарочек для живности в Чёрном море. Я откидываю техногенку. Её уже давно воспринимают как необходимое зло и только. Ванишь! Вот где «подарок». Моющими средствами завалена вся Европа. «К цветку цветок сплетай венки...» – поётся в песне. Дунай – река величаявая. Со всех окрест вбирает в себя всё, что ни попадя, и неторопливо гонит обогащенные разноцветьем воды к самому синему в мире. Так, что дельфины вкупе с нерасфасованными – мелочи жизни. Зри в корень, Иваныч.

– Сегодня приду домой и скажу мормоне: «А ну, старая, выкидывай все свои порошки. От них рыбадохнет». Да она меня из дома выгонит.

– Вот так все. Тихо, мирно полощем своё бельишко-барахлишко и незаметно всё глубже зависаем в болоте. Не пей, братец Иванушка, водицу из копытца, козлёнком станешь...

– Во, во! Давно уже окозлились. – Мореман тоже решил внести лепту в обустройство мира. К тому же симпатичная «Нимфа» в купальнике вдохновляла его на красноречие: – Есть варианты, – в тон «Нимфе» начал он. – Вздохмаченные мысли, – что делать, были на слуху во все времена. Человек – это звучит гордо – апофеоз значимости прямоходящего канул в лету... Гётевский «смешной божок земли» тоже не очень... Кто поможет страждущему найти то, чего он и сам не знает? Гений, отзовись. Приди к нам с доброй волей и правь нами. Но не торопится гений, и потому в мире правит бал конгломерат под названием – демократия. Принцип общественного обустройства – выдвигание наверх «сливок общества», чтобы через них управлять электоратом. Кукловоды озабочены тривиальными проблемами: «Как наиболее эффективно, – с их точки зрения, контролировать государства с демократическим строем?» Ответ самоочевиден: «Только через энергоносители». Кто на кон..., то есть на трубе, – тот и пан. Иные скажут: «Туфта всё это». Бзик власть имущих. Пусть их... оттянутся и перестанут. На самом деле, не всё

так просто. Довольно часто посиделки на трубе заканчиваются плачевно не только для конкретного региона, но и для планеты в целом. Взять хотя бы Мексиканский залив. Авария на нефтяной платформе изменила маршрут Гольфстрима – тёплой реки, отапливающей половину земного шара своим течением. Теперь Северное море разбавляют рассыпавшиеся ручейки былой «печки» холодной водой и... всё. Последствия? Вполне предсказуемые.

– Без нефти тоже кайф не словишь. И так хорошо, и так не плохо – как в известном анекдоте.

Иваныч в очередной раз сделал подсечку, но не удачно. Свежая сегалетка, притороченная на крючок, отправилась в своё последнее плавание.

– Холодный ядерный синтез – давно разработанная технология. Чем не печка? Но воз, как говорится, и ныне там... Слишком много возни и слишком малая отдача на единицу энергетического объекта. Мировым тузам сучить «дрыжаками» из-за мелочёвки не пристало. Ещё задвинут в тень конкуренты и вся любовь. А как же власть? Ведь это единственная ценность для власть имущей гидры.

– Лучше не думать об этом. Меньше знаешь – крепче спишь. Моя мормона вообще к телеку не подходит. У неё аллергия на х...ту и суету, как она выражается. Толчётся на кухне, и вся песня о Нибелунгах.

Рыбачек опять блеснул эрудицией. Видно время от времени у него открывается некое окно в подсознании, и он туда заглядывает.

– Бациллоу пох...изма заражена не только ваша жена. Увы, и ах... Народные избранники демократического общества, не успев отойти от эйфории после выборов, тут же подхватывают модную ныне болезнь. Амнезия – «таков расклад жизни» рефреном звучит слоган в их тусне. Какой Ванишь, какой Гольфстрим? Тут начинается свой локальный «стрим», плавно переходящий в экстрим. Аббревиатура РОЗ лучшее тому подтверждение. Она успешно затмевает все глобальные катаклизмы.

– РОЗ – наворот, связанная с цветами? Каждому человеку присуще чувство прекрасного, возвышенного, а если это женщина...

– О, да-а... Расшифровка, правда, не очень поэтична: распил – откат – занос, но зато впечатляет. Жаль, нет с нами Владимира Высоцкого. Не дожил, к сожалению, до дерзновенного, сногшибательного времени. Его восхваление жирафа сродни хулиганству писающего голландского мальчика. Но! Не всё так плохо. Вопреки повальному увлечению «экстримом» из недр народных масс пробиваются ростки созидательной программы. Народные умельцы, подвизающиеся в НИИ, смогли оседлать нанотехнологию и теперь грозятся накормить

семимиллиардную, вечно жующую, толпу грязью... – Мореман испытующе посмотрел на слушателей, коих собралось уже не мало. Отдыхающие – народ любознательный. Полезное с приятным не прочь совместить. Дома или на работе подобное словоблудие обычно пропускают мимо ушей, но тут – на многолюдном пятачке – атмосфера иная – «инфернальная», мог бы сказать философ. Что и подтвердила молоденькая хохотушка. Она рассыпала серебро своего нежного непрокуренного голоса по всему побережью.

– Остановите Землю. Я умру, – хваталась она за бока.

Земля, возможно, и не прислушалась к её призыву, а вот что касается Солнца... оно явно было в ступоре. Не двигалось и всё тут.

– Во мужик задвинул фуфло.

Пошли прения.

– Ничего он не задвинул, – возражал кто-то другой. – С грязью он, конечно, немного того... для куража. Почва и воздух, что используют растения, вполне пригодны для производства продуктов питания. Нанотехнология – вещь приятная во всех отношениях. – Правильно я рулю?

Мореман ответил на рукопожатие и, подойдя к краю пирса, тунцом ушёл в воду.

2011

Другая планета

Человек всегда старался постичь неведомое. Это суть природы прямоходящего. Каждый отрезок истории мироздания отмечался тем или иным знаковым открытием. Будь то колесо, изобретённое пытливым умом нашего пращура, или паровоз, который без того колеса, конечно же, далеко не мог укатить. Связующие звенья исторического развития всегда сопровождались революционными скачками. Как правило, такой путь развития в корне изменял условия жизни человека. Двадцатый век особенно преуспел в глобальных преобразованиях науки, техники и сознания населения планеты по имени Земля. Кажется, ещё вчера диалог седока с кучером пегой кобылы о дороговизне овса имел место в лексиконе народов, населяющих одну треть данной планеты, а сегодня... Ты где там, мужичек в лихо заломленной шапчёнке, не разбери какого цвета? Отзовись. Но молчит мужичек. Молчит, потому что отмерла целая ветвь родословного древа миллионного летоисчисления.

Канула в лету, как принято говорить, эпоха размеренного образа жизни. С самоварами, кочегарами и жасмином под окном.

Правда, жасмин упомянут для метафоры, и всё-таки за окном другие дали, другие ориентиры. Хотя из окна Циолковского сегодняшние признаки великого взрыва в науке уже просматривались. Более того, своим упорством двигать эту самую науку, он напрягал ленивую рать учёных мужей, почивавших на ранее заслуженных лаврах. Подстёгивал их мыслить более продвинутыми категориями, совершенствуя технологии во всех сферах общественного бытия. На овсе далеко не ускачешь. Появилась другая энергетика, другие ямщики...

Теперь вместо цены на овёс звучат другие перлы. Баррели, топливо для ракет, мегабайты, обитаемые миры... Современные учёные ведут полемику о возможности или невозможности безлунного периода в истории человечества. Наряду с теоретическими изысканиями вчерашний Ванька, погонявший тощую кобылу (не в коня корм), оседлал монстра по имени «Аполлон», который со свистом переместил его к иной планете. Название экзотической тверди – Луна. Посмотрим, что же ему там понадобилось? Одни говорят, – гелий, за грамм которого дают больше миллиона долларов, другие – недоработки предыдущей экспедиции, а третьи:

«Авантюристы когда-нибудь переводились?»
Захотелось попинать мячик на чужом поле. Так или иначе, но 21 июля 1969 года «Аполлон-11», презрев всемирное тяготение и пересуды землян, доставил астронавтов на окололунную орбиту, а уж модуль, этакий отпочковавшийся супер-лифт, «спустил» любителей футбола к «Морю Спокойствия», аккуратно на край кратера под кодовым названием Сабин Д.

Вскоре Армстронг – один из астронавтов – взволнованным голосом сообщил: «Хьюстон, говорит База Спокойствия. «Орёл» прилунился! Мы находимся на территории Моря Спокойствия».

Хьюстон: «Морю Спокойствия. По нашим контрольным данным, ваши системы работают нормально. Пыль, поднятая двигателем посадки, оседает, видимость улучшается».

Не выходя из кабины, астронавты наблюдают обстановку на Луне и описывают её.

Армстронг: «Вокруг вижу много небольших кратеров». – Неожиданно, как видно, под влиянием того, что он вдруг увидел, понизив голос, продолжает: «На расстоянии около полумили от нас видны следы, похожие на танковые».

Армстронг, поначалу растерявшись от увиденного, держал связь на открытой частоте, известной радиолюбителям, хотя в экстраординарных случаях должен был перейти на

«секретную», известную только ему и Центру полётов НАСА в Хьюстоне.

В разговор вступает второй астронавт, уже пользующийся условным кодом.

Олдрин: «Мало «цвета» (?). Но некоторые каменные блоки могут его создавать «внутри» (?). Посмотрим».

Как видно, Хьюстон понимает о чём идёт речь... Через какое-то время говорит первый астронавт.

Армстронг: «Пусть космическая база (т. е. командный отсек «Аполлона-11» с третьим астронавтом М. Коллинзом) будет на всякий случай готова...»

Армстронг и Олдрин ещё не вышли на поверхность Луны, а Коллинз уже должен был принять их обратно. Почему? До слушателей на Земле по радио донеслись чёткие звуки, похожие на свист локомотива, затем на работу электропилы...

Забеспокоился оператор НАСА, его вопрос, брошенный в эфир, услышали миллионы людей.

Хьюстон: «Вы уверены в том, что связались не с ними?»

Астронавты осмотрели свои приемопередатчики и пришли к выводу, что они в порядке, а странные звуки пришли не с командного отсека, который был на орбите Луны...

Немало американских радиолобителей перехватили странные замечания астронавтов, предназначенные сугубо для Хьюстона.

Армстронг: «Что это? В чем, чёрт возьми, дело? Я хотел бы знать правду, что это такое?»

Наступило замешательство, затем стал говорить Центр полётов НАСА.

Хьюстон: «Что происходит? Что-нибудь не в порядке?»

Армстронг: «Здесь находятся большие объекты, сэр! Огромные! О, Боже... Здесь находятся другие космические корабли! Они стоят с другой стороны кратера и наблюдают за нами!»

Армстронгу и Олдрину предписывалось вернуться при форсмажорных обстоятельствах. Следы, похожие на танковые, обеспокоили не только экипаж «Орла», но и Хьюстон. Только спустя пять часов Армстронгу и Олдрину было разрешено ступить на поверхность Луны. Олдрин снимал выход Армстронга кинокамерой. Этот фильм с тех пор никто в мире не видел. Может причина в том, что на плёнку попали те самые объекты, о которых говорил Армстронг. Астронавты перенесли телекамеру на двадцать метров от посадки модуля и установили флаг США. По радио доложили президенту Ричарду Никсону о благополучной посадке на Луну. «Хронологический каталог событий на лунной поверхности» хранится в штаб-квартире ЦРУ в

Лэнгли. Всего в нём около шестисот явлений, которые до сих пор не получили объяснений. Среди них вооружения куполообразной формы, меняющие окраску строения, напоминающие арки и мосты, движущиеся со скоростью примерно пятьдесят миль в час, светящиеся объекты, вспышки светящегося газа. На основании этого документа можно сделать вывод, что место для посадки модуля Аполлона было выбрано не случайно. Кратер Сабин Д давно привлекал внимание исследователей. Этот район Луны – Море Спокойствия – спокойствием никогда как раз не отличался: то по нему ползли гигантские прямоугольники, то края кратеров становились размытыми, как будто над ними дрожал горячий воздух, и т. п.

Лунный грунт, взятый астронавтами, оказался оплавленным источником сильного огня, но это не было воздействием двигателя модуля. Офицер морской разведки США Милтон Купе, участвовавший в «лунной программе», свидетельствовал, что не только «Аполлон-11», но и другие экспедиции, находясь на окололунной орбите, видели на обратной стороне Луны странные объекты. Собранные вместе, странности и загадки превосходят по своей интриге любой фантастический роман. Каково соотношение домыслов и истины покажет время. Возможно, когда документы о первой

эпопее на Луне будут рассекречены, правда окажется ещё удивительнее...

Подводя итоги одиссеи землян на другую планету, следует признать два базовых факта. Первый – это то, что Луна обитаема, насколько плотно вопрос не принципиальный. Второй – нас там никто не ждет и в обозримом будущем вряд ли пришлёт приглашение на раут. Вывод: свою собственную, красивейшую из всех имеющих в солнечной системе, планету надо беречь и холить, чтобы не превратилась среда обитания в среду прозябания. То, насколько наша планета прекрасна и удивительна, лишней раз показали энтузиасты-авиалюбители Ленарчик из Словении и «больной небом» Сергей Шевчук из Украины. На сверхлегких летательных аппаратах они в одиночку совершили кругосветные путешествия и сделали краткое резюме: «Мир на самом деле штука не такая большая и при этом довольно хрупкая – и увидеть его во всём разнообразии – невероятное ощущение».

Посмотрим – так ли это? Пролетая над Африкой, «махнём крылом» удивительному месту в Танзании. Нгорангора – знаменитый кратер – образовался два с половиной миллиона лет назад из-за вулканического коллапса. Тогда это место буквально провалилось на шестьсот метров. Диаметр кратера около

двадцати километров. Такие кратеры называют кальдерами. В нём даже есть собственное озеро – Магади, где обитают розовые фламинго. Благодаря огромной площади и естественному барьеру из спинок кратера, на территории Нгоронгоро образовалась своя биосистема со множеством животных, которые попросту не могут попасть за пределы обитания. Всего здесь проживает около двадцати пяти тысяч животных. В 1979 году его включили в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

А вот ещё одна достопримечательность и всё в той же Танзании. Теперь это уже гора – Килиманджаро. Она отличается серо-голубым цветом со снежной вершиной, возвышающейся над полупустыней на высоте 5800 метров. Килиманджаро означает «сверкающая гора» – весьма подходящее название для этого колоссального вулкана, покрытого белой шапкой. В очень жаркие дни создается впечатление, что заснеженная вершина парит в воздухе. Лёгкие облака, проходящие ниже снеговой границы, усиливают эту иллюзию. Гигантские размеры горы формируют собственный микроклимат. Влажные ветры Индийского океана, натываясь на Килиманджаро, оставляют здесь принесённую воду в виде дождя и снега, отчего на высоте 3000 метров произрастает тропический лес, в то время, когда верхушка горы сияет

искрящимися на солнце ледяными наслоениями. Такое великолепие, созданное природой, не встречается больше нигде в мире.

И снова Африка... Глаз Сахары, или, как его ещё называют, – Структура Ришат, это геологическое образование, расположенное в западной мавританской части пустыни Сахара. Долгое время Глаз Сахары служил ориентиром для космонавтов на орбите, так как представлял хорошо видимый объект на обширном пространстве ничем не примечательной пустыни.

Заставим с помощью элерона несколько поменять курс самолёта. Шотландия. Фингалова пещера. Эта морская пещера расположена на необитаемом острове Стаффа, во Внутренних Гебридских островах Шотландии. Она поразительным образом напоминает внутренность большого храма. В тихую погоду волны моря производят в пещере своеобразные мелодичные звуки, в бурю и во время морских приливов – сильный шум, слышимый за несколько миль.

Совершенные средства передвижения без видимых усилий помогают естествоиспытателю переместиться не только в пространстве, но и во времени. Ибо столкнувшись с реалиями бытия племени караваев, что живут среди джунглевых лесов Папуа – Новой Гвинеи, не можешь сразу соотнести образ жизни дикарей

с действительностью XXI века, где компьютер и высокие технологии есть обыденность, и не более того... Однако окунёмся во времена неолита. Местность дикарей отделена от остального мира двумя большими реками и цепью труднопроходимых гор. Поэтому племя караваяев было обнаружено так поздно. Около двух тысяч диких людей живут в банановых хижинах-клетушках на вершинах тропических деревьев. Это обезьяноподобные люди маленького роста. В джунглях, где они обосновались, мало животных и птиц, так как здесь обильные дожди заливают почву потоками воды. Из живых существ прижились малярийные комары, а также ядовитые змеи, которые гроздьями свисают с лиан. Несмотря на то, что в поселениях практически нет пищевых отходов, вокруг полно мух, роящихся над домами. Изредка в тропические болота забредают кабаны, тут же попадая в ловушки. Их добивают охотники, используя орудия каменного века – луки и копья, каменные топоры и ножи. Стены домов-скворечников состоят из плотно сплетённых пальмовых листьев и древесной коры. В такой дом можно проникнуть лишь по тонкой бамбуковой лестнице. Для отправления естественных нужд имеется отверстие в полу. Караваяи объясняют своё проживание на вершинах деревьев мисти-

ческими соображениями. Якобы так к ним не попадут иноплеменные колдуны. У самих же караваев нет ни колдунов, ни племенных вождей, ни начальников. Вечером, после охоты, они залезают в свои укромные жилища, где нет никакой домашней утвари, но есть домашние животные – свиньи. Свиньи пользуются особым почётом, и женщины выкармливают поросят грудью. Кража свиньи может привести к убийству вора, поэтому охотники стараются добыть домашнего питомца самостоятельно. Караваи ставят ловушки на кабанов и, поймав детёныша, приручают его. Постепенно дикий зверь становится чем-то вроде собаки и минолошадки. На них перевозят поклажу и маленьких детей. Под куполом тропического леса, среди ручных свинок, караваи готовят свою незамысловатую пищу. Племя ничего не сажает и не выращивает. Живёт только на подножном корму. Особым почётом пользуется саговое дерево – листья, плоды и даже древесина. Из таких ингредиентов дикари готовят десятки блюд. С помощью примитивных жерновов добывается мука, в неё добавляют личинки бабочек, плоды и корни.

Лепешки совершенно пресные и безвкусные. Это основная еда. Если охота прошла удачно, то на столе мясо диких кабанов и коз, рыба. Но рыбу ловить они не любят, а кабанов в лесах почти не осталось. Самое вкусное лакомство

– яйца жуков-короедов. Если их удаётся найти в подгнивших листьях, то устраивается настоящее застолье. Праздничной одежды у караваев нет, впрочем, как и повседневной. Особо «приодетые» женщины носят набедренные повязки, на шею надевают ожерелья из ракушек и зубов кабана, из носа могут торчать кости летучих мышей. Мужчины племени ходят обнажёнными. Лишь на пенис надевают особый футляр (котек), изготовленный из дерева. Существует большое разнообразие форм и моделей котека. Интересны сексуальные отношения в их общине. У большинства караваев – «свободная любовь», и мужчина имеет право на любую женщину. Но до разврата далеко, так как «праздник соития» происходит лишь раз в год – во время цветения сагового дерева, в остальное время они воздерживаются от секса. Более того, мужчины и женщины живут раздельно. Возможно, по этой причине в племени нет такого понятия, как виктимность, то есть склонность к поведению, где есть шансы получить по мордасам. Есть у них особые группы молодых девушек, которым уготована печальная участь – быть принесённым в жертву духам. Их не трогают даже во время цветения сагового дерева, но зато могут съесть. Избежать ужасной смерти можно лишь, приглянувшись мужчине из соседнего племени, где существуют

«семейные узы». Тогда девушка выходит замуж в тринадцать-четырнадцать лет. Если она очень красива, за неё дают пять свиней, а также жених должен передать её отцу несколько комплектов луков, копий и ножей. Иногда мужчина может иметь несколько жён. Но в большинстве общин нет понятия, что такое семья и супружеские отношения. Каннибализм по понятиям караваев – ритуал, угодный духам. Особенно почётно убийство чужака с последующим поеданием тела. Несмотря на опасности, туристы стремятся поглазеть на дикарей, но иногда расплатой за любопытство может стать жизнь. В непроходимых джунглях постоянно пропадают туристы и поселенцы (не аборигены). Например, не так давно исчез турист из Китая. Через месяц нашли его голову без нижней челюсти, колено и два куска мяса со следами зубов. Караваи уверены, что совершая каннибальный ритуал, они могут получить силу и смелость жертвы, а также обрести бессмертие. Даже существуют детские игрушки, изображающие маленьких детей, аппетитно поедающих человеческие ноги. Впрочем, до бессмертия дикарям далеко. Средняя продолжительность их жизни не превышает тридцати пяти лет.

На этой пессимистической ноте можно было бы и поставить точку. Мол, в каждой избушке свои игрушки, но современный человек привык

давать оценку происходящим событиям в обществе. Вердикт в отношении дикарей был бы однозначный. Но если беспристрастно спросить аборигенов – кто они? Маргиналы или обыкновенные люди, только проживающие на другой планете, то последнее слово всё-таки останется за ними.

Бэтти и Кэтти

– Бэтти, Бэ-тти! Ты где запропастилась?

Странное имя, не правда ли? Но только не для ее обладательницы. Ведь Бэтти Ньюфаундленд и дама по определению. Сукой назвать ее – язык не поворачивается. Разве, что в сердцах. Ведь нрав у су... дамы, я хотела сказать, своеобразный. Она всегда очень внимательно выслушает тебя, но сделает всё по-своему. На вопрос: «Зачем загнала петуха в собачью будку?» коротко вильнула хвостом, и ни гу-гу. Мол, надоел как собака. Ходит тут весь в перьях, выпендривается. Петух, правда, пострадал лишь морально. За это лохматая торпеда пыталась прощелыгу облизать, но задира с ирокезом на голове не принял извинение и вдобавок норовил клюнуть возмутителя спокойствия. А зря. За что и поплатился. Роскошный хвост пернатого поредел. Ведь «гребень» у Бэтти, что надо... Вообще-то Бэтти добродушная псина, если, конечно, ее хозяйке, то есть мне, ничего не угрожает. Нюх на правильных людей, а также на «стрёмную» ситуацию у нее действительно собачий. Казалось бы, какое отношение четвероногая тваринка

имеет к дорожному движению, а подишь ты – Расскажи кому, не поверит... Однажды мы с Бэтти ехали на своем бусе «Фиат» из Бреста на Ковель. Везли товар. Дорога была относительно сносная и достаточно запружена транспортом. Бэтти сидела на пассажирском сиденье в качестве телохранителя, охранника, ну, и верного друга. Ничто не предвещало неожиданностей. Обычная дорожная обстановка. Не более того. Я пристроилась в хвост грузовой «Газели», используя ее, как «таран», на непредвиденный случай. И случай действительно представился. Между нашим бусом и «Газелью» вклинилась БМВэшка. Ну вклинилась и вклинилась – эка невидаль. Чем ни повод показать свою крутость за счет железа? Я и бровью не повела. Пообвыклась... А вот Бэтти заегазила и... подала голос. Надо заметить, что ньюфы никогда не станут лаять безпричинно. Зная Бэтти, я притормозила и остановилась на обочине дороги. Мы молча посмотрели друг на друга. Мол, поживем – увидим. Вскоре где-то впереди за поворотом прозвучало эхо приглушенного расстоянием хлопка. Бэтти при этом потянулась, зевнула и всем своим видом показала – чего стоим? Всего километр – не более – отделял нас от места аварии. Наш «таран» валялся на боку в кювете, а БМВэшка с «Фордом» слились в долгом поцелуе. Всё-таки

показушник добился своего – показал класс крутой езды. Жаль пострадавших людей. Мы с Бэтти снова переглянулись и продолжили путь. Другой случай, связанный с дорогой, был уже совсем анекдотичным. И главным героем опять была моя собачка. Наехала я как-то на сплошную осевую линию из-за раздолбанной дороги и, как водится, попала как «кур в ощип». Прапор со своей палочкой-выручалочкой тут как тут. Хлебное место застолбил опричник с правами казнить и миловать. Его напарник сидел в машине в тени деревьев – прохлаждался.

– Та-ак, – пропел прапор, вертя в руках мое удостоверение. – Екатерина Александровна, – затем прочитал он по слогам. – Имя-то какое. Прямо Фурцева, что была министром культуры, а нарушаете.

– А, что Фурцева не нарушала, – огрызнулась я.

– Не-а, – не моргнув глазом, отрапортовал служивый. – В то время меня ещё в проекте не было. Не то, как миленькую, оштрафовал бы за такую наглость. Надо же, люди труд положили, рисуя на серой дороге красивые линии, а на них мало что плюют из кабин, так еще и наезжают немытыми колесами. Вот я сейчас возьму и выпишу малюсенький штрафик. И вам будет хорошо, и нам весело. Правильно я говорю, Игорек? – обратился страж порядка к

подошедшему коллеге. Тот с интересом всматривался внутрь нашей кабины.

– Бесповоротно, – отозвался Игорек и показал пальцами козу необычному пассажиру, внимательно следящему за балаганом на проезжей части.

– А это кто? – снова зыркнул он на лохматое чудище.

– Бэтти, – кратко резюмировала я. – Моя подруга. Что, впечатляет?

– Бэтти и Кетти, – встрял прапор, всё ещё вертя в руках удостоверение. И что же прикажете делать, подружки? А, придумал, – начал было он снова лить понос, но тут в кабине произошло некое движение. Это Бэтти, перемахнув через мотор, уселась мне на колени и, высунув в окно лохматую голову, протянула лапу ближайшему полисмену.

– Мужчины, подайте же даме руку. Пожелание дамы закон для кавалера. – Я тоже включилась в дорожную развлекаловку.

– Игорек, ты кажется, строил ей глазки, вот и чмокни даме ручку. Соответствуй.

– Мاستиф? – Вопросительно взглянул он на меня.

– Ньюф.

– О-о, – серьезный зверь. – Щенка подарите?

– Исключено.

– Что так?

– Она стерилизована. Нечего феромонами кружить головы безродным шавкам.

– И то верно. Игорек, как ты думаешь, дадим дамам зеленый свет?

– Бесповоротно.

Вот так мы с Бэтти разрулили ситуацию под скучным названием – тягомотина. Дни текли как талые воды, мало чем отличаясь один от другого. В один из таких никудышных деньков мой мобильник разродился незатейливой мелодией. Оторвавшись от сети Интернет, я соединилась с абонентом. Вначале слушала в полуха и хотела уже отключиться, но, при упоминании названия известных мне духов, насторожилась.

Звонил Аватор из сайта знакомств, которому, то ли по глупости, то ли из-за полной Луны, я дала свой телефон. И вот он назначает мне свидание. Рандеву – как изволил он выразиться. Прямо интрига мирового обалдения. Хочет посмотреть на меня и себя показать. Ух, мы какие...

От такой оказии ветер-озорник прошелестел в моей головке. Мотылек расправил крылышки и готов лететь на огонь. Жила-была барышня себе на уме и вдруг засуетилась. А всё тот ветер – свистит окаянный и нет ему препон.

– Ну, Бэтти, собирайся. Хотя, что тебе собираться, подлизалась и готова. А вот мне...

Кафешка, где предстояла «тайная вечеря», находится недалёко от моего дома. На этой

забегаловке настояла я. Всё-таки своя территория. Душу греет, как говорят в народе. Перед тем, как выйти из дома, у меня возникло желание поплакаться моей подружке в жилетку.

– Ну, посуди сама, – сопливилась я, – жизнь штука такая каверзная, что каждую минуту норовит сбить тебя с панталыку. Хотя и говорят, что на своих ошибках учатся одни дураки, да только и умники недалеко от них оторвались. А мне надо начинать с нуля. Понимаешь? Мир галопирует такими темпами, что не успеешь исправить одну ошибку, как на горизонте кривляется другая, еще более противная. То, что вчера было белое, сегодня уже черное, и наоборот. Сам опыт – сын ошибок трудных – перестал быть востребован. Вот в чём беда.

Опыт перестал быть стартовой площадкой для свершений. Пушкинский гений – парадоксов друг – настолько оторвался от опыта, что последнему осталось только пылиться в углу. И что делать? Невесомость. Ножками туда дрыг, ручками сюда вжик, а сам на месте. Только голова болтается бестолку и недоумеваает, почему еще жива.

Псинка слушает меня, склонив голову набок, а сама, наверное, прокручивает варианты – как оградить меня от сумасбродства. Или хотя бы смягчить последствия «ошибок трудных». Поплакавшись, я потрепала собаку по загривку,

и мы вышли из дома. Бэтти сопровождала меня почти до самой «Незабудки» – так называется кафе.

– Ждать здесь, – было приказано ей и больше ничего.

Я была уверена в ее дисциплинированности. Свой пост она не бросит ни при каких обстоятельствах. Разве время от времени будет менять дислокацию, чтобы размять мышцы.

Народу в кафе было немного. Видно, час пик еще не наступил. Люди неторопливо вели беседу и также неторопливо потягивали разноцветные напитки. Музыка была минорная, настраивающая посетителей на мир и спокойствие. Я заказала безалкогольный коктейль и включилась в атмосферу общего благоденствия. Тем более, что время ещё было детское и спешить было некуда. Ветер, загнавший меня сюда, остался за дверью и можно было без помех включить мозги для осознания свершившегося факта. Итак, позиция первая. Что я тут забыла? Если зашла в поисках вчерашнего дня, то опоздала. Его и след простыл. Романтическое приключение? Ближе к теме. А что, если я ищу то, что уже не котируется? Не котируются сегодня чисто человеческие отношения. Нет их. Теперь вступающие в брак приносят на алтарь не клятву верности, а составляют и подписывают меморандум имущественных

отношений. Мол, весь цивилизованный мир так живёт. Но – то цивилизованный, а при нашей славянской расхлябанности западные ценности вряд ли ко двору. Каждый держит свой камень за пазухой. У меня лично не только камень, собака бойцовской породы за пазухой. Рано нам еще менять «любовь до гроба» на материальные ценности. Наши специфические ценности – бездорожье. Где, как не на изрытом ухабами тракте, можно проявить способности в лихачестве вперемёжку с матерщиной. Мы привыкли к преодолению, а чего – не важно. Недаром у приснопамятного президента было кондовое словцо – процесс. «Процесс пошел», – вещал он с трибун и на улицах в толчее очередей за дефицитом, а дефицитом было всё. Правда, тот процесс пошёл немножко нетуда. Так и что из того? Можно свернуть. А если опять не туда, так и опять свернуть. Было бы желание горы сворачивать, любители всегда найдутся. Вон старички до сих пор жалеют об отнятой «процессуальной» жизни, когда можно было и вздремнуть в магазине, ожидая какой-нибудь поклевки... Однако барышня – на горизонте гость. К моему столику приближается не хилая гора мышц. Скользнем по фейсу. Глаза голубые, посаженные в самый раз – не узко и не глубоко. Уже не плохо. Тот, не тот? На картинке монитора вроде был светлее. Скрипнул стул, и на столике появилась коробочка из-под духов под

названием «Инстинкт». Каррамба. Такие духи с феромоном и были точкой соприкосновения. Парень помалкивает и индифферентно разглядывает публику. Держит фасон. Ждет, наверное, что я подпрыгну от радости. Резвушку нашел.

– Продаёте? – Спросила я, тоже рассматривая публику. Не приснилась бы она мне...

– Эти духи с секретом. Кто секрет отгадает, тому и достанутся.

– Велика важность феромоны. Самым главным феромоном для женщины являются чистота тела и чистота помыслов.

– Вы забыли нюанс.

– Разве?

– Никаких прокладок...

– Забавно. Сказали два слова и уже нахамили.

– Зато чистосердечное пожелание.

– Пожелание чего, примухаться? – меня понесло... Видно ветер, что вскружил мне голову проник через дверь, и сейчас мой романтический настрой переоформит в долгосрочный психоз.

– Феромоны – чистейшая химия, и подключать ее к физиологии человека по меньшей мере не дальновидно.

Выкрутился соловей. Ишь как распелся. Так держать, барышня. Иначе не успеешь глазом моргнуть, как тебя и обнюхают, и занюхают, и

еще чего сделают, и, главное, без разрешения мамочки. Матрос еще тот. Поматросит...

– Расскажите, чтонибудь о себе.

– Начинается. Ну, я тебе сейчас расскажу. Ты, кот Матроскин, завянешь от моей светской воркотни. – Подогрев себя, таким образом, я начала как на пионерском собрании: – Живу я в мире изобразительного искусства. Мои соседи подпитывают меня постоянно духовной пищей. Они являют миру настоящие шедевры заборного рукоделия. Этакие Сальвадоры Дали в прикладном ремесле.

Я отпила из фужера. Мельком взглянула на синеглазенького. Тот был весь внимание.

– Что касается фактуры для шедевров, – продолжала я, – то тут знаменитый художник, будь он жив, постоял бы за углом. Палитра его красок слишком блеклая по сравнению с подзаборной. Редко какой запоздалый прохожий пройдет мимо и не остановится. Пока нужду справляет – приобщится к искусству высокому.

– Повезло вам с заборами, а вот моя жизнь началась возле доменных печей. Знаете, такие громадные махины, где постоянно булькает расплавленное варево. Когда упоминают о тяжелом детстве и железных игрушках, так это про меня. В доменной печи самым главным элементом есть так называемая распарка. Вот

у китайцев во время правления Мао не было распарок, и что? Качество их стали было на порядок ниже нашей.

Паренек, по всей видимости, платил мне той же монетой.

– А еще, – не сдавалась я, – они все время возят с речки сапропель и ряску с болот. Сапропель – такая животворящая субстанция, которая поднимается по стеблям в огуречные пупырышки и заставляет их расти в два раза быстрее. Про ряску и говорить нечего. Утки ее просто обожают.

– А я, когда уехал от доменных печей, был сам не свой.

Паренек тоже кочевряжился.

– Мне казалось, я утратил орган, без которого и жизнь не в жизнь. Я постоянно вожу теперь носом по ветру в надежде уловить запах железа, поджаренного на коксе. Не знаете, что это за фобия?

Я уже хотела по инерции сдерзить, но тут Александр Малинин проникновенным голосом начал уверять:

*А если бы не ты,
Я не был бы так счастлив,
Я не был бы так счастлив
И жил бы без тебя.*

Синеглазенький, казалось, только этого и ждал. Он галантно подал руку, и мне – хочешь

не хочешь – пришлось подняться и идти танцевать. Когда он прикоснулся к моей талии, я ощутила, что мне не хватает воздуха. А ведь давно не девочка. Мальчики были, но все было не так. А как? Не так и все. Пропала. Мышь поймана. Легко и изящно. Я попыталась неловко извернуться, но тщетно. Рука его легонько напряглась, и наши головы соприкоснулись. Я хотела одного, чтобы быстрее закончилась танцевальная мелодия, потому что ноги тоже перестали мне подчиняться. Одеревенели. Кое-как дождалась конца истязания и с облегчением опустилась на стул. Но не тут-то было. Олег – так звали синеглазенького – пошел и попросил снова крутнуть эту запись. Сияющий, подошел ко мне. Я уже приготовилась запротестовать, но этого не потребовалось. Он тоже уселся и завел легковесный разговор. Вскоре спазмы в моих мышцах прошли, и мы начали чередовать танцы с посиделками, обсуждая самые невероятные проблемы, о которых еще вчера я бы даже не заикнулась. Они были не ко времени. Покидали кафешку чуть ли не последними. Улицы были уже пустынные, и только редкие прохожие, вроде нас, всё никак не могли уgomониться – шныряли туда, сюда. Краем глаза я следила за Бэтти и знаками давала понять – всё нормально. Можешь следовать за нами. Олег заметил мою возню с Бэтти.

– Катерина, кому ты там машешь кулачишком. Покажи мне непутевого. Я егоотрегулирую.

– Это моя подружка Бэтти.

– Серьезно? Так подавай её сюда. Чего ты издеваешься над человеком.

– Она на четырех ногах.

– Фью-уу. Бэтти, милая, ко мне.

Чудеса, да и только. Моя собака, никому чужому не подвластная, взяла и подбежала без моего разрешения. Мало того, лизнула ему руку.

– Бэтти, я тебя не узнаю. Что за фокусы? Ты хочешь отбить у меня кавалера? Напрасно, наверное, я тебя выхолостила. Сейчас бы тебе целый полк кавалергардов предлагал свое почтение.

– Вот кому мы и подарим духи. Правда, Бэтти? Негоже даме шляться одной по темным улицам.

Дальние приятели

Как-то Наталья Петровна Бехтерева – внучка известного медицинского светила – посетовала: «Трудно жить человеку, который знает то, чего не знает другой». Действительно, легка ли жизнь у знающих людей? И много ли их? Если заглянуть в глубину веков, можно предположить, что не каждое время рождало людей знающих. В иные века их было шаром покати – пусто, а в другие так рясно – в глазах зарябит.

И так, возьмём чудодейственный лук и выстрелим в направлении Востока. Что нам преподнесёт древнеиндийский народный эпос. Оставим за кадром, как говорят «фильмачи», подоплёку появления бога Шивы, а заострим внимание на его знаниях. То, что передвигался Шива по небу на специальной колеснице, говорит о многом, а ещё больше – нежелание поведать об устройстве летательного аппарата. «Ибо это могло послужить злу», – говорил он. Фраза, высказанная Богом, была не пустым звуком. В качестве компенсации он подарил человечеству знания по совершенствованию души и тела. Европейцы, не в пример Востоку,

отнесли к подарку без должного энтузиазма, тем более, что им не был и известен автор сотворения человека. А сотворил всё живое на земле путём генной инженерии как раз бог Шива, прибывший на своей дивной колеснице из других палестин – другой вселенной.

В те далёкие времена концернов и синдикатов не существовало. Самыми большими сообществами трудовых коллективов были артели, бригады, где каждый работал, не вникая в такие проблемы, как классовая несправедливость, эксплуатация человека человеком. Коэффициент полезного действия равнялся одной работающей единице. Чтобы единица не отлынивала от работы, её время от времени поощряли кнутом или пряником. Всё просто и эффективно. Провалил ваньку – получил кнута. Полил землю потом – вот тебе премия. С каких же пор призыв – разделяй и властвуй – начал входить в обиход народов, нарушая вселенский порядок, сейчас проследить сложно. Важно другое. Знания Шивы о совершенствовании души и тела начали постепенно замещаться техническим наращиванием сферы обитания человека. У индусов ещё пока остались очаги сопротивления засилью технического прогресса. Древняя философия редкими кустиками оазисов вкрапляется в индустриальный пейзаж современного общества. Люди, не забывающие

бога Шиву, привносят реликтовый колорит во всёпроникающий модерн.

Запад культивирует другие ценности. Он ориентирован на чистоган. Где богатство, там вольные нравы. Философия здесь переориентирована под чисто потребительские запросы. Шопоголики тому пример. Спрашивается, зачем человеку 300 пар обуви, которую ему не сносить за десять жизней? Ответ прост. Религия, как таковая, осознается пятой точкой раскормленного тела. А ведь такие люди правят миром. Те, кто не хотят отставать от реалий дня, но не располагает возможностями, не долго думая, используют административный ресурс, позволяющий в мгновение ока перейти из состояния грязи в великосветские князи. «Какие люди», – раскрывают они объятия навстречу подельнику по экспроприации втихую.

К счастью, лучик света для того и существует, чтобы время от времени высвечивать неординарных людей. Никола Тесла родился полтора столетия тому назад. Далековато по времени от подвижничества бога Шивы. Современниками их трудно назвать, но вот свершениями они роднятся. Побратимы. Приятели, можно сказать, по оказанию помощи как людям живущим на земле, так и самой планете. Чем же ознаменовалась жизнь, на первый взгляд, ни чем не примечательного серба. Жил-был

себе инженер-электрик и вдруг возложил на себя миссию – спасителя планеты родной. От кого? От чего? Никто в мире ни сном, ни духом? Мистика. Шарлатанство. Кто поверит, что на планету Земля надвигается катастрофа. И это предвидение возникло не за месяц до катаклизма, как у эвенкийских шаманов, живших в 1908 году в районе Подкаменной Тунгуски, а за несколько лет. Здесь надо сделать маленькое отступление. Вся наша Вселенная, включая Солнечную систему и, конечно, планету Земля, – живой организм. Недавно открытый бозон Хиггса – связующая частица, без которой всё сущее в космосе разлетелось бы в разные стороны, лишний раз подтвердил эту уже не гипотезу. Неофициальное название частицы, найденной с помощью адронного коллайдера, – «частица Бога». Значит, в каждом атоме и в каждом предмете во вселенной присутствует Бог. Бог вездесущ. Он в прошедшем, настоящем и будущем времени. Бог знает, что и когда следует ожидать в мировом пространстве. И вот в один из моментов космической «жизнедеятельности» одной из планет Солнечной системы возникла угроза разлома, распада, исчезновения как таковой. И этой планетой оказалась Земля. До сих пор от космических булыжников она защищалась сама с помощью своеобразной брони – атмосферы.

Космические тела рикошетом отскакивают от нее и уносятся в космос. Но на этот раз планете угрожало тело, огромное и чрезвычайно опасное. Матери Земле требовалась помощь сына, и она его создала. Тесла слыл не только хорошим инженером, но и новатором. Это он изобрёл, вопреки скептицизму тогдашнего учёного Эдисона, электродвигатель переменного тока, за что и получил его же имени медаль. Если перечислять вклад серба в развитие электроиндустрии, уйдёт много времени. Лучше процитировать американского радиотехника – лауреата Нобелевской премии Эдвина Армстронга: «Миру придётся долго ждать появления гения – соперника Николы Теслы в его свершениях».

Справедливости ради следует добавить: «На его патентах выросла вся энергетика XX века». Тесла работал над энергией вселенной. Апофеоз! Он создал и уничтожил оружие, которое могло разнести земной шар. Чем не сподвижник и просто приятель инопланетного бога Шивы? И чем «бог не шутит», возможно, это он «вдувал» в подсознание маленького винтика с большой планеты мотивацию проводить эксперименты по части дробления больших каменных глыб, чтобы в час «икс» применить свои знания на практике. Тесла получал информацию как бы ниоткуда. Влетела и всё. На вопрос: «Как тебе в

голову могло прийти такое?» отвечал: «Я ничего не придумываю. Я только проводник идей». Только в природе такого не бывает. Каждое действие человека предопределено свыше.

Говорят, «лицом к лицу лица не увидеть». Шива не видел воочию лица Теслы, хоть и находился от него уж явно не на расстоянии «лицом к лицу» и поэтому не был извещён о некоторой эксцентричности приятеля. А между тем серб был не тупым фанатиком своего дела. Этаким рассеянным с улицы Бассейной, как любят характеризовать яйцеголовых. Его заскоки в спорах шокировали многих людей, с кем он так или иначе контактировал. Правда, причины на то были. Судите сами. Эдисон хоть и критиковал многие его разработки, но это не мешало ему откровенно воровать некоторые идеи конкурента. Уличив его в плагиате, Тесла был груб как мужик. Вульгарность из него так и пёрла. Видно всё, что не касалось работы, было для него третьестепенным. И люди тоже. Терпеть его мог лишь американский писатель Марк Твен потому, что и сам был из когорты «увлечённых». Между тем знания и, главное, направление их использования серб получил не только в университетах, но и из полевого Энергоинформационного банка, банкиром которого, вероятно, и был сам бог Шива. Доступ к банку открывается крайне дозированно

и далеко не каждому из-за несовершенства землян. И справедливого недоверия к ним. Человечество слабо и безнравственно, и давать ему в руки величайшие знания, которым оно, конечно, воспользуется во вред всему живому, нельзя. В мозгу Теслы стала появляться так называемая ось сверхсознания. Он мог входить в изменённое состояние сознания. Сам того не замечая, серб всё чаще стал задумываться о природе резонанса. Поскольку мир состоит из волн и вибраций, то резонансы являются действующим фактором при активации каких-либо физических явлений. Для создания специального устройства, которое могло осуществлять возбуждение огромного пространства с тем, чтобы черпать оттуда энергию, требовалась специальная установка. Резонанс должен был быть не простой, как в маятнике, а сложный, объёмный, многофакторный. При помощи такого устройства можно было входить в резонанс с сильно разряжёнными слоями атмосферы и передавать энергию без проводов на огромные расстояния. Патент на такое устройство он получил не только в США, но и в России. Проект и строительство специальных башен-активаторов финансировал американский миллиардер Джон Морган. Чтобы дополнить характеристику Теслы как непревзойдённого изобретателя

следует упомянуть о разносторонних интересах творческого человека. Если фантасты тридцатых годов прошлого столетия только ещё маялись над проблемой поиска сюжетов, то неуёмный человек с неординарным мышлением, опережая время, создавал диковинные, по тем временам, предметы. Его электромобиль бегал по дорогам без подзарядки целую неделю, пока проходил аттестацию. Куда в последствии делся аккумулятор, история умалчивает. Вероятно, уже в то время нефтяные магнаты усмотрели в изобретении крышку от гроба для своего нефтебизнеса. Ну, да Бог с ними. Главное – «дальний приятель» не ошибся в кандидатуре спасителя планеты – не последней в Солнечной системе. Других кандидатов, во всяком случае, тогда не наблюдалось.

Про взрыв в Подкаменной Тунгуске в 1908 году написано много, а копий было сломано ещё больше. Версий было множество, но ни одна из них так и не стала доминирующей.

Метеоритная гипотеза потускнела, ещё не набрав обороты. Никакой метеорит не вызовет такого свечения на колоссальной площади, когда за тысячи километров от эпицентра взрыва тунгусского «нечто» не было ночи. Это явление было очень странное. Странный метеорит, странно летел (по словам очевидцев), странно взорвался. Нет ни кратера,

ни углубления. Да ещё и загадочные свечения. Но загадочнее всего был сам взрыв. Он был чудовищным. Эпицентр взрыва совпадает с центром древнего вулкана. Причиной взрыва мог стать выброс в атмосферу подземной энергии, – как это бывает при землетрясении. Из активного разлома может выплёскиваться в атмосферу и гелий, и водород, и ртуть, причём в огромных количествах. Геофизическая гипотеза объясняет многие странности тунгусского взрыва, но не объясняет оптические аномалии. Появилась невероятная гипотеза. Тунгусская катастрофа – дело рук человека. Тело буквально развалилось на куски. Осколки находят в сотнях километров от эпицентра. К такому разлёту мог привести только высотный взрыв. Но кометы и метеориты самостоятельно не взрываются. «Оно» было взорвано. Но кем? Никола Тесла говорил: «Я могу при помощи карманного резонатора взорвать достаточно большой объект на достаточно большом расстоянии». Напрашивается вопрос: «Способен ли был резонатор – мощный, многофакторный, сооружённый в США, раздолбать комету за многие тысячи километров от активатора? Да ещё и в строго определенный момент». Вопрос спорный.

Если учесть, что для Бога будущее не существует, впрочем, как и время, он мог послать своему приятелю-ретранслятору сигнал для

превентивного устранения угрозы планете под названием Земля. Мистика? Но давно уже выявлено, что параллельные порталы существуют. Осталось за малым. Отнестись к этому факту ответственно. Тунгуска – сложный и таинственный феномен. Там очень много тайн. Ясно одно: избежав глобальной катастрофы, человечество получило ещё один шанс. Шанс на выживание?

Когда кто-нибудь говорит: «Я знаю», – этим самым он противоречит самому себе и природе человеческой. Тесла говорил: «Я лишь проводник, а кто идейный вдохновитель, я не знаю». Знание – продукт специфический, ошибочно принимаемый за куль информационная мука, или за байт – используя компьютерную терминологию. Сначала было слово, и это слово было Бог. Вот с этого момента и началось знание. Оно ширилось многие миллиарды лет. До нас дошло интерпретированное в виде условных обозначений состояние энергоматерии. Люди, получая ту или иную информацию, используют её вольно. Каждый понимает, а ещё больше подстраивает её под свои интересы. В каждой ячейке общества одна и та же информация вызывает разные ассоциации. Одному она представляется как конечная цель стремления к чему-либо, другому – как начало пути в

неизвестное, но такое притягательное, ну, а третьему – падение со скалы, когда миг превращается во всю оставшуюся жизнь. Ничего общего со знанием такое положение вещей не имеет. Нам просто предоставлена возможность, используя информацию, поступать так или иначе. Иными словами, приобретая продукт под сакральным названием – знание, человек становится заложником всей своей жизни. Получив информацию – как возделывать пашню, он становится агрономом, а запрокинув голову и прищурив глаза от солнца – «икаром» на Аполлоне. И тот, и другой, используя специфический продукт, сам не осознавая того, становится продуктом, производным от слова знание. Следует отметить: – проводников от Бога на Земле не так уж много. Их можно перечислить по пальцам. Они, как правило, наиболее уязвимая часть общества. Люди, примазавшиеся к категории «знающих», всячески стараются низвести «незнающих людей» до уровня чудачков с соответствующими последствиями. В старости, человек, чьими идеями пользовались все, кому не лень, оказался без гроша в кармане, в дешёвом отеле, иными словами – брошен на произвол. Известные переустройщики мирового порядка лишили жизни деда и отца Натальи Петровны Бехтеревой. Путались враги народа под ногами.

Рьяные «знающие» чиновники от медицины позволяли себе глумиться над нейрофизиологом с мировым именем, утверждая свою узковедомственную линию знания. Когда Наталью Петровну спрашивали дотошные журналисты – умная ли она? Мировая известность отвечала: «Нет! Просто в процессе учёбы и работы набралась опыта». То знание, о котором она упомянула в начале рассказа, вероятно, принадлежало только ей одной.

«И многие знания рождают многие печали».

Мальчи́к с конвейера

- А ты с кем-нибудь целовался до меня?
- Да нет, что ты! Только один раз, и то при людях.
- А люди-то что там делали?
- Орали: «Горько».

Поник пребывал в затруднении. Сесть на коня – это вам не на горшок усесться. Во-первых, высота не та, а во-вторых, что такое горшок? О нём уже следует забыть как о ненужном хламе. Вообще-то, у Поника есть настоящее имя и фамилия – Александр Иванович Поновитов. А Поник – малопочтенная погонялка, производная от лошадки из семейства Пони. Вот на такую скотинку в данный момент Поник-Александр и пытался взгромоздить своё солидное тело. Правда, в пять лет отроду особенно не посолидничаешь, но и в сопливчиках ходить тоже было не комильфо. Подведя лошадку к крыльцу дома, поближе к ступеньке, и ступив на нее, Поник, вцепившись за луку седла, таки забрался на спину терпеливого животного. Степенно осмотревшись, не видит ли кто его потуг, наездник неспешно выехал со двора. Двор был небольшим, но и немалым. Это как посмотреть. Для крестьянского хозяйства так и

ничего себе. Но для фермера маловат. Поэтому он расширялся. Нужно было и дом новый построить, и гараж, да мало ли заморочек у современного работника агротехнического бизнеса. Путь всадника лежал через речку. Речка была небольшая, скорее ручей, но для наездника она была рубежом между домом и полем. Пони с неохотой переходил её вброд. Всегда недоволено пофыркивал. Ему, наверное, не хотелось мочить новенькие подковки. Заржавеют еще... Поник с пониманием относился к проблемам лошадки и успокаивал её:

– Ну-ну, Серко, то ли ещё будет...

Фермерские уголья раскинулись неоглядно. Просветы, разделяющие сельхозкультуры, были не очень широкими, но всаднику на «лихом» коне места вполне хватало. Поник поддёргивал уздечку, а Пони лениво, прядя ушами, делал вид, что реагирует на позывы седока, при этом его селезёнка ещё и умудрялась «ёкать»: мол полный аллюр – чего ещё. Поник-Александр, как бы соглашаясь с лошадкой, поощрительно трепал «скакуна» за гриву, приговаривая:

– Так держать! Полный вперёд!

Впереди показались строения и сельхозтехника. Поник уже неспеша подъехал к полемому стану. Возле агрегатов возились люди. Среди них отец подъехавшего. Фермер кому-то давал указания. Сколько Поник себя помнил,

отец всегда кому-то давал указания. «Указчик» – так сформировался тип человека-отца у юного наездника. «Лихо» – как показалось всаднику, Поник соскочил на землю и поприветствовал рабочий люд:

– Добрый день, папа, добрый день, братия. Бог вам в помощь.

«Братия» прыснула, отец серьёзно ответил:

– И тебе, добрый молодец, поклон наш. Далеко ли путь держишь? Не надо ли чего?

– Надо. Пони разлеился, не хочет бегать. Может, у него подкова треснула.

Братия на «полном серьёзе» засовещалась. Один из них поочередно проверил все четыре копытца лошадки и авторитетно заявил:

– Подковки целы, а вот глаза у твоего иноходца грустные. Ты его кормил сегодня?

– А как же, две морковки выдал. Сам не съел...

– Да-а, от таких щедрот не разбегаешься. А вот, мы ему овса щепотку всыпем, и он повеселеет. Как вы думаете, Иван Ильич, – угостим Сивку-Бурку овсянкой?

– Придётся. Не то Серко уснёт по дороге, какая уж там скачка. А Понику – морковку.

Так проходило детство Александра Ивановича, сына Ивана Ильича – фермера по призванию и отца по велению свыше. Что касается Поника, для него была запущена первая фаза

конвейера по становлению человека конца XX столетия. Через год – в школу. Надо как следует подготовиться к нагрузке. Воспитание должно быть системным, чтобы время не только утёрло сопли под носом, но и сотворило образцового члена общества.

Учиться Поник пошёл в школу с английским уклоном, так как мама, будучи уроженкой Туманного Альбиона, и разговаривала с сыном исключительно на родном языке. Французскому натаскивала преподавательница из Москвы. Она поселилась у Поновитовых, благо, была на пенсии, и тоже разговаривала с отроком только с прононсом. Спорту уделялось также должное внимание. Из Москвы три раза в неделю приезжали мастера по тхэквондо и рукопашному бою. Если кореец укоренял отточенность движений, где расстояние в сантиметр имело решающее значение, то русский медведь ставку делал на силовые приёмы. Как то, так и другое, дополняя друг друга, формировали у спортсмена жёсткость поведения не только на татами, но и в повседневной жизни. Как-то, будучи учеником уже третьего класса, Поник, – хотя к тому времени он уже на погонялку не откликнулся, – был «выловлен» во дворе школы двумя пятиклассниками. Они, что называется, дручились... Изображали крутизну. Наводили «шорох».

– Слышь ты, мумий троль, – начал один из них. – Тут тёрки трут, типа из тебя дипломоюгу лепят.

– Месье и коммерсье, – довинтил понты другой и двинул третьеклашке в «чело», но, почему-то промахнулся, а спустя секунду, дохлятиной свернулся у ног другана.

– Ух ты-ы, бьен сюр. Корешка загасил. Я тебе бубен отобью. Получи, батон, гранату.

Дальше наступила минута молчания. Поставив заслон на выпад, Поник-Александр резко прошёлся ребром ладони по бицепсу правой руки напавшего. Рука у того отвисла, впрочем, как и челюсть. Драчка, как таковая, развития не получила. Всё закончилось банально и скучно – с непременными угрозами и оскорблениями.

Школа есть школа. Весть о том, что «карандаш» напряг двух «авторитетов», разнеслась молниеносно. Поновитов был вызван на ковёр, но наказывать его было не за что. Глаз он никому не подбил, зубы не выбил, да и кровинку не пустил. Как так? Побил двух примерных учеников, а доказательств нет. На всякий случай записали в дневнике – склонен к агрессии. Дома «агрессора» ждал свой разбор полётов. Сошлись на мнении: поступил правильно. Членовредительство – самый постыдный метод защиты. Особенно довольны были тренеры и мадам «бон жур» – так про себя Александр

называл француженку. «Истинный Д'артаньян»,
– отозвалась она о воспитаннике.

Катился день, лилася песня...

В шестом классе Александр Поновитов отправил на пенсию Серка и разъезжал теперь на вороном красавце. Он сам ухаживал за ним – косил сено, задавал корм, чистил лоснящуюся шкуру щёткой, а хвост и гриву расчёсывал специальным гребнем. Морковку также давал, как в своё время Серку, но уже в качестве лакомства. Повадился он ездить к соседке. Та жила в трех километрах от усадьбы Поновитовых и была одноклассницей отрока. Вместе иногда они делали домашнее задание, зависали в Интернете и учились целоваться. Однажды, во время «запойного» поцелуя, одноклассник ненароком залез в трусы своей пассии. Узнать, что почём. Та отпрянула и дала «лихоимцу» по рукам. Какое-то время они не разговаривали, но молодость – «штука» забывчивая, и вскоре вороной конь снова летел по знакомому маршруту.

Каждое лето Поновитовы меняли вид из окна. На этот раз выбрали Феодосию. Городишко плёвый, болотистый, несмотря на горы и море. Одним словом – парадокс. Единственная причина посещения мизерабельного населенного пункта был музей Ивана Айвазовского. Сорок восемь картин из двух

с лишним тысяч сохранились на его родине. Каждая картина – эксклюзив, не то, что у известного мазилки. Отношение к работе Айвазовского характеризовал такой факт. Одну из картин раскритиковал сын художника – капитан дальнего плавания. Он пояснил, почему фрегат, написанный на холсте, – на воде, непременно, перевернулся бы кверху килем. Художник поразмыслил и, ни слова не говоря, исправил ошибку. Александр заворожённо созерцал полотно размером три на четыре метра. Название картины было лаконичным – «Море». Казалось, взглядом совершенно не за что зацепиться. Кругом вода. Но вот в этом застывшем во времени мгновении наката волны и выражена вся прелесть эфемерной жизни каждого всплеска морской плоти. Покидали музей притихшие. Каждый уносил с собой частичку нового ощущения от увиденного. На долго ли хватит заворожённого состояния души зависит от востребованности человека. Если он адекватен творению прекрасного, тогда, неприменно, состояние удивления, помноженное на восхищение, будет торжествовать в нём постоянно до исхода в иной мир. Следующим открытием для Александра была картина натуральная, сотворенная самой природой. Ранним утром вся семья находилась у моря. Ничто не предвещало неожиданности. Обыденность нарушали лишь крикливые

чайки да рыбаки, что удили рыбу с пирса. Каждый раз, когда удавалось выловить кефаль, среди них происходило ленивое оживление. Александр, конечно же, находился вблизи них. Ему всё было интересно, вплоть до того, как насаживают морского червя на крючок. И вот, в момент томления, когда, казалось, что жизнь остановилась, произошло то, что ни у кого из присутствующих на волноломе не вызвало ажиотажа или хотя бы удивления. Подумаешь – афалина. Черная торпеда в сорока метрах от пирса степенно дефилировала параллельно берегу моря, время от времени изображая над поверхностью воды трехметровое коромысло.

Ближе к вечеру, утомлённые бездельем, отдыхающие возвращались с пляжа. На небольшой площадке при набережной их ожидал концерт одного исполнителя. Это был индеец в национальном костюме. Голову его обрамляла бандана с орлиными перьями. Он выводил рулады на флейтах различной величины и конфигураций. Аккомпанировала ему инструментальная мелодия, лившаяся из двух колонок находящихся по бокам от исполнителя. Это был завершающий аккорд впечатлений для юного Поновитого, выбравшегося из провинции в большой мир, где собираются люди со всех уголков бывшего Союза, и не только. Лёжа на верхней вагонной полке поезда Симферополь–

Москва, Александр с некоторой долей ностальгии перебирал в памяти все эпизоды трехнедельной жизни в новой обстановке. Вывод был один: жизнь прекрасна и удивительна. С этими мыслями он уже собирался вздремнуть, но тут его внимание привлёк разговор одного из пассажиров с его отцом.

– Я раз десять в своей жизни мог умереть, – пояснял он отцу. – Меня спасал от смерти внутренний голос. Однажды еду на своем жигуленке – спускаюсь с горы и тут голос, идущий как бы сзади и сверху, вещает мне: «Снизь скорость». Поскольку такое явление происходило со мной не впервые, я подчинился. Через пять-шесть секунд опять: «Снизь скорость». Что за наваждение, думаю, но всё же ещё снизил бег своей машинки, а впереди темно, света фар не хватает, и тут в метрах тридцати я заметил препятствие. Осторожно объезжаю – и что? Два тела – мужчина и женщина – лежат посередине дороги. А вот, ещё случай. Стою в церкви и так меня скука одолела. Молись да молись. Дай, думаю, посмотрю на всю эту копошню сверху. И что бы вы думали. Поднимаюсь, скорее выплываю, как в фантастическом фильме, из лона церкви через боковое оконце. Стекло оказалось не помехой. Лечу всё выше и выше. Уже и церковь превратилась в спичечный коробок, а я всё лечу. Вдруг вижу перед собой туманную

белесо-голубую преграду, а откуда-то сбоку подплывает ко мне таким же образом, как и я, мужчина с длинными, светлыми волосами, а одежда соткана из такой же примерно субстанции, как и туманная преграда. И вот он говорит: «Хочешь войти?» Я спрашиваю: «Куда?» Он взмахнул рукой, и преграда начала медленно раздвигаться, а за ней сияющие лики людей в таком же одеянии, как и у мужчины с длинными волосами. Посмотрел я вниз, а там целый сонм темных голов, и доносится оттуда ор недовольной чем-то толпы людей. Мне стало страшно. Я ничего не ответил, и человек в сияющей голубизной одежде взмахом руки опять сомкнул туманные ворота. Я поспешил спуститься к своему телу и тут обнаружил, что служба закончилась, и я один стою посреди церкви и пытаюсь вникнуть в то, что мне говорит сторож церковный.

Отец попросил собеседника назваться и записал имя интересного человека – Василий Васильевич Параил.

В восьмом классе у Поновитого младшего начали пробиваться усы, а голос всё больше сбивался на басок. Он свободно говорил на английском, сносно на языке Вольтера и развязно на своём родном. Был он крепок, не дурен собой и себе на уме.

Когда его спрашивали, кем бы он хотел быть, отрок неизменно отвечал: «Членом «Бильдербергского клуба». Вопрошающий пожимал плечами, делал вид, что ценит юмор, и менял тему разговора. Марина – его одноклассница – тоже старалась не лаптем щи хлебать. Потихоньку «гуглила», набиралась ума. На «происки» Александра хлопала ладонью по обложке книги «Угрюм-река» и приговаривала: «На чужой кровать рта не разевать». Александр с неохотой убирал руку с её колена и вопрошал:

– О какой кровати ты говоришь? Не было там кроватей. На земле родимой строгаи детей и в землю вгоняли в конце пути. Конвейер – штука тонкая. Работает без сбоя.

– Какой ты технарь. Прямо Спиноза по болтам и гайкам.

– Да где нам до Спинозы. Вот в клубе да – те ещё иллюминаты. Всех Спиноз с Демокритами за пояс заткнут. Да и задачи у мировых правителей не сравнить с теми, что были у реликтов. Возьмём Диогена. Вылезет, бывало, полуголый бичь из бочки, буркнет пару ласковых таким же бомжарам, как сам, и опять в бочку ползёт размышлять о суете сует. А нынешним тамплиерам приходится голову сушить, куда деть лишних 5 миллиардов населения, чтобы остальным жилось по-человечески. Думаешь, легко им?

– Хочешь просветить «недоумков»?

– До них ещё добраться надо. С кондачка в их чертоги не просочишься. Путь долгий, но преодолимый. Для начала надо стать или Стивенем Хокингом, или хотя бы миллиардером, а уж потом...

– Хочешь, займу? Но при условии.

– Интересно. – Отрок покосился на аппетитно округленную девичью коленку, но прикоснуться не стал. Пассаж собеседницы заинтриговал его.

– Твои иллюминаты способны только войны развязывать, а ты подскажи им другой вариант – бескровный.

– Они и без меня знают, да только он долгий и заморочливый. Китайцы ввели лимит на рождаемость, и что? Путь в никуда. Как плодились, так и плодятся. Только отчетность перед мировой общественностью подтасовывают. Начни их считать в других странах, со счёту собьешься. В Азии, вообще, Гитлер капут... Приводит к врачу чумек свою ненаглядную чумичку и плачет: «Доктор, моя баба сдохнуть хочет. Кровь выливает». Совсем дохлый уже, а сам показывает пальцем, откуда баба кровь выливает. Посмотрел доктор чумичку и развёл руками. В браке состоят уже 12 лет, и за это время у жены первый раз месячные появились. Всё это время она постоянно была беременна. Даже не знает, что такое месячные.

– Смотри, какой гинеколог. Айболит прямо.

– Так вот, – отмахнулся Александр, – одни плодятся, а у других головная боль. Как прокормить неконтролируемо возрастающую прорву людей? Нужны жёсткие меры в области «кролиководства», иначе кролики перевернут лодку деда Мазаля.

– У тебя есть намётки?

– Мир не стоит на месте. Поживём – увидим. У меня ещё слишком тонкий голос. Его никто не услышит. А услышит – так только шикнет, чтобы заткнулся, и вся недолга. Учиться, учиться и еще раз, и два, и три. Давай миллиард.

– Вот, возьми.

Губы у Марины были мягкие и податливые. У обоих кружилась голова и туманилось сознание.

После окончания восьмилетки возник вопрос, где продолжить образование? Родители планировали быстрее отправить школяра в университет, но три года показались им слишком долгой процедурой. Экстернат сокращал срок учёбы на целый год. Ученик будет грызть гранит науки дома и по интернету сдавать контрольные работы. Нагрузка увеличивалась, но мама – образованная дама – не собиралась быть лишь наблюдателем. В семнадцать лет, по мнению родителей, их сын будет уже стар для поступления в Кембриджский университет. Именно такой трамплин необходим для осуществления

амбициозной мечты молодого человека. Сам же молодой человек с пониманием относился к задумке родителей, так как его устремления совпадали на сто процентов с их замыслом. Поездки к теперь уже неоднокласснице сократились до минимума, и каждая их встреча воспринималась как праздник. Вороного коня чистил и кормил теперь другой человек, но морковкой баловал всегда Александр. Он знал, что такое привязанность умного животного к человеку, и не разочаровывал скакуна в искренности их дружбы. Каждый день всадник и конь устраивали променады, и ветер в ушах воспринимали как блаженство в высшей степени. Как-то при встрече с Мариной Александр поделился мыслями:

– Я не догоняю, какой кайф ловят завсегда-таи банановых республик, где хитрющий народец продувает им чакры и подправляет прану. Вот моя прана, – и он с любовью похлопал по загривку горячего скакуна. – Хочешь прокатиться?

– Что ты, я боюсь. Он и на месте то не стоит. Весь в движении. Такой драйв не для меня.

– Я поведу его. Повод будет у меня в руках. Ну же...

Александр помог девушке усесться в седло, и они вышли со двора. Был воскресный полдень. Осень покрыла багрянцем деревья

и кустарники. Птицы вовсю вели переговоры – кому и куда лететь, кузнечики стрекотали и делились соображениями, как не попасть на обед пернатым. Природа безостановочно совершала своё действие – перемежала прах с явлением новой жизни. Колесо свершений крутилось безостановочно. Вышли на окраину посёлка. Вдалеке извивалась речушка. Всякая божья тварь тянется к воде. Вороной раздул ноздри, захрапел.

– Что, дружек, пить захотел? Нет проблем.

Александр вскочил на лошадь позади седла, а повод отдал Марине.

– Рули.

– Ой, лучше ты.

– Ой, лучше коняшка сам пусть бежит куда хочет. Вот увидишь, мимо речки не пробежит.

Возвращались под вечер. Оба шли пешком. Коня вели на поводу. Молчали. Всё уже было сделано и всё сказано. Конвейер необратимо набирал обороты. Что было вчера, сегодня уже не суть важно. Сегодня отрок приобрёл новый жизненный опыт, без которого мальчик, как мужчина, не состоится. Его возлюбленная, хоть и была немного растеряна, но твёрдо уверовала: её роль в становлении мужчины не последняя.

Весенние ручьи с осенними листопадами сменились несколько раз. В мире за это время произошло невероятное количество изменений. Вообще-то, если говорить об изменениях,

то масштабность преобразований не соизмерима с достижениями науки и техники десятилетней давности, а уж столетнюю даль смело можно обозначить – реликт имел место быть. Разнокалиберные паровозики со вздохом уступили место современным локомотивам. Автомобили АМО смущённо посторонились перед Порше и Лексусами. Об аэропланах помолчим. Что касается общества, тут надо поскрести затылок. Не успеваёт среднестатистический человек за техническим прогрессом. В хвосте плетётся. Вроде и содержимое черепной коробки не убавилось, и институтов с гимназиями понастроили – заблудиться можно, но опыт, сын ошибок трудных, как-то не гармонирует до сих пор с гениальными друзьями парадоксов. Резонанс есть, а вот частоты разные. За свершениями человека с большой буквы – серенький гомо сапиенс с трудом поспевает. Однако после окончания вуза бьёт себя в грудь, где привинчен ромбик, и с гордостью заявляет: «Я инженер (или врач, или папа римский). То, что спесивый «специалист» за долгие годы истязаний самого себя приобрел лишь жалкий опыт, а скорее «натаску», да и то в какой-то узкой области, его не «колеблет». Базовый набор данных – кушать, размножаться и доминировать в порядке? А чего ещё? А ничего. Природа – дама

не ветреная. Один раз дала предназначение всякой твари – той, что по паре, и будь здоров, исполняй её наставление. Кто идет против шерсти – по рукам, или еще лучше – шею долой. Ничего страшного, ромбиков ещё наштампуют. Александр Поновитов принадлежал к той категории людей, которых и без ромбика за версту видно – вот идёт человек. Нет, не «ботан», а, именно, креативная личность. За что его так (чуть не сказал – бедного)? Бедных у нас пруд пруди. Если раньше – при царе их жалели и кидали медь в картузы на паперти, то теперь попрошаек причислили к чудному племени – маргиналы. Этакие существа с антисоциальным уклоном. Уклонисты, как Ленин отзывался об отколовшихся соратниках, – с мусором в ДНК. Раз не вписываются в прокрустово ложе – на помойку его. История разберется кто таков. Александр вписался в поворот конвейера, который вывел его на широкий тракт и ... скинул на все четыре стороны. Дальше, мил человек, шагай без поводья. Довольно тугрики на тебя слюнявить и вести за ручку от терний к звёздам. Поновитов младший звезд пока ещё с неба не хватал. Шутка ли закончить престижный универ в центре цивилизации. Да, тут пуповина мироздания. Свихнуться можно. Оставшись наедине с собой, осматривался, прикидывал... Что-то смущало его. Шёл, шёл...

и вдруг – обрыв, неизвестность, а впереди тьма, и не поймешь – прыгать или подождать, когда прояснится. Мысли топорщились, роились. Вспомнились лекции Дэвида Айка. Суть их заключалась в том, что мы, земляне, являемся всего лишь послушным стадом для сущностей, находящихся в соседнем измерении. Сущности эти – так называемые алконы – всячески препятствуют человечеству к переходу от опыта к знаниям. Не потому, что они бяки и не хотят видеть нас высокоразвитой цивилизацией, нет. Всё гораздо сложнее. В космосе существует иерархия, регламентирующая телодвижения землян. Алконы – промежуточное звено, такая компьютеризированная сила, манипулирующая нами через генетику. Она позволяет человеку всего лишь жить в потоке. Шаг влево, шаг вправо – низзя. Время от времени папики-боссы алконов приоткрывают заслонку к знаниям. К ней устремляются доминирующие, но всё же ведомые кукловодами личности – хватануть глоток свежего воздуха и при выдохе что-нибудь изобрести. Папики – те ещё пройдохи. Информацию подкидывают дозированно, чтобы «овцы» выполняли свою миссию, не более того. Наместники, то есть алконы, люди просвещённые, задания папиков-боссов выполняют неукоснительно. Миссия землян – генерировать низкочастотную энергию (на

что ещё способны), которая улавливается космическими резонаторами. Пройдя через своеобразные фильтры, она преобразуется в высокочастотную полевую структуру, пригодную для подпитки высокоорганизованной материи. Этакая фабрика по производству продуктов питания. Чтобы качество продуктов не снижалось, «завлабораторией» время от времени добавляет в варево свежую порцию интеллектуальной приправы. Частота энергии должна поддерживаться на соответствующем уровне. Всё просто как турнепс, выращенный в поле. Привередливая в еде, высокоорганизованная материя пока ещё недоступна для идентификации на планете Земля. Не доросли ещё. Чтобы сподручнее было общаться с людьми, алконы через специальные порталы в земной коре выходят в «люди». То есть переходят на энергетическую частоту землян и, благодаря манипуляциям с женской яйцеклеткой, благополучно развиваются в чреве роженицы. В положенный срок на свет появляется новый человек, только с микропроцессором в голове. Гибрид с отличием оканчивает школу, институт, его карьера стремительна, как луч света. Вскоре в мировом правительстве появляется новичёк, заменяющий состарившегося законодателя земного царства. Стёршаяся шестерёнка

налаженного механизма меняется на новую. Об одном из порталов – выходов в люди, – поведал Страбон, древнегреческий летописец. Портал находится в западной части современной Турции. Он представляет собой храм, где есть врата Плутона – повелителя загробного мира. Перед вратами могут находиться только посвященные, да и то для того, чтобы совершить ритуал омовения в специальном бассейне. Поновитов много чего нахватался в университете, который, кстати, также курируется наместниками. А как же, представители золотого миллиарда должны где-то получать знания, не путать с опытом – то есть приправу к бульону для космических иерархов. За время учёбы у него были, как водится, неформальные контакты. Девушкам никто не запрещал быть на уровне, дающем право находиться на верху общества. Однако он не забывал о гигиене. Иными словами, контрацепция для повесы была не пустым звуком. Об эффекте первого самца он тоже был наслышан. Утехи утехами, а Марина была единственной женщиной, с которой молодой человек хотел продолжить свой род, а раз так, чужая микрофлора по боку. Во время каникул, находясь в родных просторах, они с Мариной не раз муссировали детскую тему. Так, что тривиальная резинка являлась своего рода заслонкой как для биологической безопасности,

так и моральной кисией проказника. Размышления о мирской суете прервал импульс идущий из области сердца. Защемило трудягу, занепокоило. Побросав в сумку студенческий скарб, новоиспеченный бакалавр выехал в аэропорт Хитроу.

Дома его, прежде всего, просканировали. Поновитов старший, оглядев отпрыска с головы до ног, остался доволен. Сын повзрослел, налился силой. Футбол, родоначальником которого была, конечно же, Англия, не остался в стороне от спортивно сложенного джентльмена. Рукопашный бой с тхеквондо тоже не помешали. Сила и реакция – неплохая составляющая в современном мире. Хоть умники и злорадствуют, что реакция нужна прежде всего для выполнения команд, спущенных сверху, но человеку с «Соломоном» в голове не помешают указы – что сеять и когда жать. Последнее умозаключение подсказывало ему чисто профессиональное чувство агрария.

Мама прежде всего расцеловала своё чадо, а уж потом критически заметила:

– Ты что там плохо питался?

– Ну, что ты, ма... У меня обычный европейский стандарт фигуры.

Когда очередь дошла до мадам «бонжур» (она так и осталась в семье Поновитовых для следующего поколения), у молодого Поновитова возникло новое ощущение комильфо – как

когда-то в детстве. Прищурив глазки, «француженка» раздела отрока до положения «ню». Она погрозила старческим пальцем и без обиняков заявила:

– А мальчик-то наш стал донжуаном. Вы компрене?*

Мальчик не замедлил отвести подозрение:

– Ах, обвинить меня так просто, я сам ложусь к ногам мадам. – Для убедительности добавил: – Да что к ногам, и ручки у них тоже хороши. – Подойдя к старушке, Александр галантно поцеловал её морщинистую руку. – А если серьёзно, весь мой тестостерон уходил на науку.

Мать как-то по-иному посмотрела на сынулю и выдала сентенцию:

– Мариночку не обижать!

За столом разговор перешёл в плоскость мирового порядка. Кто правит миром и что думает по этому поводу Поновитов младший – ведь это его вектор.

– Моя наивность, – начал он, – вместе с детскими штанишками остались там... в ностальгическом воспоминании о беззаботном времени. В мировое правительство с улицы никто не попадает. Взятка, как привычный инструмент, в мире господ не работает. Рокфеллеру взятку не дашь. Президентами и премьер-министрами

---

*Вкурили? (фр.)

ведущих стран по воле демократических сил не становятся. Более того, главы держав являются лишь секретарями теневого правительства. Для того, чтобы стать членом их клуба, надо иметь набор хромосом от библейского Лота и его дочерей. Только вот, где ими обзавестись – мне, например? Комментарии могут быть, но они ничего не решают.

Минуту за столом никто не говорил. Молча пережёвывали пищу, ту, что дал Бог, и ту, что выдал к размышлению отрок, вернувшийся, как говорят разведчики, – с холода. Первым нарушил молчание глава семейства.

– Даже ради осознания – кто есть кто, стоило окунуться в купель – где ты не прокис, а набрался житейской мудрости. Остальное не суть важно. Переварим.

Поощрённый «мудрец» поспешил выложить соображения о своих перспективах:

– Я решил попытать счастья в Сколково*. Чем не силиконовая долина? Во всяком случае не хуже Калифорнийской. В Сколково открыли университет. Там диплом не дают, но зато адаптируют к выбранному направлению. Поступить могут бакалавры с хорошим знанием английского языка, а у меня в загашнике ещё и французский.

---

*Научный центр в Подмосковье.

Мадам бонжур влюблённо посмотрела на своего ученика и высказала своё резюме:

– Удел глупой рыбы искать место, где глубже, а человек прежде всего должен быть патриотом своей родины. Так держать, Александр, – пафосно закончила она свое наставление.

Марина, в отличие от своего бойфренда, варилась в пуританской купели с провинциальным запашком. Киснуть не кисла, но и благоухающими ароматами не пропиталась. В небольших городках всякий житель, как на смотрах, созерцает «статки» и недостатки любого, кто хоть как-то выделяется из общей массы.

– Здорово, земляк, – кричит через улицу прохожий.

– Привет, братишка. Как жизнь?

– Да всё такая же. Бьёт ключом и всё по голове норовит попасть.

Такие вот простодушные отношения. Столичный лоск тут не в моде. Могут и в морду заехать, если очень не понравиться. Одно слово – нудьга. Марина старалась меньше гулять по улицам. Дорога на электричку – в институт и назад. Вот и весь основной уклад жизни. Знакомства тоже ограничивались соседями да сокурсницами. Что касается амурных увлечений – было такое, но в начальной стадии

закончилось, не успев развиваться. Бунтующая плоть вознамерилась однажды проявить себя, но вовремя была пресечена. Как-то «препод», нюхом унюхавший у неё избыток гормонов, решил подъехать с неожиданной стороны. Он вдруг начал оспаривать авторитет Эйнштейна и камня на камне не оставил от его теории относительности. Мол, космическая пустота – бред сивой кобылы. Всё пространство вселенной занимает эфир. Разная его плотность порождает движение планет и всяких других, менее важных, образований. Даже язык на фотографии, высунутый теоретиком, указывает на то, что Альберт – продувная bestия. Марина соглашалась с ним до тех пор, пока ниспровергатель авторитетов не вознамерился изменить формулу физика опять же в физическом кабинете и с её помощью, на составленных стульях. Разыгравшиеся гормоны пришлось срочно утихомирить, зато в зачётке появился восполняющий неудачу кавалера скучный неуд.

Вот в таких сереньких, невыразительных буднях обреталась истомившаяся душа молодой особы. Единственной отдушиной были лишь нечастые приезды Александра. Тогда она забывала обо всём на свете, и об эфире, блуждающем где-то в просторах вселенной, и о скучных лекциях в институте, и что на улице

хоть и весна, а податься некуда. Сегодня она ожидала... вернее ждала, а может быть, всё-таки поджидала? Дружка! Во всяком случае того, кто вошёл в её жизнь раз и навсегда. Вознесение – вот, что она испытывала с самого утра. Вчера он ей позвонил – и мир преобразился. Когда у ворот тормознула серебристая машина, она вылетела как ласточка из наскучившего гнезда.

– Кто рулит?

– Моя Несмеяна, – Александр подхватил девушку в охапку и закружился с ней. Понтиак, как в своё время нетерпеливый рысак, держал курс к тому месту, где обитала аура, соединившая накрепко две судьбы. Из колонок автомобиля Николай Басков и Монсита Кабалье исторгали праздник любви, против которой не существует преград.

Форум в Давосе

Слова... Они всегда все объясняют. Даже необъяснимое. В этом мы - сопровождающие делегацию Петра Порошенко в Швейцарию деревеньку под названием «Давос», убедились в первый же день работы экономического форума. Пока главы государств обсуждали проекты борьбы с бедностью и мировым терроризмом, мы - обслуга, попали на другой, спонтанный форум, без всяких регламентов и протоколов. Стихийность междусобойчика возникла не случайно. Возвышенная атмосфера - в прямом и переносном смысле, как бы сама собой «явила миру» этакое вольное толкование, где не ощущалось того напряжения, что царит в «закрытых» говорильнях. В центре внимания оказался мужичёк одетый так, как будто только что спустился с гор, опробовав очередную слаломную трассу изобилующую крутыми поворотами.

Альпы! Что тут ещё скажешь? Было ему лет под сорок. Выглядел аскетом и звали его Брендом Кокс. Общественный активист. Его харизма с печатью записного оратора, природно совмещалась с тавро бонвивана - завсегдадая фривольного клуба, где девки азартно пляшут канкан. Говорил без меканья и непринужденно.

- Когда спускали на воду «Титаник», - обвёл

он взглядом серых глаз собравшихся, все газе-ты мира пестрели заголовками - самый, самый, самый... На самом деле, как оказалось в последствие, судно было сделано из некачественного металла. С излишками серы, что делало его непригодным для плавания в холодных водах, что и подтвердилось после столкновения «Левиофана» с айсбергом. Другое дело для чего создавались пляски Витта вокруг проекта века. Вот тут одна страшилка наступает на пятки другой. Я уже не в пятый раз рассказываю о той трагедии, но каждый раз на меня смотрят как на сбежавшего из дурки пациента. Время сглаживает давние события и никто уже не придаёт значения тому факту, что проплаченная ложь становится правдой.

- Подтверждение о непригодности металла есть?

- А как же. В девяносто первом году прошлого столетия группа ученых посетила место катастрофы. Возглавлял её Стив Бласко, специалист по геологии из министерства естественных ресурсов Канады. После проведения экспертизы они пришли к выводу: В момент столкновения судна с айсбергом, плиты обшивки корпуса не прогнулись внутрь. Они подверглись излому. Вывод: Кому-то это было нужно. Примечательный факт. Еще до постройки хрупкой, как гнилой орех посудыны известный фантаст Гауптман в своей книге дал точный прогноз судьбы кораб-

ля и его пассажиров. Это и многое другое наводит на размышления. Цинизм высшей марки в отличие от материала пошедшего на постройку «Титаника». Спланированная акция задолго до его постройки. Еще больший цинизм был в том, что на корабле плыли автор проекта своего де-тища Томас Эндрюс вместе с представителями компании, в чьих владениях находилась судо-верфь. Гаранты безопасности обречённого су-дна. То, что неподалеку паралельным курсом шло еще одно суденышко без опознавательных знаков, не знал никто из пассажиров, судьба которых, всем известна. Козни иллюминатов проявились нагло и беспрецедентно. Показали всему миру - кто в доме хозяин. В их орден входил и Мальтус - тот, что в конце восемнад-цатого столетия уже был озабочен чрезмерной плодovitостью «недочеловеков». Уже тогда в его девиз входило: Не развивать медицину, не бороться с бедностью, зато при первой возмо-жности развязывать войны. Этаким образчик увлеченного троглодита. Верные его заветам современные масоны обеспокоены уже не на шутку. Ведь в их задачу входит убрать с лица земли не какие-то жалкие миллионы, а миллиарды лишних людей. Оставить лишь кучку быдло-бабуинов способных обслуживать Золотой миллиард избранных патрициев. Для эпохаль-ной задачи все средства хороши. Впрочем при-ёмы «сногсшибательных» трюков мало чем от -

личаются от мальтузианских. Та же медицина долженствующая лечить, но не вылечивать, кормить, но не докармливать одних и перекармливать других (как же больные ожирением), развязывать войны, где брат идет на брата и т.п. Ведь ресурсы Земли не безграничны. Всех не прокормишь... А ведь жизнь на планете могла развиваться по другому сценарию. Однако, сильные мира сего, еще на заре технической революции совершили глобальное преступление против человечества. Похерили разработки Н.Теслы по использованию пространства в виде бесплатной энергетической кладовой. Бестопливные технологии. Им не дали развиваться, угробив на корню. А людей работавших в этом направлении ошельмовали и предали забвению. Цель одна: Нефтяные магнаты вне конкуренции. Кто не с нами, тот против нас. Власть над миром. Что может быть важнее? Ни-че-го! Я думаю «ананербо» был близок в своих устремлениях по созданию ФАУ-2, но замыслы использования супер-устройства также были далеки от интересов нефтяных королей и цивилизация продолжала еще семьдесят лет катиться в нефтяное болото. В настоящее время изгадив планету до абсурда, наконец-то вспомнили о старых-новых технологиях и потихоньку со скрипом в основном благодаря энтузиастам там и сям начали появляться бестопливные аппараты.

- Вопрос в тему.

- Хоть два.

- На нефтяных промыслах в то время каждую вышку обслуживали два человека. Один при помощи архаического привода вращал барабан связанный с насосом, другой был на подхвате. Так они без усталости, сменяя друг друга, трудились всю смену. Заколачивали бабки, как сейчас говорят. С изобретением электричества надобность в потогенном труде отпала. Казалось бы живи и радуйся - улучшились условия труда, но электрификация привела к социальному взрыву.

- Вы наверное марксист? В мире все взаимосвязанно. Сослагательное наклонение юзает. Такое понятие как всеобщее благоденствие и занятость населения всегда были антагонистами. Даёшь каждому по куску труда... В этой связи приходит на ум анекдот: Таджикская семья из восемнадцати человек снимет комнату. Чистоту и порядок гарантируем. С комнатой все понятно, а вот с работой для каждого... Повесить свои проблемы на чужого дядю много ума не надо. Те, кто знает, зачем живёт, так беспечно не плодятся, а кто не знает, не задумывается над этим. В мире сложилась порочная практика: Малосемейные пары всегда ущемляются в правах по сравнению с многосемейными. А если наоборот, малосемейному бонус, а любвиобильному приглашение к хирургу - убрать лишние органы. Они, как в песне поётся: Не у каждого, но есть.

Если ты пришёл в этот мир - то живи, а не под-
кладывай обществу мины замедленного действия.
Армии бесчинствующих подонков заполонили
культурные центры Европы и глумятся над
людьми давшими им . неимоверно, они
Расплодившись целенаправленно уничтожают
цивилизацию, к которой имеют только одно
отношение - потреблять кем-то произве-
дённый продукт и делать кормильцам не-
выносимые условия для жизни, поджигая их
дома и убивая их самих. Недавние события в
Париже свидетельствуют об этом. Мне могут во-
зразить: Таким радикальным способом они
отстаивают свои права на возможность жить как
им велит Коран, Талмуд, Библия в конце
концов. Только вот переустраивать мир под свои
понятия может только недалёкий человек. Ум-
ный приводит себя в соответствие с миром. Ещё
умный человек чувствует гармонию вселенной. У
него есть душа. Тот, кто её не чувствует - мёртв.
Тело его способно лишь сокращать мышцы для
отправления естественных надобностей. Пра-
вители многих стран идут на поводу своего на-
селения, заручаясь поддержкой нв выборах.
Взобравшись в кресло, они, хочешь не хочешь,
вынуждены выполнять свои обещания хотя бы
на треть. Им и в голову не может придти мысль
о регулировании народонаселения. В матрице
мышления отсутствует такой блок. Между тем
демографическая пружина закручена до отказа.

Остается только ждать когда она лопнет. И тогда не спасут никакие лукавые заверения, что хотели как лучше... Лучше для кого? Для мирового правительства? Так оно спит и видит устроить катаклизм хотя бы в отдельно взятой стране. Ответственность за судьбу планеты лежит на каждом её заселяющем. Ответственность и еще раз ответственность. Родил недоноска, не бегай по судам с тем, чтобы упечь в тюрьму медика за то, что твой нежизнеспособный плод не удалось реанимировать. Радуйся. Одним иждивенцем в мире стало меньше. Прижало конкретно-«memento morge» думай о смерти. Не жди, когда превратишься в овощ.

- Пораженческий нигелизм.

- Согласен, если душок. Но лучше так, чем тупо искать виновных в своей несостоятельности и бегать с бомбой разрывая «неугодных» на молекулы. Какими бы плохишами не были власть имущие, но они худо-бедно дают возможность существовать обществу. Скатиться в яму беспредела проще простого, а вот выбраться из неё... Простой пример с теми же Рокфеллерами. Хотя я и не питаю теплых чувств к ним, но объективности ради не отношу их к особям со зверинным оскалом. Да кровопийцы, да неугодные до икоты многим землянам, но, что поделаешь? Работа у них такая. Херувимы не способны управлять миром. Ещё раз подчёркиваю - противостоять можно и нужно даже чёрту, но между

дозволенного переступить не советую никому. Иначе хаос. Погибель. Это не заигрывание, как, возможно, думают некоторые. Примириться со злом ради нерасползания ещё большего зла - вот задача сегодняшнего дня. В каждое другое время, а оно всегда другое, взаимосвязанные нейроны и митохондрии делают нас другими. Не потому, что меняются картинки связей в лептонном механизме, а от того, что с потерей нервных клеток меняются интегральные формулы. И так до завершения непрерывного цикла. Были когда-то другими и Рокфеллеры. В годы депрессии, когда вся Америка превратилась в нескончаемые очереди за бесплатной похлебкой, они бросили все свои капиталы в строительную индустрию. Страна была в ступоре, а они развернули стройку века сравнимую разве что со строительством пирамид в Египте. На возведение небоскребов в центре Манхэттена, (а он был в то время помойкой) было брошено семьдесят с лишним тысяч строителей.

Кризис в начале застопорился, а затем начал отступать. Это на их капиталы выстроили всемирный торговый центр с башнями близнецами, которые в начале нового века разрушили бомбисты. Ломать не строить. Мир переполнен злобствующей голозой и с ней не так легко бороться. Несостоятельность демократических институций ещё больше усиливает их агрессию. Безнаказанность и мягкотелость развращает. Не

думаю, что мировое правительство посматривает на сатанизм через розовые очки. Они, просто в графе - уничтожить - ставят галочки не перед конкретными фамилиями преступников (это удел полиции), а в развёрнутом плане по чипизации всего населения земли. Это значит: Каждому гражданину будет внедрён имплантант. Этакий маячок. Владелец супер поводка даже знать не будет, что обзавёлся очень дорогой игрушкой. Так дорого она может ему обойтись. Все его перемещения во времени и пространстве будут фиксироваться в центре слежения за носителем миниатюрного электронного устройства. Нельзя изменить часть не изменив целого. Таким принципом рыцари плаща и кинжала и будут руководствоваться.

- Но это же химера...

- Отнюдь! Нанотехнология далеко продвинулась в своих изысканиях. Некий, невидимый глазу предмет будет ненароком помещён, скажем, в пачку печенья, расфасованного и распространённого транснациональной компанией по всему свету. Употребил лакомство и готово, чип беспрепятственно проник в чрево лакомки и приступил к исполнению обязанностей цепко при этом закрепившись за стенку кишечника. Иезуитский способ, не спорю, но человечество добилось своего и наша цивилизация в этом отношении не пасёт задних. Еще несколько тысяч лет назад в Тибетской книге мертвых были записаны в

скрижали такие откровения - страсти исходят от злых людей. И еще, люди лишние на этой земле. Интересные замечания, не правда - ли? Удел истории подмечать деяния людей, не более того.

- Ну и пусть себе подглядывают, если кому-то так хочется. Слежка и сейчас ведется, где маячком является мобильный телефон или компьютер.

- Вы не добавили существенный факт. Уже сейчас вживляют в руку имплантант с программным обеспечением. Пока желающим. Идёт обкатка идеи. Кроме маячка он выполняет ещё ряд функций: как-то, - установка статуса владельца, идентификационный код и ряд других данных. Немаловажно! Через него проходят денежные потоки. Чем это чревато? В любой момент, по желанию представителей мировой закулисы, может произойти блокировка базы стоп листа загруженного в чип и всё можешь считать себя бомжем, выкинутым из обращения... Чтобы разблокировать электронное устройство придется доказывать через суд, что ты не тот, за которого тебя принимают. Без денег, а все денежные потоки, как я уже говорил, будут проходить через имплантант, вряд ли так просто удастся чего-то добиться. Бомж, он и есть бомж. Кто с ним будет разговаривать. Если учесть кем и для чего создается глобальный электронный поводок, то в обновляющемся мире вряд ли найдется достой-

ное место для семьи из восемнадцати человек да еще в одной комнате. Человеческое общество во все времена стремилось к свершениям, неважно каким, преодолевая при этом разного рода кризисы. Только вот кризис мировоззрения так и не одолело...

Снежный вихрь, где-то притаившийся, до поры до времени, в горном ущелье, нахраписто ворвался на равнину и заявил собравшимся на пятачке любителям поговорить - кто в мире хозяин. Крупные хлопья мокрого снега в момент облепили разноцветные фигурки участников «малого» форума. Их чаяния не были услышаны в «тронном» овальном зале, где делегаты ведущих стран мира единогласно проголосовали: Признать боевиков ДНР и ЛНР международными террористами. Воздержался один Путин. Он вообще воздержался от поездки в Давос.

Февраль 2015 г.

Две девицы под окном,
тёрли тёрки вечерком...

Не Пушкин

Простые люди

... – Кабы я была царицей, - говорит одна девица.

- Алиска, тебя кто торкнул по катушкам? Пушкина вспомнила. Плесни лучше ещё чайку. Твоё хвалёное печенье зубам навязло. Масла наверное пожалела при выпечке.

- Пушкина Катенька не вспоминают, его цитируют. Он жив! Он растворился во времени. Его пророчества о глобализации управления миром полностью подтвердились. Поэт видел будущее в образах на бессознательном уровне.

- Ух ты! Вот это занос. Тогда плесни мне что-нибудь покрепче, не то я со стула упаду. В какой тусне ты риторикой заразилась? Помню, я впадала в ступор только на семинарах по диамату, да и то по причине полного его неприятия. По мне диалектический атеизм понятнее и симпатичней чем косный материализм вкупе с идеализмом. Просекай: - Принимая бытие Божие, человек находится состоянии конфликта с Божьим Промыслом и тем не менее благодать спускается на него свыше, изменяя нравственность и мировоззрение верующего. Конечно, несумятица и тут присутствует, но, как говорится-чем

богаты.

Да, кстати, что за фейк повредил тебя. От кого рожать собралась? Какого царька осчастливить решила? Надо же: - И для батюшки царя... Ой не могу. Держи меня крепче. Я всё-таки упаду. Богатыря изобразить насмелилась. Не от боксёра ли-этого как там его? Он ведь один такой-весь из себя... Да и кому сейчас нужны богатыри? Их время кануло безвозвратно вместе с мамонтами. Шайка лузеров при виде мастадонта, вначале шумно выдохнет с междометиями, а потом резво затюкает, запинаят экзотическое создание природы. Наша цивилизация неотвратимо вырождается, и на смену богатырям торжественно вступает её величество-система. Без системы ни один Геракл не очистит авгиевы конюшни, если не будет на то указания свыше.

- Кто тебе подружка сказал, что я рожать собралась? Такие подвиги не для меня. Да и от кого, опять же? Сама сказала «Илья Муромец» не выживет. Среды обитания для таких нет. Выходить замуж за бизнес-партнера курам на смех. Через год, другой муженёк пропущенный через системное братство заведет себе, как и полагается в коллективе, системную шлюху - тут и сказке конец.

- Тогда что?

- Быть царицей, значит править.

- Ладно третий раз я падать не буду. Ты лучше скажи - твою бабушку во время второй мировой

никакой Флюхтер не догонял? Ведь в то время - это было запросто.

- Не знаю, а зачем тебе?

- Так Екатерина вторая была фрау, а это диагноз. Слово упертость превосходно подходит для уроженцев Фатерлянда. Преследуя свою цель, она походила выщелкнула из жизни своего муженька да и, вообще, во время путча вела себя исключительно по деловому. Как рачительная хозяйка убирала ненужные в хозяйстве предметы. У них всё исключительное. Даже фашизм был не просто идеологической подкладкой в ориентации к завоеванию мира, а исключительно начиненный идеей превосходства на всем и вся... Ра-са - это не какая-то жалкая национальность.

- Немцам не откажешь в настойчивости как таковой, но их интеллект никак не желает взаимодействовать с нравственностью. А - это, уже данность Божественная. Человеку дарован потенциал возможностей, который всяк на свой лад намеревается его использовать. Одни всю жизнь ищут святой грааль, чтобы вознестись над миром, а другие, скажем, такие, как Индийский кудесник Саи Баба чудеса демонстрирует не отходя далеко от своей опочивальни. Этот потомок жрецов исчезнувшей Атлантиды при тысячном скоплении паломников садит напротив себя человека и на его глазах начинает священнодействовать. Он протягивает раскрытую ладонь к свету и на глазах изумленной публики на ней

начинает создаваться перстень или кольцо с бриллиантами. Вначале предмет проецируется, а затем появляется полностью. И всё это без всяких манипуляций с телодвижениями. Все появившиеся чудесным образом украшения он дарит людям, чтобы никто не усомнился в подлинности творения. Как это делается, не дано узнать. Ясно одно - потомок Атлантов связан с тонким миром Вселенной. Из ничего делать чего... не каждому дано. Чисто механическое действие исключено. Одно ясно - животворящее начало Вселенной существует, а как называть творца Богом или Аллахом не суть важно. Между прочим, Пушкин тоже, как и Саи Баба был из тех самых... Только кудрявый выюношь слишком заигрался в светском вертепе. Африканская кровь сыграла, все-таки с ним злую шутку. Ему везде нужно было поспеть... И стихи на обрывке бумажки написать, и сабелькой при столкновении Уланов с неприятелем помахать, и чего греха таить-подвернушуюся к стати или некстати игривую бабенку оприходовать.

- Да бог с ними - теми кудесниками. Нам-то как жить при нашем балагане, где действующие лица-то чудо в перьях, то просто пальцем деланные. Вроде бы все при деле - суетятся,напрягаются, а страна как была сырьевым придатком для Западных бомжей, так и остаётся. Вот посуди сама. Идёт матч, футбольный, скажем. Счёт 0:5 не в нашу пользу. Тренеры ба-

гровеют, меняют игроков, грозно поцыкивают на форвардов. Казалось бы работа идет, накал страстей не стихает, а счёт как был не в нашу пользу, таким и остался до конца матча. Нет результата... Результата нет!

- И, что ты предлагаешь? Поменять шило на мыло? Нет, дорогая, ментальность не пропьешь. Помнишь как Лигачёв ездил в командировку в Скандинавию, перенимать опыт работы у тамошних фермеров. Ну как же страна традиционного земледелия. У них на севере пшеница растет, а у нас в средних широтах нет. Он не туда сунулся. Голландия - вот это да. Лежит ниже уровня моря, время от времени долины затопляет - чем не благодать, хошь рис, хошь кукурудзу сади - всё нальется соком.

- Алиска, а давай мы тебя отправим в командировку к Еврокомиссару. Как говаривали наши пращурь: - «бог не выдаст, свинья не съест». Если там не прокатит, попрешь напрямик к Пан Ги Муну в ООН. У него уже подвязается послом доброй воли Жизель Бюндхен - бывшая топ модель вот и будет вам не скучно - двум девицам под окном... Ей тридцать четыре года и тебе...

- А, вот об этом не будем!

- Хорошо, было б сказано. Она занимается йогой и тебя натаскает по части нирваны. К тому же Жизель, хоть и очень занята, но обещала участвовать в самых ярких проектах. А если и там не прокатит - тьфу, тьфу, тьфу - тогда тиснем в

интернете обращение ко всем равнодушным людям планеты с призывом распустить все парламенты под эгидой их недееспособности.

Ну как?

- Не смейся смешного. В интернете кроме ржачки ничего уже не воспринимают всерьёз. Всем до всего фиолетово. Ты думаешь, что чиновники не догоняют о своей несостоятельности? Они рады были бы, что-то поменять, только руки коротки выбраться из беличьего колеса. Так и крутятся всю жизнь и народ заставляют крутиться. Не зря ведь проныры изобразили де-виз: - «хочешь жить, умей вертеться». Структурное управление позволяет лишь линейную вибрацию мышц. Чуть сдвинул планку вектора и сразу ор-гвыводы. Ротшильд знаешь, что сказал в своё время? - Дайте мне возможность управлять деньгами страны и мне нет дела до законов этой страны». И он их получил. И управляет! Только уже не страной, а всем миром. Интересная историйка? Кстати об истории... Доллар, когда появился на свет, был так себе валютой. Ни шатко, ни валко. Бумажка да бумажка. Подумаешь подменяет собой кусочек золота. И не такое видали. Жил он себе, поживал - зелёный такой. Имел хождение вначале у себя на родине, потом перекочевал в другую страну, третью... Банкиры нарадоваться не могли. Знай себе подсчитывай маржу от продажи и покупки оного. И вот наступил час икс! Поскольку номинал купюры

обеспечивался золотом, французские банкиры, однажды, взяли и поменяли находившиеся в их активах банкноты на рыжѐ¹ раз, другой, третий... Американосы, когда хватились, золотой запас страны кот слизал. Что тут началось. Содом и Гоморра. - «Караул, грабят!»! Тогда в семдесят первом году прошлого века президентом был Никсон. Буквально на следующий день после «дефолта» он издал указ запрещающий обмен доллара на золото. С тех пор эквивалентом валюты стала нефтянка. Нефтедоллар! Звучит да? Появились биржи контролирующие цену на нефть. Цена на нефть снизилась, доллар упал, и увеличилась - доллар подскочил. Такой себе базар, где брокеры ежеминутно докладывают о ситуации на нефтяном рынке. Вот откуда пошла фраза: - «время - деньги». За один час держатели акций могут пролететь или подняться. Поскольку доллар любит баррели заполненными, а не пустыми, за этим необходимо строго следить. А как? Хусейн, однажды расслабился - забыковал, так у него сразу же обнаружили оружие массового поражения. Не нашли? Не беда. Зато баррели наполнились. С Каддафи вышло ещё хуже. Не соизволил учиться на ошибках других. Так и ушёл в мир иной с мыслями о несправедливости властей имущих. Садат? Ну тут немножко братья Словяне подсустились. Не позволили супостатам с матра-соподобным флагом хорошего человека гнобить, хотя заваруху учинили будь здоров. До сих пор толпы вооружённых зомбочеловеков гоняются

друг за другом. Гражданская война штука занятая. Сегодня, еще с утра ты был никем, а к вечеру подфартило и ты стал всем. Помнишь как в песне утверждали: - «кто был никем, тот станет всем». Марсельеза называется.

- Мерсельеза была у Французов.

- Да? А-а-это там, где Жак Ширак скоммуниздил себе денюжат на пару костюмов и его за это на старости лет чуть в тюрьму не заслали. Милый был старичёк, жаль, что коррумпированный. У нас тоже в бытность всеобщего благоденствия у некоторых было сразу два, а то и три костюма. как их клеймили стяжателей:

- Вещизм, вещизм пестрели заголовками все центральные газеты. Правда вещи были куплены на барахолке по тройной цене, но это уже была другая история. Главное человеку не давали заикаться на каких-то шмотках. Это отвлекало от задач векторной политики партии и приравнивалось к хулиганству в публичном доме. Правда публичных домов официально не было, зато с лёгкой руки бывшей дворянки Коллонтай было объявлена свободная любовь. Секса не было, а любовь была.

-«Как так, - может озадачиться наивный человек»? А вот так! Не знали такого слова. Не было его в обиходе. А то, что было, о нём лучше помалкивать. Что было, то и было. Подваливает, бывало, прищавый шпынь озабоченный с комсомольским значком на лацкане «пинжака» к девахе и начинает

приплясывать: - «ты это самое, того, чтобы как-то, а то ой-ё-ёй»... Та в ответ : - «гребни ластами пока табло не свернула». Озабоченный в расстроенных чувствах «гребёт» в комитет комсомола и карябает цидулку: - «такая-то, сякая или этакая, не стала со мной мотать переентакая». Комсомолку вызывают на ковёр и начинают шерстить: -«ты почему чучело огородное отказала высранцу такому-то»? Та чуть не плача: - «так он Суслик козломордый тащил меня в лопухи придорожные». Председатель шмыгая носом восстанавливал справедливость: - «А, что лопух не растение уже? Им и подтереться можно в случае чего... Выговор тебе шалава белобрысая с занесением в учётную карточку». За что боролись на то и напоролись. За последние сто лет культура, как показатель нравственности в целом не очень-то подросла. В лучшем случае доковывляли до пассионариев и... Выдохлись. Диоген не зря шлялся в дневное время с фонарём по Синопу. В толпе людей искал человека. Не найдя, лез назад в свою бочку не желая расплёвываться с «недотыками». Так было, так будет. В тысяча восемьсот шестьдесят первом году Александр II даровал крестьянам свободу о о цене которой так рьяно рвали пуканы всякого рода либералы и прочие Пестели с Муравьёвыми. И что же? Скажу тебе сразу: - псевдо историки замолчали те события, что произошли после царских реформ. Был бунт - бессмысленный и жестокий. Крестьяне помыкавшись месяц другой на своей делянке

способной худо-бедно прокормить семью, ломанулись назад к эксплуататорам, а те им от ворот поворот. Начали жечь усадьбы, убивать вчерашних кровопийц за то, что не пускают на подворье, где можно было особо не напрягаясь копаться в навозе и в ус не дуть. Вывод на поверхности. Толпы людей - ещё не народ. До народа надо дорасти. Помещики были не дураки, они, во избежание эксцессов держали дворню на велфере. Да, мужик пахал в полном смысле этого слова, сеял, убирал урожай, а дальше занятость резко падала, но есть хочется каждый день. А тут царь - сатрап грёбанный, взял и поломал им кайф. Декабристы в силу своей некомпетентности в экономике и психологии крестьян путались под ногами у людей занимающихся делом, а не популизмом.

Лев Толстой говорил: - «мужик должен работать, иначе он растолстеет и помрёт». Наглядный пример показывали на телеэкране где МЧС пришли на помощь свиноподобному обосравшемуся на дворе существу, который упав на спину не мог самостоятельно заползти в хату. На дворе двадцать первый век. Алгоритмика технологий резко поменялась и продолжает меняться каждый день. Век живи - век учись - это уже не пустые слова. Не особо обременённый образованием человек становится обузой для общества. Его уже необходимо пристраивать на работу не требующую интеллекта. Такой работы становится всё

меньше и меньше. Социальные взрывы тому подтверждение. Неуправляемость масс не может продолжаться бесконечно. Об этом думает кто-нибудь?

- Еще как? Идеологи через СМИ успешно зомбируют население. Такими проще управлять. Оторвавшись от титьки матери, ребенок тянется к бубнящему телевизору. Ему всё интересно в этом мире, и то, что происходит вокруг него закладывается в информационную матрицу с убойной силой. Молотком забивается. Он подрастает и среда обитания лепит из него кого угодно - от козломордого суслика до полноправного гражданина способного не только быть адекватным в современном мире, но в силу пристрастий изменять его.

Здесь пассионаров подстерегает искушение выбора - к какому берегу пришвартоваться плывя по течению. К гедонистам хорошо - там вечный праздник. К пофигистам - не очень, скука скучная. А не податься ли в политики - во где страсти. Каждый мнит себя стратегом, ввинчиваясь в кучу-малу устроенной возле трибуны спикера парламента. Чем не метод решения проблем управления обществом надструктурным способом. Хаос никто не отменял - будь то папуасия или страна фаворит... «Так, так, так В чём же она фаворит? А, потом разберемся после битвы. Сейчас главное оторвать уши вот этому скунсу. Дергается не по делу».

- Алиска, а что бы ты поменяла будучи, скажем, царицей мира?

- Ничего особенного. Проникайся. Запредельные финансисты давно съехали с катушек делая деньги ради денег. Избрали себе не хилый образ жизни и менять его не собираются. Этакие непуганные лохматые барашки по беспределу обворовали уже весь мир. Америка сама себе должна «ужаш и шуматоха», как шепелявила героиня гугнявого кинофильма. Давай и мы включимся в цирковую феерию под названием - цирк уехал, а клоуны остались. Бери перо, бери бумажку. Пишем: - Мы простые люди из... (чуть не сказала Мухосранска) содружества доброй воли обращаемся к генеральному секретарю ООН с просьбой рассмотреть наш законопроект по стабилизации экономик всех стран Земного шара за счёт реформирования жилищного законодательства, а именно: отменить растовщические процентные ставки по ипотеке. Банки должны зарабатывать деньги в процессе строительства жилья за счёт НДС при покупке стройматериалов и заработной платы строителей через декларацию о доходах. Вспомните тридцатые годы прошлого столетия, когда Рокфеллеры при строительстве Манхэттена вывели США из экономической депрессии.

Точка.

Апрель 2015 г.

Фактор времени

Мерно и равнодушно отсчитывается время. Так было и сто лет и двести лет назад. Так было всегда... Маятник часов качается туда-сюда, влево-вправо, из края в край. Его задача проста - отмерить количество поступательных движений простым механизмом порой совсем не простых изменений в жизни общества на планете Земля.. - «Остановите землю, - умудрялись иногда выкрикивать некоторые её обитатели». Видно время для них было не пустым смыслом бытия. Оно, или галопировало, или становилось тягучим как смола. Во всяком случае, каждый человек воспринимал его по своему. Это зависило от рода его деятельности, или наоборот. Возьмём к примеру Бонапарта и соотнесём его деяния во времени и пространстве. Правда время тогда измерялось не тривиальными ходиками, а песочным устройством, что, однако, не влияло на ход истории, как таковой. Пространство, кстати, называлось Россией, где вымерзала армия Наполеона сам же нарушитель сонного царства варварской страны, греясь возле буржуйки творил (не будем его возвеличивать) произвол. В чём он заключался всем известно, а кому не очень, можно подсказать. Представьте Москву тысяча восемьсот двадцатого года. Зима, стужа, хаос. Царь Александр начихав на госте-

приимство оставил небожителя без опеки и должного политеса, укатил куда-то в обжитые края ни мало не озаботившись судьбой завоевателя. «Шармант», да и только. что оставалось делать властелину миру в чужих закромах, которые, к тому же, оказались пустыми? Правильно...Развить кипучую деятельность по добыче средств к существованию и только... К нему то и дело входили генералы и докладывали обстановку. Хозяин кабинета прежде чем выслушать очередного докладчика «заводил часы», то есть переворачивал стеклянный предмет, где из одной колбочки в другую начинал сыпаться тонкой стружкой песок. Это свидетельствовало о большой занятости полководца. Когда к нему с докладом входила молодая не похабного вида женщина, он деловито посылал её... в небольшое эротическое путешествие указав направление к кушетке стоявшей в некотором отдалении от рабочего стола не забыв перевернуть «часовой механизм», отсчитывающий лимитное время. Учитывая текучесть последнего, он, приспустив штаны, не отцепляя ни шпор, ни сабли, скоренько «принимал доклад» и заправляя «карандаш» в отведенное ему место, просил даму пригласить к нему следующего посетителя. И так мы убедились, что время неотъемлемая часть жизни всякого человека - будь он великим или ничтожным. ОНО отмеряет каждому ломоть или толику Своего внимания.

Звездочёты, балуясь с астрономическим инструментом, по гравитационным возмущениям могут вычислять сверхплотные потухшие звёзды. Так же играючи, они могут осчастливить мир наличием белых карликов - производные образования от этих самых канувших в лету звезд. Ну, да бог с ними. Одной звездой больше, одной меньше. Это даже не дробина для Слона. Мизер, ка говорят преферансисты. Плотная упакованная материя, где такого барохла пруд пруди. Они только путаются под ногами действующих созвездий таких как - Орион с Плеядами. Там тоже течёт время, но как-то по особенному. За временем ведётся наблюдение. Парадокс? Или, как принято сейчас говорить - фейк? Отнюдь... Раз наблюдают, значит есть кому. Контактеры общающиеся с представителями Звездной системы Плеяды довели мировому сообществу до сведения о наличие Галактической федерации Света. Это духовная иерархическая структура, которая имеет специальный коридор возможностей. Телемост по понятиям землян. Скайп. подключился и веди светскую беседу: о погоде, здоровье и вообще о видах на урожай. Мало того, так они - облачные собеседники грозятся спуститься на Землю, чтобы тет-а-тет зафиксировать дружескую встречу. Для контакта наяву необходимо изменить Решётку матрицы Земли для заполнения её соответствующей энергией. В таком случае

возможен вибрационный коэффициент позволяющий энергочастотам обеих сторон сблизиться для информационного диалога. Суть общения может сводиться к тому, что Землянам пора приобретать опыт ухода на другую планету, так как примерно к две тысячи восьмисотому году эта планета будет непригодна для жизни. Возможность перехода будет производиться - как через смерть, так и через сознание, душу, тело. Допуск на интеграцию также будут иметь люди достигшие кульминации как в культурном так и технологическом плане. Духовность в этом случае является квинтэссенцией... Ни для кого не секрет, за что был казнен Иисус Христос. Низменным существам кричавшим в своё время: - «распни его, распни», делать на другой планете нечего. Мухлёж тоже не пройдет. Это не земная бюрократия. Даже если каким-то образом кандидат не имеющий соответствующий вибрационный коэффициент попадет в «общий вагон», на каком либо этапе он будет отсеян.

Вернёмся к Земному привычному времени за которым никто не наблюдает, а наблюдают лишь за деяниями во времени. Что говорить: - в разные эпохи создавались разные шедевры законотворчества, а также эксклюзивные проекты. Средневековье не исключение.

Английский поэт - Алистер Кроули утверждал идею, что человек является Богом, который не

знает себя, и что только магия даёт шанс войти в это состояние. Поскольку, тогда адронного коллайдера ещё не было и «Бозон Хиггса» не был обнаружен, его гипотеза не была опровергнута. Он верил в построение общества безграничной свободы, где главным принципом был девиз: - «Делай, что хочешь - это будет твоим законом». Согласно «конституции» от Кроули, законом и счастьем становится закон силы: «человек имеет право убить того, кто мешает ему осуществлять свои права...»

С точки зрения убийцы, возможно, он был и прав, если не брать во внимание обратный эффект: - Свобода каждого ограничивается свободой других... Другими словами по такому закону живут в джунглях, а может быть и нет? Людям высокого поэтического полёта прощительна вольность трактовки норм поведения. Другое дело высказывания обремененного немалыми полномочиями государственного чиновника Бенджамина Фулвора: - «новый мировой порядок, инструмент - война. Всех второстепенных игроков с рынка убрать!» Итак: - время, события, люди... Вкратце можно сформулировать резюме: - точка отсчёта времени и точка приложения сил пересекаются в процессе рассекания реальности. Под эту формулировку подпадают действия сакрального, на первый взгляд, характера, а именно: в мироздании происходят непонятные явления - откуда-то появляется и куда-то исче-

зает видимая материя.

Марксисты пусть за углом постоят, их формула в данном случае не «катит». Вундеркиндствующие тоже могут им составить компанию. А вот с пытливыми тоже неувязка, погоняв мыслишку по своим полушариям они, в лучшем случае, могут потрындеть - «Измените условия взаимодействия икса и игрека, и тогда зет точно попадет в нужное место». В этом, что-то есть... И если отбросить умствования и приблизить формулу к её практическому применению, то ответ будет прост, как пареная репа. Достаточно знать некоторые нюансы. Простой пример: - В обычных условиях дистиллированная вода ведёт себя как диэлектрик. А во время солнечного затмения, как электролит. (То есть, проводит электрический ток). Изменились условия - вот и новый результат. Накопленные человечеством знания дают возможность развивать (только бы не мешали) любые научные дисциплины и уже дают потрясающие результаты, в том числе в сфере изучения новых технологий и получения неиссякаемой энергии. Потенциал альтернативной энергии огромен. Эта энергия есть повсюду, она может быть доступна каждому человеку. Для человечества открываются возможности формирования нового уклада жизни, где потребительский рынок исчезнет за ненадобностью. Всё в этом мире состоит из элементарных частиц. Но-

вейшие биотехнологии уже позволяют производить высококачественное продовольствие, пока в ограниченном количестве. Используя эти знания, можно утилизировать все отходы без вреда для природы. Более того некоторые из них, например, канализационные стоки, как это сделали в Америке, после тщательной очистки направлять обратно в трубопровод для питьевой воды. Некоторые могут сказать: - «Перестаньте болтать ерундой». Но факты вещь упрямая. Обама, после посещения хирургического кабинета, где пациенту прямо в ходе операции 3d принтером печатали ткани вместо удалённых сказал: -«Технология 3d печати имеет потенциал коренным образом изменить способ, которым мы производим большинство вещей.» Но, не всё так просто. Из чего складывается представление человека в мире? Какую информацию он берёт за основу своего мировоззрения? Если рассматривать эти вопросы с точки зрения физики, то человек крайне ограничен в своём восприятии окружающего мира. Его органы чувств поставляют весьма скудную информацию о внешнем мире, благодаря которой возникает ошибочное порой представление о внешней реальности, то есть возникает своеобразная иллюзия восприятия. Этакая субъективная действительность. Мозг, несмотря, на свою сложность, ограничен в возможностях. Все процессы и явления он «мерит» трехмерностью и ищет себе подобное. Не случайно, древние мудрецы акцентировали

внимание на том, что воспринимаемый мир не является реальностью, а у мозга есть возможность развиваться по другим интегралам. Человек с пытливым умом - не зашоренным шаблонами начинает глубже разбираться в причинах сегодняшнего духовно-нравственного кризиса в современном обществе. Но, главное, в процессе углублённого познания он выходит на совершенно новый виток развития личности для творческого преобразования в науке и техническом прогрессе. Время, как фактор, является подходящим инструментом в его исканиях.

Май 2015 г.

СВОБОДНЫЙ УРОК

В обычной школе в четвёртом классе проходил урок - свободный. Проводила его молодая учительница не закомплексованная давними традициями, где главным критерием работы было неукоснительное соблюдение всех норм и параграфов «старой» школы. время показало: - Стремление придерживаться «мудрых» методов проверенных практикой - вдалбливания информации, напрочь отбивало охоту песещать дом знаний у его посетителей. Учеников с полным основанием можно было причислить к тем бурлакам, что, когда-то, таскали баржи на Волге. Хочешь не хочешь, а тянуть лямку надо. Учительницу звали Тамарой Александровной. Она лямку не тянула... Материально обеспеченная, педагог приходила в школу «пообщаться». С коллегами, ну и, конечно, же со своими подопечными. Дидактика для неё являлась всего лишь докучливым приложением к собственной методике, которой она и придерживалась.

- Серёжа, - обратилась она к одному из своих учеников, надеюсь сегодня ты не будешь спать на уроке? Вчера, как выяснилось, ты допоздна выгружал вагоны на железнодорожной станции и, конечно, же устал. Кстати, сколько заработал?

Класс дружно отреагировал на подначку «училки».

- Тамара Александровна, заработал-то я много, но подоходный налог нагло отрубил от моей банкноты изрядный кусок. Только на жвачку и осталось.

- И то деньги. Ладно, попробую я, что-нибудь заработать в этом классе. Мешать не будете?

- Не-е-ет! Нестройный хор голосов поддержал желание преподавателя начать занятия.

- Начнём с того, что наш мыслительный аппарат, то есть мозг, работает по затратной системе. Выглядит это довольно неубедительно на первый взгляд. Судите сами: - чтобы усвоить свежую информацию, серому веществу приходится терять некоторую часть своих клеток. Мало того, так они, в запале, умудряются ещё разрушать собственный ДНК. Ну не наглость ли это? Правильно! Полный беспредел. Однако, матушка природа не оставила человека на произвол деструктивных механизмов. Она, дабы не исчерпать возможность функционировать мозг как можно дольше, предусмотрела защитный вариант в виде «ремонтной бригады» под названием - нейроны. Их задача проста - отремонтировать ДНК, которые были испорчены в процессе стирания мозгом собственных клеток для возможности получения новой информации. И так, на протяжении всей жизни человека только тем и занимается - стирает сам себя и тут же восстанавли-

вается при помощи нейронов. Увы, как ни парадоксально, это единственный метод познания окружающего мира, иначе смерть - не физическая, информационная, без которой «прямоходящий» мало отличался бы от инстинктивно мыслящих животных. К сожалению, рано или поздно процесс восстановления ДНК замедляется и наступает момент, когда приходит смерть уже физическая. На этом существо под названием человек из одной плоскости переходит в другую, о чём мы поговорим в другой раз. Вы можете спросить: - зачем, мол нам, такое не совсем вразумительное вступление? Может делать больше нечего Тамаре Александровне. Поясню: - В детстве процесс восстановления клеток происходит с большой скоростью, причём укрепляется память, а значит и возможность усваивать информацию в большем объёме. Непонятки записывайте в тетрадь, дома «загуглите» и разберётесь что к чему.

- Если хотите прожить осмысленную жизнь, приучайтесь работать. Тема нашей беседы как раз и пойдёт о том, как предки наши не желая особенно напрягаться, в буквальном смысле скатились в сточные ямы, а иные, так в них и заканчивали своё никчемное существование. Такая, с позволения сказать, «житуха» продолжалась не год и не два, а целых пятнадцать веков. За это время не было сделано в плане цивилизации ни-че-го. Только с середины девятнадцатого столетия существо

(я намеренно не называю его человеком) начало потихоньку сбрасывать с себя сонную одурь, а заодно и умываться. До мытья всего тела было ещё далеко, как и желания испражняться не по кустам, а в отведенном для этого месте. Дамы не мытые с «зоопарком» в нечёсанных космах, старались лишь не замочить подол платья в зловонной сточной канаве текущей по улице. Такова была средневековая Европа, где знать во главе с королями мало чем отличалась от простолудинов. Столетия тянулись, как скучные континенты навстречу друг другу по сантиметру в год. Ничего не менялось. Ветер свистел продувая головы жителей планеты, но никаких новых веяний вдуть в прокисшие от безделья и разгильдяйства не мог. Никакие Коперники, никакие философы не могли повернуть розы ветров в нужном направлении. Население тупо плодилось, тупо умирало от инфекционных болезней и тупо созерцало друг друга в часы, когда заканчивались кровопролитные разборки между ближними и дальними соседями. Да, был прогресс - изобрели котурны, чтобы хоть как-то пробираться по непролазной грязи. В некоторых музеях они сохранились, как память о «небывалых достижениях» этой эпохи. Знай, мол наших - не лыком шиты были. Замостить улицы и провести канализацию - это какие были бы затраты, проще изобрести неуклюжую колабашку и вся недолга. И это в Париже и Лондоне. (Всё могут короли, всё могут

короли) - поётся в песне. Только вот жениться по любви, действительно не мог ни один король. Представьте - Лувр или Версаль весь запачканный как внутри, так и снаружи. Даже во время бала кавалеры и дамы не отходя, как говориться от кассы, справив нуждишку в темном уголке, снова пускались в пляс. Умилял тот факт, что такие действия никого не удивляли. «Привычка». Это вам не коты, которые выбирают себе местечко подальше от посторонних глаз. А потом ещё и лапкой брезгливо загребнут. Царь зверей делает по своему - с размахом. Когда уже негде ступить ногой в одном замке, он перебирался в другой, отмытый и проветренный. Для таких маневров необходимо было иметь побольше жилплощади, а её, как известно, всегда не хватало. Вот и повод для захватнической войны. И песни в таком случае пели уже другие - «Король с войны возвращался домой. Солдаты пели глотая ...». Да-а, пыль глотать насыщенную известными ароматами не самое приятное занятие. Вот и вся любовь. А если ещё добавить к романтическому настрою возможность подцепить приятную во всех отношениях подружку жизни как сифилис, то слёз умиления вряд ли увидишь, а вот крокодильи слезы лились рекой. Думаете откуда появились парики? Да всё оттуда - из средневековья. Сифилис штука приметная и видна издалека. Повылазили волосы на голове? Пиши пропало... Ни одна уважающая себя дама не

подойдет к такому ясному солнышку». Себе дороже. Контрацепции ведь никакой не было. Чтобы скрыть такой досадный факт цепляли на себя парик. Даже законодатели мод по парикам были. Вот как проблемы решали. Поди разберись по какой причине ты нацепил копну волос - по моде или как...? Отдельная тема о насекомых. Самым эротическим элементом при ухаживании за дамой были поиски у любимой этих самых, которые знаменитый Левша подковывал. Чем не умельцы были? Мыло изобрести было недосуг, а вот блоху подковать - это надо было уметь. Ещё одним немаловажным элементом при желании быть увиденным или услышанным объектом внимания, были духи. Это уж из разряда - быть унюханным. Зюскинд в своём «парфюмере» вывел главным героем ублюдочного человечка - уникама в своем роде. Того хлебом не надо было кормить, дозволей только произвести на свет умопомрачительный аромат духов. И, конечно, же они стоили баснословных денег. Ведь заглушить смрад идущий от тела могли лишь сильно действующие благовония. Обратили внимание на корень в, казалось бы, изысканном слове?

То-то же! А, вообще-то, и не такую парашу видели, а гов.. да какая проблема - не хочешь, не нюхай. С ног не валит и ладно. Но были такие проблемы, что и с ног валили. Эпидемии чумы из-за поразительного пренебрежение гигиеной

выкашивали до четверти Европейского населения. Вот уж где было равенство. Не то, что у каких-то там Робеспьеров и Томасов Моров. валило всех подряд невзирая на личности. В аду на сковородке и то, повидимому, больше соблюдали права человека, чем человек наплевавший на своё достоинство. Вот природа и отдавала ему должное... Носом и в гов... как говаривал классик от литературы. Социум, что вы хотите. Так и хочется сказать: «- А не пошли бы вы все в социум,» тем пращурам, что себя - божьи создания, превратили в прах.

Единственное, что останавливает так это вкрапление жемчужин в повсеместный навоз. Талантливые зодчие, инженеры и строители творили (иного слова не подберешь) дворцы и замки не имеющих аналогов в мировой истории. Версаль с Лувром апофеоз архитектурного совершенства. Честь им и хвала. Такой же чести заслуживают ваятели и художники того времени, которые расписывали храмы, превращая их в настоящие произведения искусства. Вот их имена: - Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан, Веронезе и многие другие достойные любви и поклонения люди оставившие после себя фейерверк незабываемого наследия. Обыватели, которым посчастливилось появиться на свет в разгар создания шедевров были лишь сопричастны к событиям по времени. «- А, что такое время?» - вопрошал Петрарка.

И сам же отвечал: «- время является жизнью, а пространство-окружающей средой, в которой эта жизнь рождается и созревает». А ещё он говорил: «- Мир не настроен холить и лелеять все наши грёзы и желания, всё что мы бережно храним внутри себя, он походя истребляет и наблюдает, что из этого получается. При том, что человек не осознает безжалостной сути бытия». Саму жизнь философ назвал сущностью, она не оценивает и не разделяет ни пороки, ни сострадания. Сущность, как форма, видит в людях только возможность к жизни. После тезиса великого Франческо, напрашивается ремарка. А не рано ли появились великие созидатели, ведь не менее великие разрушители были непревзойденными антагонистами по своей природе, что было опасно вдвойне. Ведь Римский культ цивилизованного образа жизни уже был погребен под обломками бывшего благополучия с «легкой руки» варваров. История пошла по витку? Выходит, в жлоба хоть золотое яйцо вложи, всё равно он снесёт тухлое. И тут на ум приходит совершенно фантастическая мыслишка: - В одно время и на одном пространстве силами провидения соединились не совместимые два мира. И эта карусель крутилась целых полтора тысячелетия. За какие грехи на одной планете Бог решил соединить Ужа с Ежом? Ответ до сих пор лежит на поверхности. Тут, даже метафизики пока не могут соединить концы с концами. редположения имеются, как и предпосылки к разгадке фено-

мена, когда рядом с выдающимися людьми по-
чивали на их лаврах откровенные хамы и бездельники
не способные к примитивным, но необходимым
действиям. Достоверно только одно. Грань между
человеком и животным очень хрупкая. Маугли
тому пример. Достаточно одному поколению людей
оказаться в подобной ситуации и катастрофа неиз-
бежна. Мир балансировал пятнадцать веков на
лезвии ножа. Только, только отодвинулись от
джунглей, тут как чёрт из табакерки выскакивают
хунвейбины, с культурной, видите ли, революцией.
Не успели угомониться «товарищи», как на смену
тащится Пол Пот и тоже со своей революцией.
Продолжать - пустая трата времени. Работает
чётко спланированная программа. Мозг человека
улавливает сигналы к самоуничтожению. Ней-
роны не успевают ремонтировать ДНК, посколь-
ьку львиная доля населения Земли являются
потомками Неандертальцев, которые изначально
были разрушителями всего, на что натыкались.
Хищник, так хищник, человек слабее его - еще
лучше. Кроманьонцы безжалостно истреблялись,
поскольку не могли противостоять более
сильному и свирепому противнику. В итоге людей
унаследовавших генетический код Кроманьон-
цев всегда было меньше. Как следствие, в мире
постоянно происходит борьба со злом. Если его
«величество ХАМ» победит, то буквально на
следующий день и ему самому придёт
кирдык. Слово, конечно, не блещет изысканност-

ью, но, как говорили, каждому свое...

- Ну, что толстолобики, утомила я вас?

- Не-е-ет! Только уж очень много непонятки.

Мы ещё не попали в струю, чтобы всю шевелить плавниками.

- Ничего страшного. Лев Ландау в четырнадцать лет уже в университет поступил. Сразу на два факультета, и даже не поскущел. А чем мы с вами хуже? Чего ты тянешь руку Сережа?

- Тамара Александровна, разрешите вам подарить жвачку. У меня ещё одна осталась...

- Как же я тебе признательна Серёжа, - сказала учительница, грассируя перед аудиторией с таким видом - что жвачки ей как раз, позарез, и не хватало. - И так, на чём мы остановились?

- На Неандертальцах, которые месят Кроманьонцев.

- Вот именно. Ведь они по своей природе расхристанные рыцари без страха и упрёка. Им всё нипочём. Общество для них носит чисто потребительский характер. У них другой нравственный климат - более жестокий и циничный чем у Кроманьонцев. В древние и средние века их нрав оправдывался условиями существования в жестокой среде, без оглядки на какие бы то ни было законы. Закон, как таковой, диктовала сама природа - то есть без блаженной рассеянности и слюнявой толерантности. Со временем их гонор поубавился - не совсем же они поголовно тупые животные. На их «шерсти» вырос культурный слой, но

держится он пока свирепый ветер не подует, провоцируя звериное начало. Еще вчера, казалось, цивилизованный человек в момент возвращается в первобытное состояние. И тут уже желание воздействовать на зверя коммуникабельными методами - себе дороже. Толпы только что миролюбивой общности начинают «заводиться». И горе тому кто попадает в этот куражливый момент на их пути. Примеры приводить не надо. «Ящик» есть в каждом доме. Уже стала привычной картина, когда на улицах и площадях Европейских городов время от времени бесчинствуют своры взвинченных до неузнаваемости громил. Повод «повеселиться» всегда найдется, особенно у людей ни чем не занятых. Велфер - чем не рай земной? Характерная особенность таких междусобойчиков состоит в их мгновенной реакции на малейшую искру во взрывоопасной среде. Тогда в считанные минуты целая армия «демократического» слоя общества выдвигается на улицы и начинает «восстанавливать права человека». Чем это заканчивается для людей содержащих прожорливую и вечно недовольную гидру ни для кого не секрет. Ни в чём не повинные граждане несут материальный и моральный ущерб никем не восполнимый. Рано или поздно легко ранимая прослойка действительно цивилизованного общества дает сбой и катастрофа неминуема. Подобные прецеденты на земле уже были и не один раз. Увы, опыт предков ничему

не учит. Всё начинается сначала. Миллионы лет тьмы, когда природа отдыхает от деятельности человека, затем снова вылупляется его величество двуногое существо и заселение планеты начинается в очередной раз.

- А искрогасители есть?

- А как же... Поговорим о Карме. Слово попадает мистикой, но действительность её вполне реальная. приведу пример: некая женщина будучи, ещё довольно молодой, при разборках на бытовой почве, бросала своему сожителю в лицо толчённое стекло. Маразм, не правда ли? И думаете чем закончились её эскапады? Ответ лежит на поверхности.

К старости она ослепла и стала обузой для своего сожителя. Особенно, не терзаясь морально, тот покинул её. Возмездие свершилось. Приведу пример попроще, без злокозненностей. Как-то я шла и денежку нашла. Опрометчивость в моём поведении возобладала и они оказались в моём кармане. И сумма, надо сказать, была не очень... Но вот последствия для моего кармана оказались плачевными. Я расфитькала гроши и те, что нашла и те, что были с такой сноровкой, как будто за мной кто-то гнался с палкой и приговаривал при этом - «вот тебе, вот тебе». И главное вещи, что я накупила, были мне абсолютно не нужны. Бог наказал меня тем, чем я и согрешила. Резюме: в каждом человеке существует частичка Бога. Поэтому он вездесущь и

спрятаться от него невозможно. Помните об этом с этой минуты и на всю оставшуюся жизнь.

- О' кей?

- О' ке-е-ей!

- Есть искрогаситель покруче, что даёт право называть его огнетушителем, поскольку принцип воздействия на человека так и называется -«Удар огнём!» Применяется он не часто, но эффективность его на порядок выше того, что мы с вами только что разбирали. Жертвы для казни выбираются тщательно, потому что при ошибочном обвинении пострадать могут исполнители. Такие прихоти недоброго ветра возникают с незапамятных времен. Ещё в четырнадцатом веке Французский король Филлип из финансовых соображений, отправил на костёр всю верхушку тамплиеров. Великий магистр этого религиозного ордена, в отместку, перед казнью проклял монарха и всех его потомков до седьмого колена. Как явствует история - отсроченная смерть настигала проклятых в молодом возрасте при странных обстоятельствах. Из других источников, такая же участь постигла представителя красного террора Троцкого, Ясера Арафата, Израильского премьера Ицхака Рабина, род Кеннеди, и царскую семью Романовых.

С Романовыми приключилась та же история, что и с любительницей сыпать в глаза толчёное стекло - око за око, только в более убойном ва-

рианте. В своё время трехлетнего сына Лжедмитрия Романова повесили, чтобы мальчик при вхождении в возраст, не претендовал на престол. Люди говорили, что после такого злодеяния не будет у новой династии счастья, а закончат они тем же чем начали. С их детьми злодеи поступят аналогично. Так и вышло.

Как видите, сторонники обряда проклятия из пушки Воробьёв не стреляли и не стреляют. Будь ты защищён целой армией телохранителей, но вomezдние свершится и заберет проклятого из лона живой природы. Испытывают ли рефлексии судьи и исполнители ритуальных инициаций история умалчивает. Остается констатировать факт, что представители физического мира слишком упрощённо подходят к существованию мира паранормального. Живешь на свете в полной уверенности, что ты - царь и повелитель собственной вселенной. Но твою любимую вселенную делит еще кто-то, не спрашивая позволения. Только что ты был хозяином своей судьбы, и вдруг кто-то невидимый и не осязаемый легонько коснулся обжигающим пламенем и царь вселенной лежит бездыханным. И главный лом здесь вот в чём: terra incognita, ни сном ни духом, тайна двух океанов. Получил по маковке, а за что, про что - так природа захотела! И кому какое дело? Оказывается есть кому, если исходить из факта, что наша планета обладает разумом. Каждое наше слово, действие изменяет её отношение к нам. Каждому человеку имеюще-

му ряд достоинств или недостатков по космическим меркам приходит разная информация. Таким образом некая высшая сила вмешивается в нашу жизнь. Нам представляется возможность повзрослеть, чтобы не порезаться находясь на лезвии ножа. В чём это выражается? Да хотя бы в наличие паритета в ядерном противостоянии между США и Россией. Сдерживающий фактор - нераспространения оружия массового поражения сохраняет цивилизацию и планету от уничтожения. Существуют данные о состоянии интеллектуального потенциала в девятнадцатом столетии и нашего времени. Сравнение не в нашу пользу. Человечество в целом деградирует. Причина одна: - тысячная доля одного процента даровитых людей двигают науку для комфортного проживания остальной части населения, которая в лучшем случае пассивно участвует в производстве по большей части ненужных товаров, а львиная доля «поселенцев» используя надуманные приоритеты являются иждивенцами с должностями и привилегиями. Вся эта рать лениво надзирает за вроде бы необходимым процессом общественного бытия. Представим на минуту, что Неандертальцы - большая часть населения планеты, не появилась на свете вообще. Нет их! И сразу отпадает необходимость в целом сонме профессий, должностей, различных учреждений, министерств и ведомств. Нормальное общество не должно ради примитивного потребления уничтожать свою среду обитания,

то есть планету, а она уже уничтожена. Остались крохи. За эти крохи идет война до полного коллапса. Вернёмся на круги своя... Вырисовывается сюрреалистическая картина. Вундеркинды из кожи вон лезут, чтобы улучшить жизнь человечества, а плодами их нелегкого труда с легкостью шаловливого ветерка пользуются в основном негодники. К тому же умудряются загонять «лохов ушастых» в землю, не забывая, при этом, осквернять их могилы. Разность потенциалов одного генома с неустанным упорством превращает в прах представителей другого генома. И так на всём протяжении существования живой природы. Для более убедительного примера возьмём картину талантливого художника - Тайная вечеря. «Посиделки» проходили на втором этаже мавзолея, где захоронены древние цари - Давид и Соломон. Сам факт такого «святотатства» свидетельствует о том, что Иисус был их потомком. Ибо только единокровники имели право на подобное «кошунство». Не смотря на сакральность момента, когда Иисус говорил, что все присутствующие апостолы в критический момент предадут его, один из них набравшись наглости, разговаривает с Марией Магдалиной - женой Иисуса, не выпускал из руки холодного оружия. Символическая аллегория, не правда ли? Богочеловека явившего миру главную заповедь о любви, именно, за это и казнили. Изуверская суть злодеяния не может подлежать опровержению в том, что Иисус выбрал не тот народ.

Народ был недостоин своего поводыря. Не даром устыдившийся предательством Моисей сорок лет водил по пустыне свою паству, чтобы новые народившиеся поколения не знали о сраме своих вредливых предков. Наши видные современники тоже не избежали «распятия» - те кто «имел укус» с точкой зрения «столпов общества». Вспомним вышеназванного нескучного Льва, тоест в то время ещё Львёнка - Ландау. Сильные мира сего использовали его дарования в военных целях, а когда уяснили, чем могут закончиться игры с Кобальтовой бомбой выкинули в буквальном смысле учёного на обочину, сунув в знак компенсации Нобелевскую премию.

Одно отрадно. Не всё так плохо в этом мире. Сквозь толщу чёрного марева сумел пробиться луч света. Название лучика - Космический телескоп «Хаббл.» С его помощью был снят фильм в 3 d. Эффект присутствия просто поражает. Вот ты приближаешься к маленькому облачку в огромном океане облаков, врываешься в него, видишь маленькие точки, и вдруг, просекаешь, что эти маленькие точки - солнечные системы... Где уж нашей маленькой планете до таких масштабов. Но тут же приходит понимание: насколько наша Земля прекрасна и уникальна... Несопоставимость в масштабах завораживает. Это просто сумасшедшая красота.

- Тамара Александровна! Можно вопрос?

- Хоть два ...

- Судя по многовековой спячке европейцев в

собственных ммм... кефалиях или фекалиях, Украинскому народу повезло?

- В каком смысле?

- По утверждению некоторых политиков Украина появилась только в двадцатых годах прошлого столетия и возможности нанюхаться «благовоний» счастливо избежала?

- Ходят слухи в подворотнях, ходят слухи тут и там, а беззубые старухи, их разносят по домам... Чьи слова?

- Высоцкий !

Тото и оно ! К стати, Владимир Семёнович имел Киевские корни. Его бабушка Дарья Семененко - тому подтверждение. У нас ещё осталось немного времени и мы непременно, разотрём плевки «некоторых» политиков. Україна - це вислід труду і праці багатьох поколінь. Природа не дала Українському народові вигідних умов життя, не забезпечила йому легких успіхів і безтурботного існування. Важкими зусиллями доводилося добувати життєвий простір. Довгі сторіччя тривали змагання і боротьба, поки наші предки закріпили за собою свою землю, багато вони «утерли по-ту», поки опанували і скульптуризували дикі поля та зорганізували державу.

Это главная теза появления Украинского народа как нации.

В тысяча тридцать шестом году после последней войны с Печенегами Князь Ярослав на-

чал «окультуривать» свой город Киев. Город был укреплен валами и брами, главная из которых носила название - Золотые ворота. В старой части города Ярослав возвел княжий двор, в новой построил собор святой Софии, украшенный фресками и мозаикой. Таким он сохранился и до наших дней. Надеюсь, все там побывали? Уже в то время Киев был большим Европейским мегаполисом, можно сказать. По сведениям немецкого хрониста Титмара в нем насчитывалось больше четырех сотен церквей, много торговых палат и красивых зданий. Бременский епископ Адам назвал Киев соперником Константинополя.

В те далекие времена украинский народ не мог себе позволить мирное существование наслаждаясь покоем и комфортом. Он постоянно вел войны, в основном - освободительные. Всевозможные многочисленные племена, такие как, выше упомянутые печенеги, половцы, торки или тюрки и т.д. постоянно нарывались на грубость. Народ, отложив повседневные дела, брался за оружие и отражал надоевшие до икоты наскоки незваных пакостников.

Так было и в памятном тысяча шестьдесят восьмом году, когда половцы в очередной раз ткнулись в Киев, которым предводительствовал один из сыновей Ярослава, Изяслав и нанесли ему поражение. Степняки начали свою традиционную работу... - грабить завоёванный город. Жители спрятавшись от грабителей стали про-

сить Изяслава выдать им оружие, чтобы самим защищать себя от злодеев. Получив отказ, они сломали военный арсенал, выбрали себе нового князя и под его водительством начистили «чавки» половецким гостям, а заодно и инертному князю и «неадекватным» боярам. Иными словами совершили первую в истории Украины революцию. Киевская революция не была выступлением против княжеской власти вообще, она носила взбадривающий характер - виагрой, своего рода, чтобы чиновники не нежили пуканы на мягких диванах, а защищали свой «электорат» от глумливой публики. Аналогию просекаете? Чтобы успокоить народ Киевские вельможи обратились к Владимиру Мономаху, чтобы он взял власть в свои руки. Такое положение нарушало наследственный порядок, но что делать? Революция ! И так власть Мономаху дала социальная ситуация и он сделал всё возможное, чтобы устранить причины народного недовольствия. Одним из презентов было Чёрное море в районе Херсона, что давало возможность налаживать торговые отношения не только с ближними соседями, но и дальними - Крым, Греция, Византия и т.д. Открылись новые виды деятельности для населения - рыболовство в промышленных масштабах. Речной флот, что базировался на Днепре, уже имел коммуникацию с морем. Таким образом экономика значительно поднялась. За счёт торговых отношений с приморскими и заморскими державами. Главным

двигателем, как внутренней, так и внешней торговли было купечество, но и бояре не брезговали прибыльным ремеслом. Духовенство было третьей составляющей частью добробута столицы Украины. Оно влияло на настроение и идеологию населения. А теперь внимание. Речь пойдет о недоразумении относительно «Киева - матери городов русских» - как на полном серьезе голосят всевозможные кликуши стремясь принизить Украинский народ перед лицом мировой общественности. Никогда, подчёркиваю - никогда Киев не был русским городом. Летописец пишет: Гетман Выговской твёрдо и ясно вёл дело Украинской державности «Руського князівства», достойно держался на переговорах с Московщиною и Польшею не позволяя им легкомысленного отношения к Украине.

Другой контекст: Особенно опасное для Киева было образование нового политического центра в Суздали, на территории великорусских племён. Начало организации Суздальского княжества положил Юрий Мономахович. При этом он не прерывал связей с Киевом и даже стремился добыть себе киевский престол. На лицо вольное обращение с формулировками. На тот период времени Украину часто называли «Руським княжеством», Русские племена - Московщиною. Следует добавить, что Украина с Московщиною постоянно враждовали. Это была даже не столетняя война - тысячелетняя, которая как по регламенту про-

должается до сих пор. Ремарка. Если уж развивать тему - где чей город, то в становлении Российского Суздаля приложил руку Юрий Свет Мономахович.

Улавливаете подоплёку? То-то же... А, что касается киевского престола, то после разборки со своими братьями, он его таки добыл и сидел на нём до самой смерти. Таковы были нравы, таковы правила игры и не нам судить о них. Беспристрастно судить об Украинцах в целом могли лишь летописцы того беспокойного времени. Они отмечали:

- «Украинцы предпочитали тяжесть походов, на спокойную жизнь рабов. Воля для них всегда ценилась выше всего».

Акцентируя внимание на детородности: - ведь каждый новорождённый город - это детище его основателя, нельзя пройти мимо харизматической личности - такой, как Данило Романович Галицкий (1202-1264). Именно он заложил основы фундамента города Львова. Среди своих современников редко кому удавалось, благодаря мудрой державной политики, фактически не покориться власти Золотой Орды. За высокие заслуги воителя и созидателя римский папа Иннокентий IV возвел его в королевский ранг. Данило активно проводил западную политику, расширял западные культурные ценности, не чуждался европейского самоуправления в городах. Подчёркивая мудрость князя, историки писали, что его

можно ставить вторым после библейского Соломона.

Благодарные потомки - жители Львова по своему отдали дань своему знаменитому пращуру. Они заказали Львовскому скульптору В.Ярычу изваять к празднованию семьсот сорока пятилетию города памятник королю Даниле, и он стал символом Галиции. Стратег Данило, будучи дальновидным политиком возвёл в ключевых точках своего государства, укрепление городов для усиления позиций в противостоянии внешней агрессии кочевых племён татаро-монгол и войскам западных соседей. И хотя, спустя какое-то время крепостные укрепления были разрушены, сын основателя Лев не только заново отстроил их, но и создал на вершине горы «Высокий замок», ставший резиденцией правителей Галицко-Волынского княжества вместо уничтоженного войсками Батыя.

Немало столетий прошло с тех пор.

Над Львовской землей пронесли войны и пожары, но хоть и краткие - годы благоденствия, хотя подданство менялось с завидной регулярностью. Память о том, кто подарил жизнь их любимому городу осталась навсегда в сердцах многих поколений Львовян. Изготовленный из камня и бронзы всадник на буйном коне свидетельствует об этом.

2016 г.

Бегство с планеты

Стародавняя сказка живописует, как хитрая Лиса вешала лапшу на уши дремучему Медведю. С тех пор мир кардинально изменился и лапшу подвергли интерпретации: - её родимую, уже называют макаронами, а для пущей убедительности подмащивают Пармезаном. Сыр такой, что очень любила Ворона. Но сказки сказками, а быль тоже не избежала превратностей. Любит народ, что ни попадя, переиначивать, оглядываясь вокруг себя. - Кулибины называются. Один дополнит умный механизм к лопате, чтобы копала производительнее и с меньшим напрягом мышцы, другой усовершенствует двигатель на драндулете и норовит запатентовать «новшество», ну, а третий, пятый, десятый с упорством экскаватора копает море, намереваясь изменить ландшафт. Скучно сидеть в квартире и переклеивать обои. Итак, копали, копали и докопались... Помните песню? - «Зовет гора магнитная, душой магнитогорский я, и так далее». Хорошая была песня -задушевная. Только почему-то вскоре забыли её. Не актуальной стала. Ну посудите сами, - кто будет петь песню про гору, когда на её месте уже и не гора, а полновесная яма-котлован называется. И так, везде, где коснётся железная рука

экскаватора, возникает интерпретация. Иногда с нюансом... Если лапшу обозвали макаронами то суть от этого не изменилась лапша, она и есть лапша, а вот с... ну вы уже догадались. Или вот ещё один шедевр перелицовки. Предания, время от времени напоминают о железном канцлере, что бряцал оружием и наводил страх на ближнее окружение, и не только. Бисмарком его звали. Хороший был мужичёк, только драчливый. К кому ни прикоснётся у того сразу возникают изменения на лице, или ещё где-нибудь - земля ему пухом. И где он теперь? История помалкивает. Одни говорят, что его призрак бродит по Европе, а другие видели в детском мире оловянных солдатиков во главе с командиром смахивающим на дядьку с пышными усами и в шлеме с остроконечной пикой. Всяк изменяет мир в меру своих способностей. Кто на что учился, как говорят в народе. Иные не довольствуясь полумерами сразу меняют русла рек, другие делая географические открытия присваивают свои имена проливам и даже целым морям. - Море Лаптевых! Ну, каково? Или пролив Лаперузо на худой конец. Изменения, изменения... Как завораживающе звучит это слово. Был такой президент Трумэн - сразу после Рузвельта, который перед тем как измениться самому до неузнаваемости дал наказ своему преемнику изменить облик сразу двум городам. Хиросимой и Нагасаки назывались. Вот это, я вам скажу, фейерверк был.

Куда там Честолюбивому Геростратишке со своим поджогом родного города. Из горящего поселения люди просто-напросто сбежали, а вот после бомбежки... Изменения. Чтобы еще поизменять? Карту мира поменяли, но это было давно, еще в процессе войны с последователем Бисмарка. Ага, придумали! Поменять вкусовые пристрастия у людей, а заодно и численность населения на планете. Расплодились, понимаешь. Вот это идея. Неисчерпаемый фронт работ. Поле не паханое. Срочно его запахать и засеять. не популярной в то время царицей полей. Её в свою княжескую бытность сам Никита Хрущёв любил (нет, не кушать) выращивать. Зайдет, бывало, в самые кущи Кукурузные и давай мериться ростом. Кто выше - он или она? Поскольку любитель процесса был метр с кепкой, то спрятаться среди рослых стеблей не составляло труда. Охранники полгектара стройных злаков нагнут, пока отыщат отца благодетеля решившего поменять рацион питания у подданных. Чтобы она лучше росла за полярным кругом, решено было ввести ей допинг - провести генную модификацию - всего-то-изменить структуру клетки. Злаку дана зеленая улица - просека в заполярье. Но вот закавыка: -Что для Ягеля благо, кукурузе оказалось смерть. Не приживалось строптивное растение. Гумус ему подавай. Гурману умеренного климата. Да где ж его взять, если сразу под плюгавыми корнями оленьего деликатеса лёд просвечивал - вечная

мерзлота называется. Плюнул несостоявшийся агроном на свою затею и в отставку засобирился, или товарищи по партии «посоветовали» сменить профиль для приложения сил. Говорят, будучи на пенсии, Никита Сергеевич самолично гнул водопроводные трубы на дачном участке. Помидоры выращивал. С кукурузой навсегда разошёлся во мнениях из принципиальных соображений. Тем не менее механизм запущенный селекционером, худо бедно продолжал работать. Яйцеголовых ботаников - не только в России, всё-таки захватила идея по изменению порядка атомов ядра клетки в Богом данной культуре. Она посопротивлялась сколько могла и уступила назойливым реформаторам. Деликатная проблема была решена и обнародована с применением фанфар. Мол, ГМО - есть прорыв в сельском секторе экономики. Мясо животных выращенное на непревзойденном, по качеству корме, скорее благо, чем наоборот... Правда, сами ораторы предпочитали кушать мясо нагулянное коровками на Альпийских лугах. Но это мелочи. Не могут же кочегары, самовары и сивые мерины вкушать говядинку за одним столом со столпами общества. Факт неоспоримый. В этой иерархии всё без перемен. Для простого народа создали транснациональные корпорации по вопросам питания. Вот тут уже на изменения не поскупились. Гости заменили непонятными ДСТУ, когда вместо натурального продукта можно было впаривать вся-

кую туфту сдобренную Е-шками. Подошва от старого сапога пропитанная глютоматом натрия создавала во рту иллюзию райского наслаждения. Аспартам-искусственный сахарозаменитель, распадаясь, превращается в формальдегид. Он значительно слаще сахара, но только в ощущениях на кончике языка, а сам по себе это химически синтезированный продукт. Комментарии излишни. Красивая упаковка наполненная неизвестно чем, может день за днём укорачивать вашу жизнь. Таковы реалии жизни. За состоянием здоровья обывателей ни шатко, ни валко следят «эскулапы». Призванные облегчить состояние пациентов, они в первую очередь стараются облегчить их кошелек посылая в принадлежащую им самим аптеку, а дальше, что получится. Выживет смерд, значит ему сопутствовала удача. «Бросил кони», что ж, все под Богом ходим. Лечат нормально, тех у кого карман оттопыривается. Основная масса людей предоставлена сама себе. Здесь так же всё без изменений. Петроний - тот, что Арбитр Гай, таких доходяг, в свою бытность, не оставлял в одиночестве: «Умереть - значит присоединиться к большинству», успокаивал он больных. Господи благослови их.

Коснёмся политики. Это такая изменчивая дама - (из публичного дома), чуть не сказал и был бы не далёк от истины. По этому выберу минорный тон: «А вы знаете», восклицают на одном углу Банковой улицы в Киеве? - «А вы знаете» - шеп-

чут на другом? - «Да, что такое», недоумевают прохожие? А дело простое как та пресловутая репа. На активах трёх Российских банков - Проминвестбанк, Сбербанк России, и Внешторгбанк приходится около 9% банковской системы Украины. Не смотря на то, что контрольный пакет акций принадлежит Россиянам, они не применяют жесткие меры в экономической сфере по отношению к Украине, власти которой считают Россию страной агрессором. «В нашем, правящем классе засела «пятая колонна», считает профессор кафедры международных финансов МГИМО, доктор экономических наук Валентин Катасонов. Будучи самым крупным кредитором Украины, Россия выпестовывает агрессивно настроенный по отношению к нам режим, спонсируя его на миллиарды долларов. В газовой сфере похожая ситуация. - «Газпром» представляет «Нафтогазу» скидки одну за другой. При этом не демонстрируя особого рвения в плане взыскания накопившихся долгов. Всё это большая политика. Желание потрафить Западу, поддержать его веру в наши «договорные обязательства».

Вот так! Ни больше и не меньше. Имперские амбиции стоят таких денег, к тому же Украинские бизнесмены тоже «спонсируют» Россию. И не хило. Баш на баш. - Паритет называется. При этом президент Путин «косит» под пай-мальчика. Но куда бы он не косил, во всех его «свершениях» сквозит дух захватчика. «Мальчишь плохишь», -

так говорят о нём в кулуарах интеллигентные люди. Граждане Украины наделили его более нелицеприятным прозвищем. Да и есть за что. Ссылка на геополитику не выдерживает никакой критики. Флот на полуострове, который он «отжал», в полной мере отвечал оборонительной доктрине. Да и Каспийская флотилия показала, на что способна. Крылатые ракеты «Р-500» запущенные седьмого октября две тысячи пятнадцатого года с борта корабля поразили цели в Сирии, покрыв расстояние в тысячу пятьсот километров. Вот это уже не оборонительная доктрина, а чисто имперские забавы. Чтобы окончательно похерить геополитический миф, упомянем о факте расположения Американской военной базы на территории Киргизстана под боком Российской федерации. И ничего... Никто никого не съел. Как в том анекдоте: - «Марь Иванна так защищает, так защищает свою честь».

- «Да уж хоть кто-нибудь покусился бы, надоела всем».

Говоря о политике, иногда хочется попросить Боженку, чтобы он Галактическим лучём прошёлся по извилинам некоторых власть придержащих особ. Недавно президент Филлипин чуть ли не признавался в любви к Путину. Судя по филиппике в адрес Российского президента - на его архипелаге из глубин океана образовался новый остров, и он не знает, что с ним делать. А тут ещё одна напасть - беспрецедентная, как лю-

бят выражаться политики. Такого афронта по отношению к родной планете ещё никто не закидал. Вдумайтесь! Её хотят покинуть. Шкодливые, сытые коты, выгребли за сто с лишним лет все земные ресурсы и адью... Помашите дяде ручкой. Когда Никола Тесла предлагал технологию по добыче дармовой энергии из атмосферы, его замордовали, не дали довести начатое дело до конца. Увидели в его проекте угрозу своему вонючему нефтебизнесу. Превратили среду обетованную в сплошной карьер и теперь надумали смазывать пятки. И целый год полёта к другой планете их не останавливает. Финита едет, когда-то будет... Поменять некогда цветущий оазис на Марсианские камни - это надо быть не просто извращенцем, а амбецилом в квадрате. Воскресите Теслу¹, если так дорожите собственной шкурой. Бросьте все криминально нажитые активы на возрождение разграбленной вами планеты и весь цивилизованный мир будет спасён, как и вы сами. Если этого не произойдёт, мы земляне остаемся до конца на своей Родине. Недавно учёные впервые за пятьсот лет убрали крышку с гроба Господнего и обнаружили там камни на которые положили Иисуса Христа после снятия его с голгофы. Нам землянам эта маленькая купка камней родней и дороже чем некий Марс состоящий из огромных отвалов никчемного щебня.

1 - образное выражение

2016 г.

Душа моя

Одесса живёт своей жизнью мегаполиса. Всяческие всплески событий где-нибудь в глубинке заставляют людей населяющих тихие гавани вскидываться, напрягаться, гасить адреналин, но тут подобные явления протекают рутинно. По привычному замкнутому кругу. То, что любые события для каждого человека подготовлены всей его прошлой жизнью, мало кто знает, а если и знают - не заморачиваются. «Такова жизнь». Сакраментальность всё ставит на свои места. - «Не суетись, не дёргайся, дыши ровно, потому, что если будешь в состоянии эмоциональном принимать решения, то последствия могут быть не предсказуемые.» Жизнь - процесс и итог даже самых продуманных решений предвидеть дано не каждому. Афоризм это подтверждает: «человек способен на многое, но не каждый знает, на что он способен». Равнодушные не ощущают своей инертности. Они в ней живут.

Я, один из армии «дикарей» поселился вдали от городской метушни на задворках дачного посёлка шестнадцатой станции Большого фонтана. День выдался удачным. Неназойливо светило солнце, небо своей голубизной навевало умиротворение. Хотелось, чтобы так было всегда. Неспешным шагом я направлялся к морю. Мне

оставалось пройти всего ничего, когда предчувствие близкой перемены устоявшегося комфорта напомнило мне, что я не один в этом мире и мои устремления могут в любой момент бесцеремонно подкорректировать. Вначале послышался шум легкового автомобиля, что в садоводческом кооперативе обычное явление, но тот факт, что он стремительно приближался, наводило на размышление. Тут не было гаревых дорожек по спидвею и владельцы машин старались объезжать каждую ямку, каждую колдобину. Показавшийся из-за поворота лендровер-седан без крыши или как ещё их называют - ландо, пренебрегая правилами техники вождения, нёсся, игнорируя бездорожье. Я, прижался к забору и с опаской ожидал нарушителя спокойствия. До меня ему оставалось уже не более двадцати метров, когда, внезапно, из подворотни выскочил огромный пёс и остервенело влаивая кинулся к машине. Водила, ясный пень, не ожидал такого афронта и с не меньшим остервенением нажал на тормоз. По всей видимости тормоза, были плохо отрегулированы и не все колёса заблокировались. В итоге левое переднее попав в яму стопорнуло машину так, что её развернуло и она опрокинулась. Пассажиры сидевшие на заднем сиденье прыснули из нее как из катапульты. Я остолбенел. Прямо на меня летели два человека. Мир сфокусировался до минимальных размеров, и, как бы приостановился, предоставив мне возможность осмыслить ситуа-

цию. Происходящее виделось как в замедленной киносъёмке. Слева от меня кувыркался борова-подобный оковалок мужского сословия, справа трепыхалась с развевающимся подолом платья представительница женского рода человечества. «Их полёт проистекал без руля и без ветрил...» Лица катапультируемых я разглядеть не успел, но вот рефлексы сработали на все сто. Я машинально схватился за подол хлестанувшего меня по лицу и тут же ощутил нехилый рывок отрывающий меня от земли. Раздался треск разрываемой материи и ... всё смолкло. Осталось только взглянуть и вспомнить картину Репина «приплыли». На земле сидело растрёпанное существо в остатках бывшего прикида. Глаза у тинейджерки были шальными и, казалось, вопрошали: - «А продолжение будет?» Я подошёл к ней с оторванным лоскутом и помог подняться.

- С прибытием. Как прошёл полёт?

«Существо» всё ещё пребывало в отстранённом от мирской суеты состоянии и на вопрос не отреагировало. Спустя минуту, она спонтанно примерила оторванную полосу материи и с надрывом расхохоталась.

«Жить будет», подумал я и собрался уже уходить, но девушка вдруг прекратив истерику, схватила меня за руку и всхлипнула: - Пойдемте быстро отсюда. Быстрее, быстрее. Она тянула меня от машины в проулок, куда, в общем-то я и направлялся, поскольку он выводил на набереж-

ную. Спустившись на пляж, мы ушли подальше от входа. На этом настояла моя спутница.

- Ну вот, здесь в толпе они нас не найдут, - вымолвила она, и сняв остатки одежды уселась на них. Я вопросительно посмотрел на своё «приобретение», но вопросов задавать не стал. Молча снял с плеч рюкзачёк и начал вытряхивать его содержимое.

- А вы стрёмный мужичёк. Молодчага! Девица свалилась, буквально, вам на голову, а вы и ухом не ведёте. С вами такое часто случается? Наверное привыкли?

- На свете много чудес Горацио... Я протянул оклемавшейся незнакомке руку и представился, - Василь.

- Ой, а я Василина.

- Это знак, а чего, пока не знаю.

- Зато я знаю. Вы мой спаситель, избавитель, настоящий ангел хранитель. Не будь вас, я бы разбилась вусмерть.

- Повезло, а вот тем... я мотнул головой, не очень. Между прочем, надо бы вызвать скорую. Всё таки ДТП и что с твоими спутниками, неизвестно.

При упоминании «тех», лицо дувушки снова стало отрешённым, мало привлекательным. Она, как будто, сменила маску. Опустив голову, не глядя на меня, она с долей сарказма выдавила из себя:

- Они сами доктора... Во всяком случае так кривлялись после того как, походя, прямо с до-

роги, закинули меня в свой рыдван. Мы, мол, доктора. Всех лечим, и желающих, и не очень. Где-то я вычитала - есть люди у которых самая непристойная часть тела - это лицо. Так вот: - один из них вписывается в эту категорию. Более того - мерзавец в квадрате. Не успела машина тронуться с места, как он уже меня облюндовал и облапал. Это у него медосмотр такой. На мои причитания только глумливо хихикал и долдонил: «Ух, повеселимся». Повеселился. Есть Бог на свете. И пёс, Божья тварь, в придачу, а еще молодчага, который не растерялся и порвал даме её любимое платье. Я его сохранию до конца своих дней.

Василина улыбнулась, но улыбка больше походила на гримасу. Глядя на неё, меня посетили грустные мысли. «Для торжества зла необходимо только одно условие - чтобы злодеям всё сходило с рук». Казалось бы, уже были значимые примеры, когда Бог наказывал нечестивцев - взять те же Содом с Гоморрой, но они как упоротые сорняки лезут не смотря ни на что. Ницше говорил о переоценке ценностей: «Прежние добродетели становятся грехами, а прежние грехи превращаются в добродетели».

- Да, всё-таки Бог на свете есть, - прервала мои размышления Василина.

- Кто бы сомневался.

- Василь, ты хочешь, что-то добавить о вере?

- Я не верю, знаю однозначно, что он - таки да,

есть. И на небе и в каждом из нас.

Василина автоматом перешла на дружескую ноту общения, я последовал её примеру. - Ты слышала об Адронном коллайдере разгоняющим электроны до несусветной скорости?

- Одно время о нём жужжали по всем телеканалам. И что?

- Имеющий уши, да услышит... После ряда неудач, учёным всё же удалось достичь желаемого результата. На свет явилась доселе неуловимая частица, которую называли «Бозоном Хиггса» или проще говоря - частицей Бога. Не будь этой частицы Вселенная не возникла бы на свете. И самого света также не существовало бы.

- Хиромантия да и только.

- Не совсем так. Эти частицы представляют собой своеобразные информационные кубики, которые создали материю. В том числе и нас с тобой.

Василина, заметно посветлевшая лицом приготовилась слушать. Мне не оставалось ничего другого, как постараться переключить мрачные мысли собеседницы в другую колею. - Информационные кубики, - продолжал я, находятся строго на своих местах. Упорядоченность информации делает Вселенную живой. Это доказывает, что Вселенная создана искусственно. Жизнь Вселенной проявляется в постоянном информационном обмене, что приводит в движение материю, которая, взаимодействуя между собой, вызывает физические и химические реакции. От этого присходят

разнообразные процессы. Например, взрывы одних звёзд и зарождение новых. Я уже не говорю о процессах на земле, в том числе и на бытовом уровне. Информация создаёт материю как силу, или как средство, способное порождать энергию. Этакий вечный двигатель. А теперь главное: - информацией управляет тот, кто создал всё. Тот, кто создал всё. Улавливаешь?

- А то! Только на общечеловеческом уровне эти процессы идут сикось-накось. Сколько раз человеку давались знания в разные времена. Однако людям свойственно с завидным постоянством их утрачивать. А почему? Да, потому, что человеческий ум настолько усложняет простое, что потом сам не способен понять Истину. Казалось бы, что сложного в душе? Ведь ещё сотню лет назад каждый ребенок знал где у него находится душа и что это такое. Сейчас спроси взрослого человека и он посмотрит на тебя как на недоразвитого. Раз он не знает, значит не должен знать никто - вот его кредо. А ведь это самый главный орган у человека, что отличает его от животного. Орган, который не является материей. Она не изнашивается, не стареет и не болеет. Люди обычно жалуются - душа болит. На самом деле они путают божий дар с яичницей. То есть , духовное с материальным Задница у них болит от безделья, а не душа.

- Василина, не суди так строго людей за простоту понятий. Раз в народе прижилось присло-

вье «доброе слово и душу греет, пусть остаётся в ходу ещё тысячу лет».

- По моему, оно сродни идиоме - «доброе слово и кошке приятно».

- Сергей Есенин в своё время, пребывая в плепорции, ещё не так изощрялся: - «Застегни Есенин, свою душу, это также неприлично, как расстегнутые брюки».

- Неординарным людям простительны самые неожиданные причуды. Без таких людей мир был бы совсем пустым. Преобладали бы в нём такие вот весёлые ребята, как мои похитители. Вот уж у кого души - кот наплакал.

- Время всё расставляет на свои места. В мире постоянно происходит трансформация нравов. Главная причина кроется в постоянном обновлении образа мысли людей. Были времена и похуже, когда почём зря рубили головы королям, не говоря уже об особях помельче рангом. Правда, в наши дни Ким Чен Ынов тоже хватает. Нюанс. Меняешься сам, меняется твое отношение к миру. В спорте это заметнее всего, где главная фишка - одержать победу любым путём. Этакая игротека. Пинают себе мячик два десятка лбов, а стадион ревет на всю округу. Децибелы от эмоций болельщиков превышают все допустимые нормы, а это мощная энергия, но фокус в том, что этой энергией человек подпитывает своё животное начало. В этом случае массы людей на стадионе - животный разум. Со всеми вытекающими пос-

ледствиями. Ни для кого не секрет как футбольные фанаты ведут себя «болея» за свою команду. Хорошо, если разборки с болельщиками других клубов заканчиваются только разбитыми носами. Подобными забавами развлекались и в древнем Риме и в древней Греции и сейчас происходит то же самое. Разница лишь в том, что в наше время несколько изменились условия для существования, но внутренние проблемы, борьба духовного и животного начал остались те же. Подоплека надеюсь ясна. Вряд ли найдется на таком сборище десяток одухотворенных личностей. Правители во все времена манипулировали поведенческими характеристиками людей. Руководство любой страны в мире, соответствует потребительским запросам своего народа. В людях с помощью идеологии создаётся иллюзия, что их желания будут выполнены «в ближайшее время». Такая игра происходит из поколения в поколение. Перенаправляется внимание, вместо реализации духовных потребностей в материальную жизнь. То есть происходит подмена духовности животным разумом. Настоящее таинство духовности заключено в словах Христа: «По вере вашей да будет вам». Человек сам выбирает, какому началу внимать: то ли животному, то ли духовному. Кто-то вымаливает у Бога здравия для тела, а кто-то жизни вечной для своей личности в доме Души. Причём неважно, числишься ты в какой-то религии или нет, это личная духовная суть каждого человека. Важно

стать хорошим примером для остальных, а не искать виновных во всех бедах. В обществе люди тянутся к тем, у кого есть Честь, Достоинство, кто живет по совести служит духовному миру, игнорируя материальные приоритеты. Вот таким человеком и нужно быть, в первую очередь работая над собой. Есть древняя мудрость: если один человек победил в течение жизни множество людей в сражениях, а другой лишь себя, то второй обрёл победу большую, чем первый. Ведь для человека важнее победить самого себя, чем всех других людей. В мире не должно быть условий для возникновения распрей между людьми, в том числе межнациональных. Есть высшее - духовное объединение людей всех национальностей. Это понятие именуется словом Человек. Вот об одном из таких «человеков» хочется упомянуть, вернее не об одном, а сразу двух. Михаил Шемякин и Владимир Высоцкий. Ни тот, ни другой не были причислены к религии, потому, что за такое «злодеяние» коммунистические идеологи строго наказывали. Вплоть до помещения в психушку. Туда молодой Шемякин, всё-таки и попал. Как, говорили в шестидесятые годы: «Был бы человек, а статья найдется». Михаил поступил в художественную школу при Ленинградской академии имени Репина Там была замечательная библиотека, но студентам не выдавали книги по современному искусству. Их выдавали только тем, кто долго состоял в партии. «Нездоровый» интерес студентов к таким книгам считался призна-

ком психического заболевания. И... Шемякин попал в психбольницу закрытого типа. Спасся он только благодаря маме, которая взяла его на поруки. Но психотропных препаратов наглотался по полной программе. О дальнейших «хождениях по мукам» слишком долго рассказывать. Где бы молодой Шемякин не выставлялся со своими картинами, тот час приходили «серые пиджаки» и гасили его душевные порывы. Так продолжалось до тех пор, пока он не оказался на Западе. Его, просто выкинули как мусор с родного дома. Приезд Художника в Париж стал сенсацией, о нём писали в газетах, говорили по телевизору. Там же он познакомился с Высоцким о котором впоследствии говорил: «Это мой человек». Высоцкий своё отношение к Михаилу выразил ещё откровеннее: «А друг мой, гений всех времён, бродяга и повеса. Когда бывал в сознании он, седлал хромого беса»... Владимир Семенович всякий раз прилетая из Союза в Париж к своей жене Влади вначале шёл к другу. У Михаила была современная по тем временам звукозаписывающая аппаратура, и они записывали новые песни барда. В своей знаменитой песне «идет охота на волков, идет охота». Володя, разумеется ассоциировал с Волками себя вместе со своим ближайшим окружением. Несмотря на свою разухабистость, в душе он был очень ранимым человеком. Западные журналисты спрашивали Михаила Шемякина: «Скажите, вам надо, чтобы ваше искусство понимали обыкновен-

ные, простые люди»?

- «Ещё как, я этим горжусь»!

Великий пример для подражания.

Это Люди у которых честь и достоинство
не

напускные. Они у них в крови.

- А среди женщин есть «Герои нашего времени»?

- Сколько угодно. Одна из них современная Украинская поэтесса - лауреат литературной премии имени Василия Симоненко Наталья Горишная. В её стихах лирика пребывает в гармонии с душой всех людей доброй воли на Земле.

Глаза девушки были направлены туда, где на горизонте небесная синька смыкалась с водной ширью. Морские волны раз за разом набегали на берег, откатываясь назад, как бы приглашали в свои объятия.

- А не искупаться ли нам - душа моя?

- Ой, скажи это ещё раз...

2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Базар-вокзал, или исповедь больного человека...	3
Собачьи зарисовки	12
Вечные горы	20
Чужая боль.....	31
Долгий поцелуй	45
Фонаря.....	49
Пустынное кораблекрушение.....	54
В плену у Кобры.....	64
Биологически активная среда.....	69
Сон Пигмалиона.....	78
Горное болото.....	95
Остров Презрения	104
Кооператив «Тури».....	114
Прекрасная Маргарита.....	128
Полеты наяву.....	142
Влюбиться в Божество	257
Золотой берег.....	265
Другая планета	278
Бэтти и Кэтти	292
Дальние приятели	305
Мальчик с конвейера.....	317
Форум в Давосе	343
Простые люди	354
Фактор времени	366

Свободный урок	374
Бегство с планеты	397
Душа моя	405

Літературно-художнє видання

Груненко Геннадій

ДРУГА ПЛАНЕТА

Оповідання

(Російською мовою)

Друкується в авторській редакції

Верстка *Роксоляни Бедрій*

Технічний редактор *Леся Пелехата*

Коректор *Оксана Лутчин*

Здано на складання 02. 05. 2013.

Підписано до друку 28. 12. 2013.

Формат 70x90 1/32. Папір офсетн. Гарнітура Adonis.

Офсетний друк. Умов. друк. арк. 12,82. Обл.-вид. арк. 10,08.

Наклад 1000 прим.

Видавництво «Каменяр». 79008, Львів, вул. Підвальна, 3.

Свідоцтво Держ реєстру: серія ДК, № 462.

Ел. адреса: vyd@kamenyar.com.ua

Вебсайт: <http://www.kamenyar.com.ua>

Тел.автора +(38 032) 096-657-35-90

Груненко, Геннадій

Г90 Друга планета [Текст] : оповідання / Геннадій Груненко. Другая планета. – Львів : Каменяр, 2014. – 419 с. – Рос.

ISBN 978-966-607-274-5

У своїй новій книзі сучасний автор, який проживає в славному шахтарському місті Червонограді на Львівщині, заглядає у невидимий світ інших цивілізацій, які власним розвитком значно перевершують нас, землян, намагається глибше осягнути такі поняття, як левітація, прана, астрал., акцентуючи на перемозі добра над злом.

УДК 821.161.1(477) ББК 84(4РОС)

тел.автора 096-657-35-90